

ЛИНА МУР

INSPIRAVERIS

Annotation

Эллиаде. Наш маленький городок, находящийся на земле прекрасной Румынии за высокими стенами, ожидает что-то невероятно плохое... чувствую это. Знаю. Ведь не просто так схожу с ума, слыша его голос, зовущий меня на забытом и мертвом языке — латыни. Мне до жути страшно спать, и там он ворвется ко мне, чтобы забрать к себе. Но то, что мне открылось, заставило меня принять решение, изменившее всю мою жизнь, как и жизнь моего народа. Я верю в то, что стены когда-нибудь рухнут...

Inspiraveris

Верни меня

Лина Мур

Всем тем, кто покинул нас...

Пусть покоятся с миром...

Наша любовь достигнет их, где бы они ни были...

Душам, что оберегают нас в этом мире...

Темно. Я едва могу различить, куда ступаю. Сырые стены вокруг. Под моими босыми ногами острые камни и вода, но я зачем-то иду вперёд. Холодно. Кожа покрывается мурашками, обнимаю себя руками. Не знаю, где я и, как попала в этот тоннель. Словно запрограммированная, я следую за чьей-то тенью, мелькающей впереди. Нет желания оглянуться, ощущаю спиной, что за мной наблюдают. Кто?

— Аурелия, я жду тебя, — раздаётся глубокий хриплый голос на необычном языке, заполняющий всё маленькое пространство. Но я понимаю его, буквально каждый звук, хотя разум отрицает такое открытие. Ледяное дыхание дотрагивается до моей яростно бьющейся вены на шее, а сердце бешено бьётся в груди, заполняя шумом голову.

Кричу от страха, и меня вырывает из сна.

Я открываю глаза, хватаясь за грудь, где бешено скачет сердце, и сажусь на постели.

Быстрое дыхание, и капельки холодного пота покрывают моё тело.

— Всего лишь сон, — шепчу, убеждая себя и делая глубокий вздох, пока сердце продолжает испуганно колотиться внутри. Стираю с лица влагу ладонями.

Бросаю взгляд на светящиеся часы на тумбочке и запускаю руку в волосы, падая обратно на постель.

Четыре утра! Четыре чёртовых утра, и мне теперь больше не заснуть. Я боюсь снова погружаться во тьму. Я устала от неё. Надоела эта невозможность отдохнуть без тёмных снов.

Со дня моего восемнадцатилетия кроме голоса в голове, зовущего меня по имени, появились странные сны, терзающие меня каждую ночь. Тридцать пять дней я сплю по три — четыре часа, пока не подсакиваю, как сегодня, от инстинктивного страха, присущего любому живому существу. И всегда одно и то же: тёмный каменный коридор и некто, ведущий меня.

Я поднимаюсь с постели, потому что меня раздражает то, что мне нельзя спать, а подушка такая мягкая, там так тепло и уютно...

Цокнув, подхожу к окну, смотря на тёмную улицу и на погрузившиеся во мрак дома наших соседей.

Хорошо им никакой шизофренией не страдают, в отличие от меня. Даже заняться нечем, уроки все сделаны, а за латынь даже садиться не хочу. Возможно, если прекращу это увлечение, то все потухнет? Ведь этот человек или же не знаю кто, который так ярко врывается в мою голову, произносит слова именно на этом языке. Из-за него я выудила из городской библиотеки книгу, ладно, украла, и теперь затёрла её до дыр.

— Хватит, — мотаю головой и подхватываю со стула толстовку, натягивая на топик.

Я уже привыкла к постоянной мрачной погоде и невозможности позагорать, ведь даже в летние месяцы у нас отметка термометра не поднимается выше восемнадцати градусов. Наш закрытый город под названием Эллиаде, в честь Мирча Элиаде знаменитого писателя и исследователя мифологии, находится в горах рядом с границей Трансильвании. Нашего поселения даже нет на карте Румынии, но мы существуем за высокими стенами и многочисленной охраной. Наш народ имеет свою религиозную культуру и обряды, школы и университет. Мы учимся, работаем, выходим замуж и умираем только тут. Некоторые из нас уезжают за пределы, но они становятся неверными изгнанниками, забытыми для всех,

которых более не примут их семьи. Да они и не желают возвращаться в эти стены.

Отчего так происходит? Жители и старейшины нашего города считают, что остальной мир теряет свою культуру и ценности. Забывает предков и не чтит память. Деградирует в животных, ставит на первое место материальные блага. У нас нет бедных и бездомных. Да, есть ранг жителей выше по статусу, но это несколько семей основателей этого города. Цены фиксированы, также в обиходе талоны, которые выдаются семьям для питания каждую неделю. Желать большего запрещено. Мне это, вообще, непозволительно, потому что моя мама — мэр города, и входит в Совет Министров, а наши предки были в числе тех, кто строил этот город и устанавливал законы и правила. Нас немного, но достаточно, чтобы видеть новые лица каждый день. Кафе, рестораны, церковь, светские рауты и приглашённые исполнители классической музыки — размеренная жизнь ещё ни разу не нарушалась. А иногда так хочется чего-то интересного, но это я могу увидеть только в интернете. Конечно, у нас есть современная техника, ноутбуки и телевидение, но многие сайты для нас заблокированы. Никакой порнографии, насилия, — всего, что может повредить разум подрастающего поколения. По телевизору транслируются исторические открытия, национальная музыка, старые классические фильмы, уроки кулинарии. Мобильной связи у нас нет, только обычная стационарная. Но и это не так замечается тут, потому что мы можем увидеться каждое воскресенье в церкви.

Я выхожу из своей спальни, медленно и в темноте двигаюсь на кухню, чтобы занять себя хоть чем-то. Открыв холодильник, равнодушным взглядом осматриваю заполненные полки овощами и захлопываю его, так и не найдя хоть что-то интересное.

— Лия, ты почему не спишь? — позади раздаётся мягкий мамин голос. Я оборачиваюсь, когда она щёлкает выключателем, и небольшая столовая озаряется приглушённым светом.

— Привет, да вот, захотелось воды, — пожимаю плечами, доставая стакан из посудомоечной машины.

— А ты только пришла? — спрашиваю я.

— Да, и уже ухожу, — она тяжело вздыхает и садится на стул.

— Много дел? — набираю воды в стакан и прохожу к столику, опускаясь рядом с ней.

— Мне необходимо уехать в Брашов. Ты остаёшься с Ионой, — говорит мама, а я закатываю глаза.

Да, только совету позволено выезжать за пределы, и, вообще, свободно передвигаться, привозить новинки современного мира, и рассказывать об открытиях, хотя это можно и в интернете найти. Так я заказываю маме всевозможные вещи и книги, которые она с радостью привозит. Ладно, не все, но большинство. Из современного мира мы узнаем о лекарствах, пополняем наши запасы на зиму и продолжаем жить.

— Когда ты её видела? — мама задумчиво постукивает длинными ногтями по столу, и я потираю лоб, дабы припомнить этот день, когда моя бабушка, запрещающая себя так называть, была дома.

— Дня два назад, а может быть, и три, — пожимая плечами, смотрю в голубые глаза матери.

В который раз удивляюсь её идеальной красоте. Ей никак не дашь тридцать шесть лет, максимум двадцать пять. Чёрные, как и у меня, волосы элегантно заколоты. Острые, даже хищные черты лица всегда привлекают наших мужчин. У неё нет отбоя от кавалеров, но она их просто игнорирует, все ещё помня, что сделал отец. Он бросил нас, уехал и стал изгнанным, когда мне не было и года. Раны на её сердце до сих пор не зажили, а я старалась

не напоминать об этом. Да и она мэр, образец для подражания.

— Она слишком много работает, — качает мама головой, а я тихо смеюсь, ставя стакан на стол.

— Больница — её дом, а тут всего лишь место, где она переодевается, — хмыкаю я.

— Ладно, присмотри за ней. В её возрасте надо бы отдыхать.

— Мам, да глупости, эта молодая козочка фору даст нашим атлетам. Ей пятьдесят три, а она заигрывает даже с моими сверстниками на общих собраниях, — хихикаю я.

— Такая она у нас, — мама смеётся от моего замечания, и я наслаждаюсь этими редкими минутами, когда мы видимся и можем поболтать. В последнее время она очень занята, много дел и, я надеюсь, что все же встречается с кем-то.

— Мам, а можно спросить тебя, как врача? — интересуюсь, отводя взгляд от её пронзительных глаз.

— Конечно, милая, тебя что-то беспокоит? Болезненные месячные или ты залетела?

— Ма! — возмущаюсь, поднимая голову и встречаясь с весёлыми серебристыми искорками в глубине глаз.

— Шучу, рассказывай, у меня есть ещё время.

— Скажи, когда ты слышишь что-то в голове, это означает, пора обратиться к психологу? — глубоко вздохнув, спрашиваю я.

— А ты что-то слышишь? Что именно? — я чувствую, как она подаётся вперёд и сглатываю от неизвестно откуда проснувшегося страха.

Что-то подсказывает мне, что лучше свои ночные похождения во сне держать в тайне.

— Не я, Рима. Она рассказывала мне вчера, что она слышит голос, вроде как зовущий её. Мужской голос. По мне, так у неё просто гормоны играют, но она попросила спросить тебя, только чтобы это осталось между нами. Ты ведь знаешь, насколько её родители ограничены, а ты у меня супер, — свободно лгу я, слабо улыбаясь нахмуренной маме.

— Да, с ними ничего не поделаешь. Надо научиться понимать подростков. И то, что происходит с Римой странно. Возможно, она слишком впечатлительна, начиталась чего-то. Ей следует сходить к пастору, пусть он очистит её душу. Если же не получится освободиться от этого, то пригласи её к нам. Возможно, она так пытается привлечь к себе внимание. Я поговорю с ней, — советует мама, и я даже не сомневалась в таком ответе.

— И я это ей сказала, но она уже придумала целый сюжет в стиле опасной любви с неким призраком графа, или того хуже вампиром, вроде Дракулы. Да и, вообще, у неё много сценариев для объяснений, — продолжаю я свою игру, и мама усмехается от моих слов.

— Девочки, вы смотрите слишком много фильмов, которые мы запрещаем. Ты же знаешь, Лия, лучше, чем остальной мир, что никакого Дракулы не было. Байки, да и только. Даже замок его выдумали и зарабатывают на туристах деньги. Перековеркали нашу историю, и радуются, продолжая забивать умы молодёжи. Вот поэтому мы живём тут, чтобы обезопасить наших детей от всего этого бреда. Румыния прекрасная страна, не имеющая никаких паранормальных существ. И ты, дорогая, уж отведи Риму на службу и проследи, чтобы она все же сходила на исповедь, — в голосе матери появляются раздражительные нотки, и я уже жалею, что завела этот разговор.

— Ладно, в воскресенье сходим, — закатываю глаза и встаю, собираясь уйти и что-нибудь почитать.

— Лия, — окликает меня мама, когда я выливаю воду в раковину и поворачиваюсь к ней.

— Да?

— А ты ничего не слышишь? — она встаёт и подходит к барной стойке, облачиваясь на неё.

— Нет, конечно, и что мне слышать?! Это же просто мечты шизофреника, — фыркая, оставляю бокал в раковине.

— Мы так редко разговариваем в последнее время, предстоит Хэллоуин. И в этом году мы планируем очень яркое шоу. Как раз я буду договариваться об огненном представлении, новой группе музыкантов.

— Здорово, — бесцветно говорю я.

— А мальчики? Ты уже встречаешься с кем-то?

— Вообще-то, у нас женская школа. Откуда там мальчикам взяться? Да и правила ты прекрасно знаешь. И вряд ли они на меня посмотрят, — расстроено вздыхаю я.

— Почему вряд ли? — изумляется она.

— Да брось, посмотри на меня. Я обычная, а мальчиков моего возраста не так много, и они выбирают себе красоток, причём блондинок. Да и мне они неинтересны, — всплёскиваю руками, а мама жмурится и смеётся.

— Не волнуйся, наступит время, и мужчины оценят твою эксклюзивность. Нас мало, но зато все брюнетки имеют хорошее положение в обществе.

— Мам, нас всего восемь. Восемь темноволосых женщин во всём городе. Как будто сюда партию белобрысых завезли, и они расплодились, — кривлюсь я.

— Просто ген светловолосых сильнее у женщин, чем у наших мужчин. Они носители, ты знаешь эту особенность. Они слабее, чем темноволосые. Чаще болеют и слишком уж податливы для мужчин. Да и ты сама видишь, эти особи совершенно не умеют жить, все приходится делать нам — женщинам. А у темноволосых намного больше серого вещества. Теперь отправляйся спать. Завтра не забудь, после занятий у тебя помощь в конюшне, после неё пение в церковном хоре и...

— И моя смерть, — заканчиваю я, выпуская воздух сквозь губы, и мама смеётся, потрепав меня по волосам.

— Не торопись туда, родная, там ещё больше проблем, чем среди живых. И ты не избежишь похода к врачу, то есть к твоей бабушке, даже если и решишь познакомиться со смертью. Выслушаешь целую лекцию перед отходом в мир иной, от которой захочется снова умереть, — она шутливо грозит пальцем, а я уже не могу не смеяться, наслаждаясь её присутствием дома.

— Ладно, ладно. Хорошей ночи, ма, и лёгкой поездки. Привези мне новый айфон, — прошу я, и она улыбается, кивая мне.

— Спасибо, скоро встретимся. Если что-то захочешь ещё, отправь мне e-мейл, — подхватив дорожную сумку, она выходит из дома.

Снова эта тишина вокруг меня, и я возвращаюсь в свои мысли, пытаюсь сама понять, что за фильм так на меня подействовал. Боюсь спать, честно боюсь даже лечь в постель, только бы избежать этого тоннеля, который ждёт меня в забытии.

Включив на столе лампу, подхожу к кровати и подхватываю деревянную дощечку, где лежит мой клад. Выудив оттуда потрепанную фотографию, сажусь на пол и провожу пальцем по изображённому мужчине. Мой папа. Светловолосый, не сказала бы, что красив, а обычный. Со светлыми глазами и тонкими губами, упрямо поджатыми, и весь его облик на этом фото говорит, что не любит он фотографироваться. Я совершенно на него не похожа. Ни

капли. Во мне есть что-то от матери, от бабушки, но не от него. Эту фотографию я нашла в спальне мамы, куда она запрещает мне заходить. Да и тот факт, что у нас даже фотокамер нет, они запрещены, как и любое упоминание о нашем существовании, уж очень засел у меня в голове. Но моё любопытство и желание увидеть что-то эдакое превысили здравый смысл. Её спальня не отличалась ни от бабушкиной, ни от моей. Классический и европейский стиль, но в камине я заметила это фото и не дала ему быть сожжённым. Хотя какое-то представление об отце хотелось иметь.

Немного подержав фотокарточку в руках, прячу её обратно и закрываю дощечкой. Хотела бы я найти его? Нет. Ведь такое желание бы означало стать изгнанной. А я жизни без мамы не представляю, да и не нужно мне это. Как и любой девочке, выросшей без отца, всегда хочется хотя бы представлять его. Так и мне. Тем более я обожаю наш город, эти горы, которые никто не видел. Первозданную природу и свободу даже за стеной от мира. А что ещё нужно?

Встав с пола и оставив эти мысли под дощечкой, подхожу к столу и сажусь за него, чтобы прочитать новости из большого мира в интернете. Только бы не спать. Спать теперь запрещено.

— Господи, как холодно! Зачем нас собрали? — недовольно бурчит Рима, стоя рядом со мной и чуть ли, не прыгая на месте.

— Не знаю. Может быть, очередное соревнование? — предполагаю, натягивая капюшон.

— А мы тут каким боком? Лучше бы в библиотеку пошли. Говорят, что завезли новую партию любовных романов, — карие глаза белокурой подруги радостно светятся от новостей.

— Если бы не эта сходка, то я бы с удовольствием. Но обещала помочь в конюшне, а потом у меня репетиция в хоре, — печально отвечаю ей, дуя на руки в перчатках.

— Вот так всегда, — обиженно тянет она.

Я оставляю это замечание без комментариев. Люблю помогать и быть чем-то занятой, хотя дополнительных курсов у меня множество. Мама хочет вырастить уникама, да я и не сопротивляюсь.

Черт, так холодно! Только близится конец октября, а морозный воздух уже оповещает о приближении суровой зимы.

Толпа девушек от среднего до старшего потока создаёт гул на улице на площадке позади нашей школы. Нас немного, но возмущения слышны тут и там. Это странно, потому что раньше нас всех не выводили из здания во время уроков. Да ещё и не заставляли трястись от ледяного ветра, который знаком всем жителям нашего города. Но мы стоим и ждём непонятно чего.

— Дорогие мои, тише, — раздаётся громогласный и немного грубоватый голос нашего директора. Мы поворачиваемся в сторону полной седовласой женщины в лёгком пальто.

— Мы приносим свои извинения за этот инцидент. Но у нас для вас интересная новость, — продолжает она в микрофон. Замечаю рядом стоящего с ней темноволосого мужчину, которого я не припомню. Он нервно поправляет очки в темной оправе и даже опасно смотрит на юных представительниц прекрасного пола.

— Дело в том, что мы решили отобрать среди вас несколько учащихся для похода в горы на следующий уикенд. Вас будет сопровождать наш коллега из Школы Стефана — профессор Вэлиш. Это будет путешествие в историю естествознания и раскопок к разрушенному замку Арджэш. От нашей школы туда отправятся пять девочек. И сейчас мы назовём их, прошу избранных подойти к нам, — раздаются аплодисменты и улюлюканья, ведь старшую школу мальчики интересуют больше, чем какие-то раскопки. А возможность познакомиться с выдающимися — невероятная удача. Все родители присутствующих тут знакомы с законами нашего города. Потеря девственности и распутство до брака — грех и клеймо пожизненно. Поэтому многие из нас, девушек, стараются не особо приближаться к парням, но все же запретный плод сладок. Всегда есть возможность обойти и сбежать в ночи с кавалером, чтобы целоваться где-нибудь в лесу.

— Мария Нёфу, — блондинка из старшей школы последнего параллельного потока гордо выходит вперёд, откинув длинную косу за спину, улыбаясь, подходит к директору и профессору.

Мы с Римой переглядываемся и закатываем глаза, тихо хихикая.

— Дана Крупёц, — девочка из средней школы и восьмого уровня нашей системы образования с буйными светлыми кудрями выбегает из толпы подружек, оставляя после себя

хохот, и уже смущённо идёт к месту назначения.

— Янина Грóмец, — видимо, подружка первой. Ведь хихикать и держаться за руки они стали тут же.

— Оана Улiч, — конечно, как же без дочери директрисы.

— И последняя, Аурелия Браилиáну.

До меня только через некоторое время доходит, что называют моё имя. Но я не увлекаюсь этим всем!

— Иди, — за рукав меня вытаскивает Рима, что я чуть ли не падаю, путаясь в ногах. Зло, бросив взгляд на смеющихся девочек из класса, иду к этой толпе, раздраженно смотря на миссис Улич. Встаю за девочками, но ловлю заинтересованный взгляд профессора Вéлиш. Конечно, все из-за волос, виднеющихся яркими мазками двух кос на бежевом пуховике. Да, я одна единственная в школе имею черный цвет, и это приводит меня в ещё большее недовольство. Рыжеволосых и белокурых пруд пруди, а я, как обычно, отличилась. И почему? Уверена, из-за мамы и её положения в этом городе. Только вот моя мама неподкупна, и я создам только проблемы.

Даже не слушаю, что говорит директриса, только полыхаю внутри от злости и некоего даже обидного чувства, что меня выбирают не за заслуги. А ведь я хорошо пою и отлично справляюсь с литературой, пишу иногда стихи. Но ненавижу копать в земле. Просто терпеть не могу, как мама и бабушка. Надо будет написать маме по электронной почте, чтобы она отмазала меня от этой «прогулки». Вот не хочу, и все!

Кто-то толкает меня, что я оступаюсь и лечу спиной прямо в чьи-то руки, крепко поймавшие меня. Моргаю от неожиданности и слышу смех старших девочек, довольно идущих за миссис Улич куда-то.

— С вами все в порядке, госпожа Браилиану? — мужской голос раздаётся прямо над ухом, да так громко, что я жмурюсь и встаю на ноги. Торопливо поправляю одежду, поворачиваясь к профессору Вéлиш. Мужчина смотрит на меня сверху вниз, выдавливаю улыбку, быстро кивая.

— Да. Простите, задумалась, — отвечаю, вновь водружая на голову капюшон.

— Тогда пойдёмте в кабинет, — он указывает рукой в сторону школы.

Бросаю взгляд на Риму, мимикой показывает, чтобы я ей все рассказала. Киваю, иду рядом с мужчиной, косо наблюдающим за мной. Странный какой-то. Может быть, новичок? Хотя вряд ли. И он должен знать, кто я и почему у меня тёмные волосы.

Мы молча проходим по многочисленным коридорам, чтобы перейти в третий корпус, где располагается кабинет директора и приемная. По пути все же снимаю перчатки и шапку, пряча все в карманы.

Когда мы заходим в кабинет, то все уже сидят на стульях, как примерные ученицы и ожидают только нас. Присаживаюсь рядом с Оаной, моей одноклассницей. Она не отрывает обожающего взгляда от матери.

— Девочки, мои дорогие и любимые, поздравляю вас. Но без лишних слов. В приёмной возьмите разрешение на этот поход, которое должны подписать ваши родители...

— Но... — перебиваю я миссис Улiч, поднимая руку. Она недовольно переводит на меня взгляд.

— Мисс Браилиану, наказание — помочь в школьной библиотеке завтра после занятий. А теперь слушаю вас, — резко говорит она. И вот заслужила разве? Ни черта!

— За что? — изумляюсь, обиженно поджимая губы.

— За поведение на этой неделе оценка неудовлетворительно, не думаю...

— Да за что?! Я всего лишь хотела сказать, что моя мама не может подписать эту бумагу!

Она уехала! — уже подскакиваю со стула, который с грохотом падает позади меня.

— Останетесь после собрания. Остальным все ясно? — не придавая значения моим словам, обращается она к присутствующим, некоторые из них, а точнее, те две дуры, толкнувшие меня, ехидно улыбаются, кивая.

Я просто в бешенстве за такое показательное выступление. Ладно, провинилась. Но сейчас я не согласна с этим!

Мы остаёмся одни в кабинете, если не считать профессора Вэлиша, расположившегося в дальнем углу и, кажется, вообще, задремавшего.

— Мисс Браилиану, ваше поведение оскорбительно! Перебивать старших, тем более вашего директора, — миссис Улч активно жестикулирует руками, выходя из-за стола, — уму не постижимо! Объяснительную будете писать сейчас же, и ваше наказание удваивается! Четверг и пятницу вы работаете на благо школы и заменяете одну из наших уборщиц!

Открываю рот от её слов. Я ни разу не получала такой нагоняй от неё! Ни разу! Я всегда вежливая и милая с людьми! Всегда! А тут... да я... да она! Дура!

— Есть, что сказать? — она оглядывает пренебрежительным взглядом меня с ног до головы.

— Да, есть. Можете ещё наказание придумать для меня, но я отказываюсь от такой замечательной возможности в связи с отсутствием моего единственного родителя. Объяснительную на это тоже напишу. До свидания, — не сдерживаю злость и гнев, клопочущий во мне, вылетаю из кабинета, красноречиво хлопая дверью.

Да она вывела меня из себя. Такого отношения к себе я ещё в жизни не встречала, тем более ни за что.

Подхожу к молодой женщине, бурча про объяснительные. Мне выдают лист бумаги и ручку. Незамедлительно своим корявым почерком пишу все, что думаю об этом. Ладно, не все, но многое. И маме расскажу! Вот, как самая, что ни на есть ябеда, возьму и расскажу. Ни разу не пользовалась своим положением, но сейчас обида затмевает разум. Хочется просто расплакаться от несправедливости и унижения.

В итоге, вместо того, чтобы отправиться по своим делам, два часа драю полы в кабинетах первого корпуса. Руки болят, а спину ломит от этого. Но все же решаю поднять себе настроение и пока одеваюсь, понимаю, что на рейсовый автобус до конюшни я опоздала, а машину не вожу. Мама запрещает даже думать об этом. наших девочек возят шофёры или же мы пользуемся общественным транспортом. А так как шофёра у нас тоже нет, то выход один — идти пешком. Прогуляюсь и немного остыну, ведь до сих пор горю внутри от злости.

Набросив на голову капюшон, повесив рюкзак за спину, выхожу из школы, направляясь к воротам. Поднимаю голову, смотря на тёмное, практически давящее своей чернотой небо с миллионом звёзд. Безумно красиво, мрачно красиво.

— *Аурелия*, — голос, словно из воздуха, появляется позади меня. Испуганно оборачиваюсь, но только тёмные резные ворота и ни души.

Закрываю глаза, начиная дышать быстрее. Такого ведь не бывает. Но я отчётливо слышала своё имя. Схожу с ума, мне необходимо сходить на службу. Моя болезнь становится опаснее, чем я думала. Если раньше я слышала свое имя только в голове, странные сны, то теперь этот голос обрел эхо. Страшно настолько, что чуть ли не бегу по пустой дороге,

пытаясь спрятаться от моей начинающейся шизофрении.

Раздаётся громкий клаксон машины. Вскрикиваю, цепляясь ботинками о землю, и падаю на бок. Боже, как больно. Кто-то хватает меня за талию, резко поднимая на ноги. Не вижу этого человека из-за капюшона, упавшего на глаза. Хочу крикнуть, но горло сдавливает от страха. Брыкаюсь. Меня кто-то преследует! Маньяк в городе!

— Госпожа Браилиану, успокойтесь, — знакомый звонкий голос заставляет замереть. С меня сбрасывают капюшон, и я смотрю в тёмные глаза мужчины, где играет отблеск фонаря недалеко от нас. Облегчённо вздыхаю, смачивая кончиком языка пересохшие губы.

— Я напугал вас? Сильно ушиблись? — профессор Вэлиш отпускает меня, осматривая беглым взглядом. Замечаю, что сейчас на нем нет очков, и выглядит он моложе, чем казался при свете дня. Черные волосы взъерошены ветром, придают ему ребяческий вид. Сколько ему лет?

— Немного, — сдавленно отвечаю на оба вопроса, поднимая с земли рюкзак и отряхивая его.

— Простите, но заметил вас и подумал, что могу подвести. Уже ночь, хоть у нас и безопасный город, но негоже молодой девушке ходить одной, — он старается улыбнуться, но это словно для него новое. Его губы снова принимают привычное для них положение — сжатых в одну линию.

— Спасибо, но я привыкла гулять. Ничего, — вежливо отказываюсь.

— Понимаю, понимаю, — неожиданно он смеётся, но как-то странно. — Надеюсь, парень стоящий...

— Нет-нет, — мотаю головой, опровергая его выводы. Мужчина перестаёт улыбаться и уже непонимающе смотрит на меня, а я на него. Вот ещё слухов обо мне не хватало.

— Знаете, я была бы вам благодарна, если бы вы подбросили меня до северной конюшни. Обещала помочь, — быстро говорю.

— Конечно, простите, было подумал, что у вас свидание, — он смущенно отводит взгляд и поворачивается к серебристому джипу.

— Нет, я привыкла гулять по ночам. Мне не страшно, — вру, сейчас мне страшно, до сих пор слышу в голове этот голос. Такой странный, сильно охрипший и сухой. Натянуто улыбаюсь профессору и подхожу к машине. Он помогает мне сесть в неё и сам забирается, заводя мотор и начиная движение.

Не знаю, надо ли поддерживать диалог? Может быть, поблагодарить ещё раз? Бросаю искоса взгляд на него и вижу, что его ярко выраженные скулы играют на лице. Так, лучше не смотреть на него. От греха подальше. Обнимаю крепче руками рюкзак, в целях самозащиты, наверное. Так и проводим время в молчании, пока он довозит меня до конюшни.

— Спасибо вам и всего доброго, — открываю дверцу машины, чтобы прыгнуть.

— Не за что, госпожа Браилиану, — вежливо отвечает он. И только сейчас в голову приходит то, как он обращается ко мне. Резко поворачиваюсь к нему, хмурясь от желания узнать больше.

— Почему вы называете меня госпожой, а не мисс Браилиану? — все же спрашиваю я.

Усмехается, играя длинными пальцами по рулю.

— Мой род такой же древний, как и ваш. Мои предки были основателями, как и ваши. И хотя образование идет в ногу со временем, но мы предпочитаем обращаться к людям, как раньше. Как было во времена наших предков, это правильно и намного уважительней, чем обычное иностранное «мисс», — отвечает он, а я уже заинтересовано оглядываю его.

— Как интересно, а я и не знала. Вы правы, это отличает нашу культуру от той, что за стеной. Ещё раз спасибо вам, господин Вэлиш, — улыбаюсь ему и спрыгиваю на землю, закрывая за собой дверцу.

Иду к конюшне, до сих пор сохраняя улыбку на лице. Станный мужчина, но я и, правда, не интересовалась прошлым. А это оказалось очень мило. Бросаю взгляд назад, где до сих пор стоит машина, освещая мне путь фарами. На прощание киваю и вхожу в домик к сторожу, чтобы вернуть себе внутреннее равновесие и заняться любимым делом. А ещё надо бы придумать пастору, почему не пришла сегодня на репетицию. Врать — греховно, придется сказать правду и получить нагоняй. Все из-за этой дуры.

Карябаю ногтями тёмную каменную кладку. Дышать нечем, задыхаюсь от нехватки кислорода. Везде вода, она стекает по камням, а внутри меня паника и страх, что умру тут. Знаю... откуда-то знаю, что умру. Ударяю кулаками по стене. Снова и снова. В кровь стираю пальцы, пытаюсь забраться наверх. Падаю в воду. Плачу от ужаса и скулю в этом тёмном месте. Поднимаюсь на колени. Так холодно. Возжу руками вокруг себя. Везде ледяной и мокрый камень, по которому ручьем течёт вода. Меня замуровали. Не умею плавать.

— Помогите! — кричу, ударяя ладонями по стенам.

Никого нет, только мой громкий плач отдаётся эхом и откликается в сердце. Схожу с ума в этой темноте.

— Аурелия, — тихий голос накатывает откуда-то сверху. Поднимаю голову, сжимая трясущимися руками волосы.

— Аурелия, иди ко мне.

— Нет! Нет! Хватит! — кричу так громко, жмурясь и сотрясаясь от рыданий.

Болезненный удар по голове. Распахиваю глаза и вижу над собой знакомые лица моих перепуганных одноклассниц. Дышу часто и поверхностно, пытаюсь понять, где я сейчас. До сих пор чувствую страх. Сон.

— Дорогая, ты как? — Рима бегает глазами по моему лицу, помогая подняться с пола, и усаживает меня за парту.

— Нормально... нормально, — шепчу, понимая, что заснула прямо на биологии.

— Все вернулись на свои места, а вы, мисс Браилиану, немедленно к директору! Живо! — зло указывает на меня пальцем мисс Морно, и я быстро киваю, запихивая тетради в рюкзак, и вылетаю из классной комнаты.

Несусь в туалет, чтобы плеснуть водой в своё бледное лицо. Господи, как такое могло произойти со мной? Я ведь выпила две чашки крепкого кофе с утра. Бессонная ночь и книги по латыни. И вот во что это вылилось. Заснула прямо на уроке, да ещё и перепугала всех. Теперь точно это дойдёт до ушей матери, когда она вернётся. Моё положение с каждым днём становится все хуже и хуже, как и болезнь. Так страшно от этого, что в глазах скапливаются слезы. Стираю их, но мне невероятно боязно. Почему я схожу с ума? Что со мной не так? Опускаюсь на пол, тихо плача из-за своей особенности, которая не нужна мне. Поделиться с кем-то не могу, не поймут. Боюсь, ведь это будет означать, что мне требуется лечение. Но я же не больна, всего лишь странные живые сны, которые пугают меня до смерти, ещё и голос... больна, очень больна.

Удаётся успокоиться и с тяжёлым осадком в душе бреду к кабинету директора, чтобы выслушать нотации по поводу моего поведения и получить наказание ещё на два дня. Но мне как-то всё равно, очень подавлена внутри и хочется просто забыть об этом, забыть и жить, как прежде. Меня отстраняют на сегодня от уроков, заменяя их уборкой складского помещения, где я вдыхаю пыль и протираю полки, перебирая статуэтки, книги и прочий инвентарь школы.

Сильно разочарована в себе, что сны вышли мне боком. Может быть, в интернете что-то будет? Хотя лекарств мне ни одна аптека не продаст, потому что нет у нас их. Просто нет. Чтобы получить лекарства даже от головной боли надо идти в госпиталь, а там заведует всем бабушка. Она уж точно не будет в восторге от моего появления там, да ещё и с диагнозом.

Поэтому придётся только приспособиться к этому и жить... пытаться жить дальше до приезда мамы. Расскажу ей, должна же она понять меня. Не сумасшедшая я. Не сумасшедшая!

Зло бросаю тряпку в грязную воду, расплёскивая её вокруг ведра. Устала. Безумно устала и хочу спать. В школе уже тихо, а за окном сгустились сумерки, когда я выхожу из помещения, чтобы одеться и уйти отсюда. Слава Богу, завтра суббота, а в воскресенье схожу на службу, а потом исповедуюсь. Надеюсь, поможет.

— Лия, — меня окликает Рима, когда выхожу из школы. Удивлённо и радостно поворачиваюсь к ней.

— Что ты тут желаешь? — спрашивая, подхожу к ней.

— Тебя жду. Миссис Сучка наказала тебя, да и вся школа уже в курсе, что ты спала на уроке, — кривлюсь от её слов.

— Ужасно, мама убьёт меня за такое, — горько вздыхаю и поднимаю на подругу голову.

— Расскажешь? Ты так кричала, напугала меня. Что происходит? — она берет меня под руку, и мы идём к воротам.

— Кошмар приснился. Не спалось этой ночью, вот и просидела в интернете, проходя всевозможные тесты, — лгу, не могу даже ей сказать, что меня терзает.

— Бывает, но знаешь, это было круто. Хоть какое-то разнообразие в нашей жизни. Ещё меня просили тебе передать это, — на ходу Рима расстёгивает рюкзак и протягивает мне бумагу.

Пробегаю глазами по соглашению на поход и цокаю, убирая его к себе в рюкзак.

— Я попросила папу подождать меня, а заодно подвести и тебя, — подруга указывает на Тойоту, припаркованную рядом с воротами.

— Спасибо, — киваю я, и мы садимся в машину.

— Привет, Лия. Как дела? — спрашивает мистер Фриш, поворачиваясь к нам на заднее сиденье.

— Добрый вечер, все хорошо, спасибо, — вежливо отвечаю и отворачиваюсь к окну, чтобы избежать дальнейшего общения.

Мы едем в тишине, и только я остаюсь при своих мыслях о том, как бы мне пережить эту ночь без сновидений. Уже неважно день это или ночь. Теперь любого сновидения я опасуюсь. Он может прийти даже сейчас.

— Папочка, — ласково зовёт Рима своего родителя, и я прислушиваюсь к разговору.

— Да, дорогая?

— А можно я переночую у Лии? Её мама уехала, а она одна. Ей будет веселее. Пожалуйста, — тянет подруга. Поворачиваюсь в её сторону, удивлённо распахивая глаза и одновременно благодарственно. Как она поняла, что боюсь?

— Конечно, дорогая, только ложитесь спать вовремя. И никаких долгих посиделок у телевизора, — соглашается мистер Фриш.

Он паркуется во дворе нашего дома, и мы радостно выходим из машины. Рима на прощание чмокает отца, пока я открываю дверь и ожидаю её.

Включив свет в гостиной, мы раздеваемся и решаем поесть бесполезную пищу. Подруга рассказывает, что сегодня было и, как проходили скучно занятия, пока я достаю тарелки и все для сэндвичей. Мама запрещает мне так питаться, говорит, что от этого мы портим свою кровь. Но сейчас её нет, как и бабушки, поэтому я довольно собираю вкуснейшую пищу для меня и порцию отдаю подруге. Подхватив бутылочки с водой, мы идём ко мне в спальню.

Расположившись на моей кровати, с жадностью поглощаем сэндвичи до последнего кусочка.

— А теперь расскажи мне, Лия, — осторожно произносит Рима. Сжимаю губы от страха, что не поймёт, пока собираю тарелки и спускаю все на пол.

— Да особо нечего...

— Врёшь. Ты в последнее время сама не своя. То вздрагиваешь от упавшего учебника, то сегодня, вообще, кричала, как будто за тобой дьявол гонится. И ты плакала, чего я совсем в тебе не припомню, — перечисляет она.

Глубоко вздыхаю и подхожу к двери, плотно закрывая её. Зачем-то выглядываю в окно, зашторивая окна, и поворачиваюсь к удивлённой моему поведению подруге.

— Я заболела чем-то. У меня отклонение... умственное отклонение. Я слышу голос, мужской и страшный. Он зовёт меня, знает моё имя. Раньше я слышала его только в голове, а с моего дня рождения он обрёл оболочку. Нет, не как призрак, а как будто он рядом со мной и говорит. Когда оборачиваюсь — ничего. И сны... я боюсь спать. Они странные, все тёмные и опасные. Я в них точно знаю, что меня ждёт смерть. Эту ночь не спала, заснула на уроке... и... боже, так боюсь, — всхлипываю, садясь на постель. Снова переживая этот ужас, который творится со мной, не обращаю внимания на то, что подруга ничего мне не отвечает. Просто сидит и смотрит на меня во все глаза.

— Не знаю, что со мной происходит. Но с каждым днём это становится опаснее, чем раньше. Мама не поймёт... она... я рассказала ей, только упомянула тебя. Прости меня. Она сказала, что мы смотрим слишком много фильмов, посоветовала пойти на службу. Я так и сделаю, пастор должен избавить меня от этого. Но... — поворачиваюсь к Риме, стирая с лица слезы, — но чувствую, не поможет.

— О, Господи, я... я не знаю... но ты не больна. Лия, милая, не больна. Может быть, это гормоны? Просто ты у нас отличаешься от всех, и возможно, твоё взросление проходит иначе, чем у нас? — предполагает она, и я улыбаюсь, что не убежала, а тут. Рядом со мной.

Пожимаю плечами от такого варианта моей беды.

— А голос, у него есть обладатель? Его ты видишь? — спрашивает она.

— Нет. Никого не вижу, только голос.

— Мужской? — уточняет она.

— Да, наверное, мужской. Но и он странный, не такой, как у нас. И говорит он на латыни, всегда на латыни. Он ждёт меня, зовёт меня к себе. Хриплый, сухой, словно где-то далеко он и в то же время очень близко. Во мне он. Я, возможно, страдаю раздвоением личности или чем-то похуже этого. Я...

— Тише, успокойся, мы найдём что-нибудь в интернете, и я никому ничего не скажу, — подруга обнимает меня, предоставляя своё плечо, чтобы я выплакала все свои слезы и страхи сейчас. И я делаю это, потому что необходимо. Делиться своими опасениями всегда приносит облегчение. Уже просто всхлипываю, она гладит меня по волосам и спине.

— Интернет не поможет, я вбивала в поиск много вариантов, но или сайт заблокирован, или же какая-то чушь про демонов, вселяющихся в души. Не хочу больше думать об этом, — встаю с постели, шумно вздыхая, и провожу по волосам, приглаживая их. — Может быть, если забуду, то и само уйдёт. Ничего, возможно, и правда, перечитала или пересмотрела ужастиков.

По взгляду подруги вижу, что не верит, но улыбается, поддерживая мою игру сейчас.

— Давай, спать ляжем, хорошо? — предлагаю я. — Только ты спи со мной.

— Конечно, — кивает Рима, расправляя постель.

Выдаю ей свои штаны и футболку, а сама иду помыть посуду. Никто мне не поможет, это я тоже знаю. Я сама разберусь во всём. Если не буду бояться во сне и пойду за голосом, возможно... есть ли вероятность, что пойму? Как бы ни храбрилась даже в мыслях, но я всего лишь человек. Девочка из плоти и крови, которая боится.

Когда я возвращаюсь к себе, замечаю, что Рима уже спит на одной части постели. Улыбаюсь, подходя к ней, и накрываю одеялом. Становится ещё холоднее на улице, значит, пора включить обогрев во всём доме.

Надев пуховик, выхожу из дома, чтобы обогнуть его и зайти в гараж, где располагается щиток с электричеством и кнопки управления отоплением. Подняв два рычага вверх, закрываю щиток. Ледяной ветер врывается и свистит вокруг меня. Передёргивает от этого, выхожу из гаража и быстрым шагом иду к двери.

— *Аурелия...* — от этого голоса я замираю, сглатывая от страха. Позади. Он позади меня. Пришёл сюда в ночи ко мне. Должна повернуться. Давай же!

Резко поворачиваюсь и тут же натываюсь на кого-то. Визжу, ударяя по напавшему. Но он хватает меня за плечи и сильно встряхивает, что капюшон падает. Губы трясутся от холода, страха и удивления.

— Что вы тут делаете? — шепчу я, смотря на нежданного гостя.

— Госпожа Браилиану, — немного кивает профессор Велиш и отпускает меня. Почему он тут? Преследует меня? Это он играет со мной? Отступаю на шаг, ища рукой ручку двери. Сейчас он не напоминает мне преподавателя, а просто мужчину, молодого мужчину, который оказался ночью у моего дома без видимой на то причины.

— Я сейчас... сейчас вызову охрану, — предостерегая его, быстро дышу и постоянно облизываю губы.

— Ох, простите... я... вы, наверное, решили... нет, уверяю вас, нет. Я только освободился, были дополнительные занятия с выпускниками. Вчера вы обронули у меня в машине вот это. Я подумал, что вам это ещё понадобится, — он поднимает руку, где я вижу ярко-красную обложку одной из моих книг, которую взяла в библиотеке.

Я точно сошла с ума. Уже нормального человека принимаю за собственное чудовище из кошмаров. А всему виной моя рассеянность. Как она могла выпасть?

— Спасибо, да, это моё. Это вы меня простите, просто ночь на дворе, а вы тут... простите. Неожиданно очень. Может быть, чаю хотите? — вежливо предлагая, беру из его рук книгу.

— Нет, спасибо за приглашение, но это не компетентно с моей стороны. Вы ученица, а я преподаватель и то не ваш. Не хочу вам доставить проблем. И меня дома уже ждут. Доброй ночи, госпожа Браилиану. Надеюсь, мы ещё встретимся, вы интересная личность. Вы отправитесь с нами в поход? Ведь как бы его ни вуалировали, но это обычный школьный поход с развлекательной программой, песнями у костра и моими навевающими сон лекциями о культуре нашего народа, — он улыбается мне, и я инстинктивно отвечаю ему тем же.

— Это не моё, — качаю головой, — не любительница такого рода развлечений. Да и со мной всегда что-то не так.

— Что ж, очень жаль. Тогда желаю вам приятных снов, — он поднимает руку в прощании, разворачивается и идёт к своей машине. Смотрю ему вслед, усмехаясь своим мыслям. Красивый мужчина, добрый и вежливый. Его слова заставляют задуматься о походе. Машина уезжает, а я так и стою, смотрю на тёмную улицу, покрытую туманом.

Передёргивает от ощущений внутри. Никого тут нет, и не может быть. Вхожу в дом, закрывая дверной замок на ключ. Решаю, что все же спать не буду и как раз есть книга, которую я ещё не прочла. Сдать надо уже завтра, а то аннулируют мой читательский билет. Включив лампу и удобно устроившись на диване, накрывшись пледом, открываю любовный роман и окунаюсь в мир прекрасной истории между принцем и простой девушкой. Сказка, но иногда хочется читать о таком. Такого рода чтение отвлекает от мыслей и съедает ночное время.

В нашем городе рано темнеет и поздно наступает рассвет. Солнца мы видим очень мало. Честно, не помню, когда оно светило целый день. Прячется от нас и увеличивает истории про мистическую Румынию.

Когда я встаю с дивана, зевая и сбрасывая с себя желание заснуть, часы показывают начало восьмого, а за окном все так же темно. Подойдя к валяющемуся на полу рядом с дверью рюкзаку, я открываю его и достаю бумагу. Задумчиво смотрю на буквы обычного соглашения для учеников нашей школы, и решаю, а почему бы и нет. Почему бы не пойти, я

бы с удовольствием послушала рассказы профессора Велиша, насладилась бы природой. Но для этого нужна подпись, а мамы нет. Остаётся только бабушка, и придётся доехать до больницы, где она живёт.

— Доброе утро, — сонный голос Римы отрывает меня от мыслей, и я поднимаю на нее голову, улыбаясь подруге.

— Привет. Как спалось? — спрашивая, снова складываю бумагу в рюкзак и бросаю его на пол.

— Мне хорошо. А ты как? — хмурится она, растирая глаза и потягиваясь.

— Не спала. Читала, — пожимаю плечами.

— Нельзя так, Лия. Ты где-нибудь снова заснешь, и примут тебя за городскую сумасшедшую. А голос был? — отчитывает она меня.

— Был, — сдавленно отвечаю, разворачиваясь, иду на кухню. Рима за мной, ожидая продолжения.

— Снова позвал меня, и я испугалась. Как раз в этот момент появился профессор Велиш. Он подвёз меня, я обронила книгу в его машине. Вернул, — рассказываю, пока достаю кастрюлю, чтобы приготовить кашу.

— О-о-о, он симпатичный, только уж больно старый для нас, — смеётся Рима.

— Да, ты права, — вспоминаю, что в обычной одежде и без очков он выглядит довольно молодо. Не более тридцати, да и двадцать пять с натяжкой.

— И? Пока я спала, вы тут... — подруга делает рукой неоднозначный взмах.

— Нет, дура. Он поехал домой, и, может быть, у него жена есть или невеста. Вообще, прекрати такие разговоры. Ты ведь знаешь правила. А мне их нельзя переступить, — мотаю головой, продолжая улыбаться, пока наливаю молоко и зажигаю конфорку.

— Ну, побаловаться можно. Ладно, завтракаем, и я позвоню папе, чтобы забрал. Обещала ему помочь с животными. Да ещё и в теплице с мамой поработать надо. Не хочу так, — кривится она от своих же слов. — А ты чем займёшься? Хочешь, приезжай вечером к нам с ночёвкой?

— Спасибо, я подумаю. Мне надо поехать к бабушке, чтобы она подписала соглашение о походе...

— Ты решила идти? — перебивает она меня.

— Да, — убавляю газ и засыпаю овсянку, — решила. Ты же знаешь, как я люблю лес и горы. Меня не волнуют эти посиделки, но не знаю почему, хочу пойти.

— А не дело ли в профессоре? — хитро спрашивает она. А мои щеки покрываются румянцем, хотя совсем об этом не думала. Хорошо, что стою спиной, и она не видит моего смущения.

— Нет... возможно... нет. Все! Хватит! — подхватываю полотенце и ударяю по плечу смеющуюся подругу.

— А кто-то влюбился в старикашку, — продолжает она веселиться, хватая другое полотенце и отвечая мне.

— Дура! — смеюсь я, гонясь за ней по всей кухне, пока от плиты не раздаётся неприятный звук, как и аромат, сбежавшей каши. Подбегаю и тяжело вздыхаю, радуясь, что хотя бы немного осталось.

Разложив по тарелкам кашу и достав конфитюр из клубники, мы садимся за стол, ещё хихикая, завтракать.

Провожая Риму и сама собираюсь, чтобы отправиться по делам. Пройдя по дороге вниз,

я ожидаю автобус, который меня довезёт до больницы. Никого нет на безлюдной улице, только я одна. Обычно субботние дни наши жители проводят в хозяйственных делах, занимаются посевами или уходом за урожаем в парниках. Мы питаемся только продуктами, выращенными у нас. Мы никогда не пробовали роллы или суши. Мы видим рыбу только в водоёмах, где рыбачить запрещено. Только мясо с пастбищ. Наверное, это хорошо, ведь мы живём дольше, многие дотягивают до ста лет. Но иногда меня посещают мысли, а что такое увидеть вживую океан и солнце, палящее над тобой. Что такое сгореть под ним и мучиться. Но никогда я этого не узнаю, запрещено даже думать о таком. Это грех. Такой сладкий, манящий и другой. Желания, их нельзя контролировать даже внутри. Они настигают меня в любой момент, и тогда я открываю интернет. Включаю пение птиц и слушаю океан, надеваю солнцезащитные очки и ложусь на пол, представляя, как загораю. Я живу в собственной иллюзии, обрывая её любовью к матери.

— Добрый день, мне нужна Иона Браилиану, — говорю я на ресепшен тихой больницы. Никого нет, только женщина, которую я разбудила. Почему бабушка пропадает тут днями и ночами? Ведь лечить особо некого. Да и роды у нас не так часто происходят, а она здесь.

— Добрый день, сейчас я узнаю, где она. Вас что-то беспокоит? — моргая, пытаюсь, видимо, снять остатки сна, спрашивает женщина.

— Нет, я её внучка, — поясняя, облакачиваюсь о стойку, пока ищут бабушку.

— Подождите, она сейчас подойдёт, — бросает мне она, кладя трубку. Киваю, присаживаясь на мягкую скамейку.

Мама и бабушка, потомственные врачи. Одна осталась в больнице, а другая баллотировалась в совет и сейчас даёт консультации и семинары. А я? Кровь, уколы и даже запах, присутствующий тут, все не моё. Я боюсь крови, даже порезав палец, мне становится плохо. Поэтому следовать традиции нашего рода не смогу. И не знаю, чем буду заниматься в будущем. Хотя ещё полгода до выбора направления и проверки на профпригодность, которую мы сдаём перед основными выпускными экзаменами, есть время решить. Может быть, буду заниматься связями с общественностью. Это очень интересно: организовывать праздники, светские рауты и другие развлекательные программы.

— Девочка моя, — радостный голос Ионы раздаётся сбоку от меня.

— Привет, — подскакиваю с места и крепко обнимаю бабушку, пахнущую её любимыми духами «Шанель».

— Какими судьбами? Неужели, так соскучилась по мне? — смеясь, она держит меня за плечи и немного отодвигается.

— Очень. Мама уехала, а тебя так давно не было, — смотрю в идентичные глаза матери и не могу перебороть внутри любовь к ним. Обожаю обеих, что все мои страхи уходят на задний план.

— Прости, прости. У меня тут начались дополнительные курсы для наших будущих медиков. Когда заканчиваю, то иду в лабораторию и пытаюсь создать сыворотку молодости, — смеётся она.

— Ты прекрасно выглядишь и без неё, — заверяю её. Бабушка улыбается ярко накрашенными алыми губами и поправляет укладку чёрных волос. Да, она обновляет цвет раз в месяц, чтобы всегда иметь отличие среди нашего народа и скрывать свой возраст.

— Лия, деточка, что-то случилось, раз ты приехала ко мне? — уже серьёзно спрашивает она, показывая головой, чтобы я присела.

— Меня наказали в школе. Знаю, что это плохо, Иона. Мама будет зла на меня, но я

ничего не сделала. Просто перебила эту стерву...

— Аурелия, — предостерегает меня она от сквернословия. Поджимаю губы и опускаю голову, смотря на имя, вышитое на её медицинском халате.

— Прости. В общем, ещё я заснула на уроке. Чувствовала себя плохо, из-за месячных не могла ночью уснуть и вот, — вру я и даже не краснею. Черт, точно пора на исповедь.

— Бедненькая. Ничего, не волнуйся. Каждая женщина переживает боль до родов, и твоя боль уйдёт. Но они начались раньше, не так ли?

— Ага, немного раньше, — киваю я.

— Надо бы тебя проверить...

— Не надо, пожалуйста, не надо. Со мной все хорошо, правда. Бывает же такое. И я ненавижу это. Меня даже от запаха передёргивает. Но я тут за другим, — быстро перевожу тему, потому что вижу по её лицу, что сейчас начнёт копать глубже и уличит меня во лжи. Достаяю из рюкзака бумагу и протягиваю ей.

— Вот. От нашей школы отобрали девочек. Мы пойдём в поход в следующий уик-энд с мальчиками из школы Стефана. За нами будет смотреть профессор из их заведения, и, думаю, от нашей школы тоже. Я хочу пойти, а мамы нет, только ты. Можешь подписать? — перевожу дыхание от торопливой и совершенно несвойственной мне речи.

— Конечно, родная, конечно. Только вот мальчики меня немного смущают, — медленно отвечает она.

— Меня они не интересуют. Заверяю тебя, что иду туда, только чтобы отдохнуть и провести время в горах.

— Хорошо, — кивает она и достаёт из нагрудного кармашка ручку, расписываясь внизу, где стоит галочка.

— Спасибо, — чмокаю её в щеку, убирая документ обратно.

— А теперь поезжай. В воскресенье буду дома и отвезу тебя на службу, — поднимаясь, произносит она.

— До встречи. Не переутомляйся, — отвечаю я уже её спине, быстро удаляющейся по коридору.

Ладно, с этим решили, теперь можно сдать книгу и взять ещё парочку, чтобы занять себя этой ночью. Выйдя из больницы, сажусь в автобус, который отвезёт меня в центр города. Людей на улице мало, все заняты семьями, и остаются такие, как я одинокие и скучающие.

Зайдя в библиотеку, отдаю книгу и отправляюсь к полкам, где стоят уже свежие издания с любовными историями.

— Госпожа Браилиану? — удивлённый мужской голос раздаётся слева от меня.

— Господин Велиш, добрый день, — улыбаюсь я мужчине, нагруженному стопкой из книг.

— Снова встретились. Вы, наверное, меня преследуете, — от его слов я начинаю краснеть. Даже не нахожу, что ответить, только открываю рот и тут же закрываю его, теребя в руках книги.

— Я шучу. Выбрали новинки? — он указывает взглядом на печатные издания у меня в руке.

— Да. Люблю читать, — несколько скованно отвечаю я, подходя к нему. — Вам помочь?

— Нет, спасибо. Я все же мужчина и для меня это пустяк, — он идёт в сторону библиотекаря, как и я.

Мы оформляем свои книги, и я как дурочка стою и улыбаюсь, косо поглядывая на него.

Сколько же ему лет? Сейчас в потёртых чёрных джинсах, ботинках и чёрном пуловере, с гладковыбритым лицом он совсем непохож на взрослого. Ладно, нравится он мне. Я просто не общалась с парнями, совсем не общалась. А тут он новый опыт для меня. Это безумно интересно.

— Я могу вас подвести, — услужливо предлагает он, когда мы выходим из библиотеки.

— Спасибо, но я планировала зайти в кофейню и выпить напиток с каким-нибудь десертом.

— Не против, я составлю вам компанию? Устал от этих студентов, которые не могут сосредоточиться и постоянно отвлекаются, — он улыбается, а я глупо киваю, чувствую себя полной идиоткой.

— Тогда забирайтесь в машину. Знаю отличное место, — он показывает головой на джип.

Господи, что я творю? Но быстро огибаю автомобиль, пока он укладывает свои книги на заднее сиденье.

Это же свидание? Да? Они так проходят?

Хочется похихикать, но я настолько смущена и рада одновременно, что только кусаю губу, наблюдая, как он садится на водительское сиденье и пристёгивается, заводит машину и вырывается с парковки.

Сердце так быстро бьётся, нервничаю жутко. А он молчит. Может быть, это все неправильно? Он взрослый для меня все же, да и... о, боже. Какая я дура.

Мужчина останавливается практически на окраине города, где даже вывесок нет. Удивлённо осматриваюсь, он помогает мне вылезти из машины и указывает на дверь.

— Это место моего хорошего друга. Он великолепный пекарь, а ещё историк. Сейчас сами все увидите, — профессор Велиш открывает передо мной дверь, и я шагаю в место, наполненное мягким золотистым светом. Нос щекочет от аромата корицы и ванили.

Замираю, с жадностью поглощая это пространство. Почему я о нём не знала? Несколько столиков с мягкими диванчиками, а вокруг всего этого стеллажи с книгами. Огромнейшая библиотека, которая фору даст городской. Тихая и классическая национальная музыка создаёт неповторимый колорит этого места.

— Ну как вам? — спрашивает меня профессор, помогая снять пуховик.

— Невероятно, — шепчу я, боясь спугнуть это ощущение умиротворённости внутри меня. Так спокойно и словно я все страхи оставила там, за дверью. Поворачиваюсь к нему. Он изучает моё полыхающее лицо, приподнимая уголок губ.

— Тогда добро пожаловать к нам, госпожа Аурелия Браилиану.

— Петру, какой приятный и неожиданный сюрприз, — к нам подходит седовласый мужчина, немного полноватый, но, тем не менее, от него исходит приятная аура доброты. Он обнимает профессора, похлопывая по спине, словно хорошего друга или родственника.

— Андрей, вот привёл к тебе новую гостью, — мистер Велиш показывает на меня. И я улыбаюсь, смотря в тёплые карие глаза мужчины, широко улыбающегося мне. — Аурелия Браилиану, это тот человек, о котором я говорил вам. Сейчас он приготовит нам изумительный кофе и предложит не менее вкусный пирог. Не так ли?

— И не только пирог. Очень приятно, госпожа Браилиану. Присаживайтесь, все принесу, — кивает мужчина и быстро удаляется за дверь, скрывающуюся за прилавком со всевозможной выпечкой и хлебом.

Петру. Теперь я знаю его имя, указывает мне рукой на столик. Мы подходим к нему и рассаживаемся. Кручу головой, впитывая в себя атмосферу неповторимую и даже историческую. Словно мы оказались где-то не в городе, а за пределами его.

— Тут очень интересно, — нарушаю я тишину, все так же говоря шёпотом.

— Спокойно. Можно отдохнуть и почитать. Многие за этим сюда и приходят, уйти полностью в мир книг. Хотя тут в основном собраны сочинения наших авторов о прошлом, о нашей истории, о традициях, которые уже забыли. А молодёжь нынче предпочитает иное, — видимо, намекает на мой выбор.

— Потому что мы молоды и хотим жить будущим, а не прошлым, — поднимаю уверенно голову на него. В его глазах появляется интерес к моим словам, а у меня удивление от своего поведения. Ведь он преподаватель, а я высказала свои мысли, да ещё и в грубоватой форме.

— Простите, — добавляю я, тут же отворачиваясь от него, смотрю на выпечку за стеклом.

— Травить в себе собственные мысли и характер плохо, госпожа Браилиану. Когда-нибудь то, что накопилось в вас, вырвется и устроит сильнейший взрыв. А в вас накопилось многое от жажды знаний до страха этой самой жажды. Вы можете не извиняться, правильно то, что вы решили отстоять свой выбор. Только так формируется личность и человек выделяется из серой массы, — чётко произносит он.

Медленно поворачиваюсь к Петру, ещё больше удивляясь его словам. Откуда он узнал об этом? Но не успеваю я спросить, как нам приносят ароматный кофе и поднос со всевозможной выпечкой.

— Приятного аппетита, — желает нам Андрей и, не глядя больше на нас, уходит обратно в заднюю комнату.

Желудок сжимается от желания вонзить зубы и попробовать каждый изыск, хотя я не любительница, но устоять не могу.

— Все для вас, госпожа Браилиану, — Петру пододвигает ко мне тарелку.

Осторожно беру кусочек пирога и с таким наслаждением уминаю его, запивая терпким кофе с корицей и чем-то ещё невероятно тёплым и растекающимся по венам горячим напитком. Кажется, что становится жарко внутри. Даже голова немного кружится от этого. Решив, что съесть все не смогу, да и живот уже полный, промакиваю губы салфеткой и допиваю кофе.

— Ещё? — предлагает Петру, указывая на чайник, который я даже не заметила. Киваю,

откидываясь на диван. Как хорошо. Не помню, чтобы мне было так спокойно и хорошо. Словно я нашла свой укромный уголок. Бывает такое, что в незнакомых местах ты чувствуешь себя максимально комфортно и не хочешь уходить отсюда? Так и сейчас. Удивительное кафе.

Смотрю на тёмный напиток, дымящийся в кружке, и улыбаюсь. Просто улыбаюсь, а в голове такая лёгкость. Бросаю взгляд на наблюдающего за мной мужчину и тихо смеюсь. Не знаю почему, но это так невероятно прекрасно.

— Я поеду, — говорю, уже полностью поворачиваясь к нему. Мужчина удивлённо поднимает брови от моих слов.

— То есть пойду в поход с вами. Бабушка подписала соглашение, — поясняю я.

— Хорошо. Думаю, вам понравится. Ночи в горах необычайно красивы. Я понимаю тех, кто выдумывает наши легенды. Ведь как можно смотреть на эту первозданную природу, не тронутую человеком и принадлежащую только нам, и не восхищаться? Не воспеть её и не рассказать миру о её таинственности? — Гордо произносит он.

— Мне тоже нравится это. Люблю уезжать на лошади и просто смотреть на озеро. Мне кажется, что там так безопасно. А большинство утверждает, что страшно оставаться наедине с природой. В интернете многие пишут, когда путешествуют по Румынии. Говорят, что жить тут невозможно, и только привлекает их история про Дракулу, — усмехаюсь я, вспоминая отзывы на сайтах путешествий.

— Да, Влад Цепеш и его жестокость, — смеётся Петру. — Но вы выбираете литературу про любовь. Верите в неё?

— Не знаю, — смущаясь от его вопроса, беру в руки чашку с кофе и отпиваю из неё, — но это же тоже красиво. Не угадаешь, где она настигнет тебя, как и природа, она завораживает, сбивает с мыслей и своих выводов, сделанных ранее. Вы только представьте: неожиданная встреча двух людей, живущих в одном городе, не знающих друг о друге ничего, перерастает в вечность. Один взгляд, и они понимают, что никогда не забудут друг друга. Не вырвут из памяти и будут сравнивать всех с тем, кто так засел внутри. Голос. Его тоже невозможно забыть. Он преследует тебя, преследует днём и ночью. Зовёт к себе, и ты боишься, хотя внутри... внутри ты знаешь, что не сошла с ума. Кто-то есть. Необъяснимый и странный. Рядом с тобой ходит и зовёт тебя к себе. Тысяча вопросов рождается в голове. Откуда? Почему? Зачем? Но вопреки им это будет продолжаться, пока что-то другое не перебьёт его или... или он заберёт тебя, а ты сдашься. Только есть ли смысл бороться?

Перед глазами все плывёт, когда я странным образом уже перехожу от легкой беседы о выборе литературы к своим страхам.

— Госпожа Браилиану? О чём вы говорите? — полное непонимание в тоне мужчины заставляет моргнуть и немного помотать головой.

— Да так, вспомнила одну книгу. Знаете, мне уже пора. Надо идти, — торопливо говорю я, вставая с места. Но ноги какие-то ватные, пружинят, и я снова присаживаюсь на диванчик, закрывая лицо руками.

— Вам плохо? — испуганно спрашивает Петру, помогая вновь подняться и поддерживая меня за талию.

— Нет. Голова немного закружилась, — отвечая, моргаю и пытаюсь понять, почему все вертится перед глазами.

— Это ароматизированные свечи. Вам надо на воздух, — он подхватывает мой рюкзак, обнимая за талию. А я иду, ноги заплетаются, что ему приходится крепче стиснуть меня и

чуть ли не донести до выхода.

Холодный воздух врывается в мои легкие, и тело начинает дрожать. Петру пытаются одеть меня, но я даже руку поднять не могу.

— *Аурелия*, — этот голос снова появляется из ниоткуда. Жмурюсь, сжимаясь, и начинаю всхлипывать.

— *Аурелия... Аурелия... где ты?*

— Нет, пожалуйста, нет, — шепчу я, открывая глаза.

— Госпожа Браилиану! — громко кричит Петру, а я смотрю в его лицо, быстро дыша, и меня трясёт от холода и страха.

— Давайте, ну же, давайте, в машину, — он подхватывает меня на руки и чуть ли не бегом усаживает в автомобиль.

Голова ещё кружится, а сердце с такой бешеной яростью разрывает грудь. Я могу только шумно дышать, прикладывая ледяные пальцы к вискам. Массирую их, помогает снять эту удушливую бурю внутри.

Петру едет в сторону моего дома, за что я благодарна ему. Благодарна, что не задаёт вопросов, помог мне не упасть в обморок, хотя я была на грани. Не понимаю, что со мной произошло. Он паркуется во дворе и заглушает мотор.

— Простите, — шепчу я, сгорая от стыда за то, что это повторилось снова и при нём.

— Бывает, со всеми бывает. Ничего. Сейчас лучше? — мягко интересуется он, поворачиваясь ко мне.

— Да, намного. Спасибо вам, — перевожу взгляд на тёмный дом, — за все спасибо. И мы... мы же не расплатились.

— Глупости. Это мой друг, поэтому не волнуйтесь об этом. Там талоны не нужны. Вам нужно отдохнуть. Наверное, берете на себя больше, чем сами в силах исполнить. Переутомились. Расслабились, и чуть было не заснули. Я могу помочь вам дойти до дома, — услужливо предлагает он.

— Нет, спасибо. До свидания, — быстро говорю я, сама распахивая дверь и выпрыгивая из машины. Ноги до сих пор какие-то странно пустые. А я сама боюсь, боюсь, что как раз отдохнуть мне опасно. Не смотрю назад, только открываю дверь и захожу в дом.

— Господи, — шепчу я, а глаза наполняются слезами. И ведь всё было прекрасно, так хорошо, а потом он... и его голос ворвались в меня. Почему это происходит со мной? Почему я?

Бреду к своей спальне, на ходу раздеваясь и бросая все на кресло в комнате, забираюсь в постель, сжимаясь клубочком. Плачу от бессилия и желания быть нормальной. Мне так понравилось сидеть в этом месте с Петру. Мне нравится говорить с ним и то, что он не проявляет свой авторитет. Слушает меня, рассуждает и просто свободно общается со мной.

Не замечаю, как мой плач затихает, а сама я медленно погружаюсь в сон.

Сильный поток воздуха развеивает мои волосы. Подо мной конь, разрезающий тишину своим галопом. Улыбаюсь, а внутри меня счастье. Счастье быть свободной. Вырваться и скакать по лесу. Вижу впереди замок. Дом. Отчего-то знаю, что это мой дом. Величественный. Неподступный.

— *Аурелия! Стой!* — от голоса, донёсшегося до меня, сильнее сжимаю поводья. Солнце резко садится и вокруг все темнеет. Ночь буквально обрушивается на меня. Но я вижу факелы, горящие впереди, и несусь к ним.

— *Нет! Аурелия! Нет!* — этот человек, преследующий меня повсюду, кричит так

громко. Губы начинают дрожать, ударяю по лошади. Быстрее! Прошу быстрее! Дома буду в безопасности! Быстрее!

Не успеваю я доскакать до ворот, как земля начинает дрожать подо мной и на моих глазах башня падает в овраг позади замка. Кричу. Тяну поводья. Лошадь встаёт на дыбы. А повсюду огонь, он полыхает в замке, разрушая его изнутри. Кричу снова и снова от страха и ужаса. Слышу такие же крики внутри замка. Там люди! Люди! И они будут сожжены заживо! Лошадь брыкается подо мной, пытаюсь сбросить. Пятится назад. Снова встаёт на дыбы. Не могу больше держать поводья, удушливый запах палёного мяса достигает носа. Кричу и вылетаю из седла. Хватаюсь руками за воздух и падаю. Лечу в бездну. Закрываю лицо руками, кричу. Громкий всплеск и погружаюсь в ледяную воду. Пытаюсь выплыть, но платье такое тяжёлое, оно тянет меня ко дну. Задыхаюсь... открываю рот, и он наполняется тело гнилой водой...

Глубокий вдох. Подскакиваю на постели, обливаясь холодным потом. Моргаю, темно вокруг. Моя спальня. Снова сон. Трясущимися руками дотрагиваюсь до лба, глаз, тру лицо. Тихо плачу, придвигая к себе ноги.

— Хватит, прошу тебя, хватит, — шепчу я, раскачиваясь туда-сюда.

— *Аурелия...*

— Хватит! Оставь меня! — уже кричу, сжимая руками волосы и причиняя себе боль.

— Пожалуйста, — шепчу, понемногу приходя в себя. Поднимая голову, смотрю в темноту. То, что увидела, до сих пор перед глазами. Огонь и крики людей о помощи. Кто они? Кто тот, что зовёт меня? Почему меня?

Судорожно дышу, тело трясёт в ознобе. Бросаю взгляд на часы, семь утра. Господи, за что?

— Лия, пора ехать, — в мою спальню стучится Иона.

— Иду, — отвечая, смотрю на себя в зеркало.

Собрав волосы в тугий пучок на затылке, набрасываю на голову чёрный платок, в котором все женщины ходят в церковь. Считается, что мы, девушки, женщины, девочки, уже грешны перед богом. И для нас служба проводится отдельно, после мужчин. Мама пыталась бороться с таким правилом, но безуспешно. Мы истинный грех, рождённый в плотской радости. И никак иначе мы не выйдем перед церковью. Осмотрев своё чёрное платье ниже колен и тёмные колготки, грустно усмехаюсь на это одеяние, натягивая сапоги. Почему мы грешны? Потому что женщины. Хотя у женщин тут больше власти, чем у мужчин. Нас больше, в совете из десяти людей — семь женщин. А церковь неподвластна законам.

Ещё до сих пор не пришла в себя после нового кошмара. Они меняются, становятся красочными, а затем снова ночь и страх. Как же мне не спать? Я физически нуждаюсь в отдыхе. Изнурена и потеряна в собственной иллюзии, которая находится за гранью.

Выхожу из спальни, натянуто улыбаясь элегантно бабушке. Она в чёрном кашемировом пальто, а под ним, как обычно, облегающее платье тёмного тона с глубоким декольте и обязательно кожаные сапоги на высокой шпильке. Только сегодня не покрашена, и её бледное лицо так ярко контрастирует с чёрным платком, повязанным на современный лад, но она не менее красива. Без всего этого грима, который нам запрещают даже трогать, она выглядит ещё моложе.

Мы садимся в её машину и едем к церкви, где уже припарковано множество автомобилей. Все жители нашего города собрались на воскресную службу. Мужчины, отсидевшие уже проповедь, отправились завтракать, а потом будут ожидать своих девушек, жён, матерей тут.

Мы подходим к множеству знакомых, здороваясь и желая лёгкой недели. Традиция. Плетусь за бабушкой, снимая с себя пуховик, кладу его при входе к куче одежды других людей. Мы идём по проходу, останавливаясь у первого ряда, где находится наше место, как одних из главных в этом городе. Шушуканья и шёпот за спиной, множество глаз осматривают нас. И это привычно уже. Опускаясь на скамью, кладу себе на колени библию. Поднимаю взгляд, смотрю бессмысленно на распятого Иисуса, святых и свечи. Все так блестит, золото отполировано, драгоценные камни сверкают в свете свечей, и это вызывает усмешку. Разве богатство и демонстрация его не грех?

Все встают, когда входит пастор. Он призывает каждую из нас склониться на колени перед ним. А затем с его разрешения мы снова садимся на скамейку. Начинается служба, но я не слушаю её. Конечно, надо бы, но мои мысли далеки отсюда. Как-то грустно внутри, пусто даже. Не понимаю, почему я схожу с ума. Внутри меня происходит что-то странное. Какое-то отторжение от всего, что происходит сейчас. Неприятно. Как облегчить это состояние? Не имею понятия. Никакого.

Глубоко вздыхаю и тереблю кожаную обложку библии. Поднимаю голову на пастора и хмурюсь. Почему так тихо? Он же говорит что-то. А я не слышу. Его губы двигаются, но ни звука. Медленно поворачиваюсь к бабушке, кивающей на его слова. Оборачиваюсь к другим женщинам, что-то отвечающим на призыв пастора. Но я не слышу! Господи! Что со мной? Я не слышу ничего! Только своё сердцебиение.

— Аурелия, — по церкви проносится охрипший голос.

Нет... нет... не сейчас... прошу тебя... не сейчас...

Закрываю глаза. Пытаюсь читать молитву, но, как назло, забываю все слова. Буквально все вылетает из головы, только страх. Из-под ресниц выкатываются слезы, ведь он где-то рядом. Чувствую его. Этот холод, пронизывающий до костей.

— Аурелия, верни меня... верни меня, Аурелия, — уже громче. Слишком близко. Глотаю слезы, сжимая библию руками.

— Оставь меня... оставь во имя Господа, оставь, — шепчу я. Чувствую себя безумной, такой безумной, что хочется вскочить и убежать куда-нибудь. Спрятаться. Но тишина и шумное дыхание рядом со мной. Ведь я не дышу, только сердце яростно заставляет вспомнить, что жива. Задыхаюсь и тихо плачу.

— Аурелия, я рядом... здесь... верни меня. Жду тебя... верни меня, — шипение, а не голос появляется прямо перед моим лицом. Страшно открыть глаза, трясёт всю. Кусаю губы и плачу. Медленно приоткрываю глаза, но никого.

Неожиданно звук включается, и он такой громкий, что защищаю уши руками от звонкого и несколько писклявого голоса пастора.

— Милая, что с тобой? — бабушка дотрагивается до моей руки, и отнимаю их от ушей. Быстро бегаю глазами по церкви, но никто ничего не заметил, кроме Ионы.

— Все хорошо... хорошо... просто... очень глубокие слова говорит пастор, — вру я, всхлипывая.

— Да, он сегодня в ударе. Я рада, что ты прочувствовала их. Моя дорогая. Прекрасная служба, необходимая для наших душ, — улыбается она, поворачиваясь к пастору.

Стираю пальцами слезы, а в голове этот голос. Вернуть. Он просит его вернуть. Но кто он? Почему выбрал меня? Он рядом. Я знаю, что рядом. Даже сейчас чувствую его, присутствие чего-то необъяснимого, находящегося прямо во мне. Не убежать от этого, правда? Он будет продолжать преследовать меня, пока не заберётся ещё глубже.

Вокруг все начинают вставать и креститься. Я самая последняя поднимаюсь на ноги, а рукой даже пошевелить не могу. Даже не чувствую её. Атрофировалась. Она ледяная, такая холодная.

Пока пытаюсь понять, что со мной, бабушка уже подходит к пастору и проводит обряд очищения. Следующая я. А я двинуться не могу. Ноги приросли к полу. Сглатываю. От усилий даже пот выступает на лбу. Быстро дышу, и удаётся сделать шаг, а потом ещё и рухнуть на колени перед пастором.

— Аурелия, дитя моё, будь благословенна. Очисти свою душу от лукавого, — перекрещивает меня. Начинает тошнить. Подносит к моему рту кубок с вином. От одного запаха кружится голова. Но приоткрываю губы и едва касаюсь горького напитка.

— Спасибо, — одними губами отвечаю и поднимаюсь на ноги. Мне необходимо на воздух. Так душно. И почему вино такое горькое? Раньше было сладким, очень сладким, что от него немного пьянела. А тут, только ком тошноты в горле. Прорываюсь сквозь толпу и выбегаю на улицу, поднимая голову к небу.

— Господи, спаси меня. Помоги мне пережить это, защити меня, — шепчу я, но знаю, отчего-то снова знаю, что никто меня не услышит, никто не поможет. И от этого осознания так одиноко и больно. Страшно.

Обнимаю себя руками, пытаюсь согреться, но это инстинкт. Мне не холодно. Только очень и очень тяжело внутри. Опускаю руки и рассматриваю их. Белоснежные и вены такие

синие под тонкой кожей.

Возвращаясь обратно, нахожу бабушку среди женщин из совета, подхожу к ней, приветствуя её знакомых лёгким кивком.

— Не жди меня, я пройду до дома, хорошо? — шепчу ей на ухо.

— А как же воскресный завтрак? — удивляется она, натянуто улыбаясь наблюдающим за нами темноволосым женщинам.

— Не могу, вчера что-то съела не то. И мои месячные, просто сил нет, — умоляюще произношу я. Она быстро осматривает моё лицо и прикладывает руку ко лбу.

— Ты горишь, милая. Ты у нас ни разу не болела, — она отводит меня в сторону, а они продолжают смотреть на нас. Неприятно так. Словно знают, что обманываю. Глупости, это я себе уже выдумываю.

— Это усталость, Иона. Мне надо отдохнуть и все пройдёт, — заверяю я её.

— Хорошо, но если будет хуже, то приезжай ко мне. Ладно? Я отсюда сразу поеду в больницу, там нужна моя помощь с новыми лекциями нашим студентам. Но помни, что я тут и, если что, всегда рада видеть тебя, — она нежно похлопывает меня по щеке. Улыбаюсь и киваю, больше не желая задерживаться, нахожу свой пуховик среди одежды и вылетаю из церкви. Срываю на ходу платок, запихивая его в карман.

Иду, просто иду к лесу, чтобы немного побыть одной. Посидеть у озера и подумать обо всём, что со мной происходит.

— Госпожа Браилиану, доброе утро, — сбоку от меня раздаётся знакомый голос. Поворачиваясь, нахожу глазами среди небольшой толпы мужчин Петру, уже направляющегося ко мне.

— Доброе утро, господин Велиш, — киваю я, хотя до сих пор стыдно за то, что вчера было. Стараюсь не смотреть в его глаза, чтобы ещё больше не смущаться.

— Сегодня очень холодно, — ёжится он, поправляя пальто и поднимая ворот. А ветер развивает его тёмные волосы.

— Да, — снова кивая, отвожу взгляд от него.

— Вы на воскресный завтрак? Наш уже прошёл. Сегодня подают очередную порцию безвкусной каши и воду. Немного сахара и молока не помешало бы, — ловлю в его голосе насмешку и удивлённо перевожу взгляд на него. Никто не обсуждает питание. Тем более не высмеивает его, как бы оно ни было отвратительно на взгляд, так и на вкус.

— Что вы... — даже не могу окончить предложение, только, опешив, смотрю на него, довольного своими словами. Он улыбается, даже немного смеётся, кашляя в кулак.

— Сказал правду. Хотите пройтись? Видимо, вы решили правильно сбежать от новой порции очистки желудка, — он указывает в сторону леса.

Бросаю взгляд за спину, где вижу, как выходят женщины из церкви.

— Нет... нет... запрещено это. Лучше не подходите ко мне, — мотаю головой и обхожу его, быстро иду по намеченному пути. Если увидят, то пойдут слухи. Это ещё хуже, чем моя особенность. Позор. Позор такой, что от него не отмоются мои дети, если такие будут. Как и внуки, как и все потомство. Нельзя. Особенно сейчас не готова с кем-то говорить.

Начинаю бежать по влажной земле, только бы скрыться ото всех. Бегу, а лёгкие горят, но продолжаю, словно гонятся за мной. Останавливаюсь и сажусь на пенёк, прикладывая холодные руки к лицу. Хорошо. Тихо так и пахнет приятно. Вытираю сухие губы, чувствуя до сих пор неприятный привкус вина. Перебродило оно у них, что ли? Встаю и уже медленнее иду к озеру. Смотрю на гладь воды, это приносит спокойствие. Закрываю глаза, вдыхая

аромат первозданной природы.

— Не пугайтесь, это я, — раздаётся голос Петру позади меня. Но вздрагиваю и оборачиваюсь, распахивая глаза.

— Вы преследуете меня? — недоуменно спрашиваю его. Ведь что может его ещё заставить идти за мной? Стоит тут и смотрит на меня, как ни в чём не бывало.

— Что вы, нет, конечно, госпожа Браилиану. Я проходил курс психологии, и заметил, что вы, как бы помягче сказать, не в себе. Что-то вас сильно расстроило в церкви, ваши ресницы мокрые от слез. Поэтому подумал, что захотите поговорить или же просто помолчать. Я здесь для вашей безопасности, — спокойно отвечая, он подходит ко мне и останавливается рядом.

— Со мной все хорошо. Приношу свои извинения за вчера, — тихо говорю я, возвращая своё внимание на озеро.

— Ничего. Надеюсь, сейчас выпались и чувствуете себя лучше?

— Да... да. А вы, правда, психолог? — интересуюсь, бросая на него взгляд.

— Правда, — кивает он.

— Я могу... могу ли я спросить кое-что у вас? Только это должно остаться между нами, пожалуйста, — поворачиваюсь к нему и нервно улыбаюсь. Почему ему? Почему решила так просто поговорить с ним? Не знаю. Но он странный немного и говорит со мной не как с ребёнком.

— Конечно, это останется здесь. Расскажите озеру, как это делали наши предки. Они приходили сюда в ночи и исповедовались. Иногда в этом месте проходили тайные встречи влюблённых, а иногда совершались убийства. Озеро хранит в себе много тайн, госпожа Браилиану.

— Убийства? — с ужасом шепчу я. — Почему об это никто не знает?

— Потому что хотят держать народ в состоянии спокойствия. Но да, было и такое. Озеро имеет свойство хоронить заживо людей. Оно забирает их тела, и они находят свой покой на дне. Хотя покой ли это? Сомневаюсь. Сотни лет там живут они, пока их тела не разъест вода. Никогда не задумывались, почему запрещено здесь ловить рыбу? Почему это карается тюрьмой или же изгнанием? — от его рассказа во мне все холодеет. Мотаю головой, а в глазах скапливаются слезы, представляя все так живо и ярко, что это подавляет меня.

— Вся живность отравлена, как и вода. Её не пьют, она, словно кислота, разъедает кожу, а о внутренностях я умолчу. Озеро, несущее в себе спокойствие и смерть. Озеро, которое было подарено для наслаждения, превратили в орудие убийства. Озеро, забравшее столько жизней, осталось и молчаливо ожидает новую жертву, — он замолкает и его лицо кривится, словно от воспоминаний чего-то страшного, что с ним произошло или же с кем-то из родных.

— Но мы говорили о вас, — поворачивается ко мне, наблюдающей, как моментально прячет свои мысли и чувства снова в себе.

— Как люди сходят с ума? Сумасшествие, как оно проявляется? — спрашивая, смотрю в его тёмные глаза, где даже зрачков не видно.

— Сумасшествие? — удивлённо переспрашивает он.

— Да, оно самое, — киваю я.

— По-разному, у каждого человека свои симптомы. Вы страдаете этим недугом?

— Наверное, — шепчу, поворачиваясь к озеру. — Возможно, да. Это страшно так.

Закрываю глаза, пытаюсь перебороть в себе жалость и слезы, уже готовые вырваться из

глаз.

— Чего вы боитесь? Мне казалось, что девушка, вроде вас, должна только наслаждаться жизнью.

— Должна... но... как можно ей наслаждаться, когда ты другая? Я чувствую себя не так, как остальные. Постоянно на меня смотрят и показывают пальцем, что-то объясняют детям, когда я прохожу. Словно я прокажённая, а всего лишь имею другой цвет волос.

— А вам не говорили, почему цвет ваших волос чёрный, а глаза имеют цвет летнего неба?

Оборачиваюсь к Петру и хмурюсь, медленно качая головой.

— Это ген, который переходит только из поколения в поколение. Даже если ваш супруг будет светловолосым, то дети родятся всегда такими, как вы. Генетически неверное ДНК с самого начала. И это нормально в мире за стеной. А вы бросаетесь в глаза, потому что уникальны по своей природе, как ваша мать, как ваша бабушка, как ещё несколько женщин. У нашего народа всегда были тёмные волосы и светлые глаза. Вы настоящий потомок румынского происхождения. Забытая раса и уничтоженная смешиванием кровей, изгнаниями. Вы должны гордиться этим, а не чувствовать себя лишней среди них. Вы одна из нас, госпожа Браилиану, — он медленно подходит ко мне, приходится поднять голову, чтобы продолжать смотреть в его блестящие глаза.

— Одна из вас?

— Одна из тех, кто несёт в себе тайну нашего существования. Единственный потомок, который должен продолжить наш род.

— О какой тайне вы говорите? — быстро шепчу я. Улыбается, так странно и пугающе одновременно.

— Конечно же, о тайне нашего рода. Ведь за стенами о нас никто не знает, мы несуществующий город. А вы одна из потомков основателей. Последняя из них и должны найти себе подходящую кандидатуру. Думаю, ваша мама об этом позаботится. А сейчас простите, мне нужно идти. Мои родители ждут меня. Хорошего дня, госпожа Браилиану, — он кивает мне и разворачивается, торопливо уходит, теряясь среди деревьев. Оставляет меня одну, полную противоречий и ещё больших мыслей, чем ранее. Ведь что-то он недоговорил, что-то утаил от меня. Чувствую это.

Не спать. Нельзя спать.

Допивая кофе, ставлю на стол пустую чашку и мотаю головой, быстро моргая. Щёлкаю мышкой, чтобы вернуться к чтению про демонов, проникающих в души и доводящие людей до сумасшествия, коим страдаю я. Протираю глаза, но экран не реагирует. Снова щёлкаю на мышку, затем на кнопку включения компьютера. Ничего. Совсем ничего.

— Черт, — шиплю я, опускаясь на пол и ища провод. Зарядка, наверное, села. Но все на месте. Поднимаясь на ноги, осматриваю ноутбук, где даже лампочка не светится, что работает. Сломался? Но его ведь мне подарили на шестнадцатилетие. Невозможно или подделка, а не Макбук?

— Аурелия, — замираю от этого голоса. Теперь понятно, почему не работает компьютер, и почему тут так тихо снова. Начинаю дышать глубже через рот, жмурюсь на секунду, но распахиваю глаза и оборачиваюсь на свой страх и риск. Но пора... пора не бояться.

— Что ты хочешь? — шёпотом спрашиваю я и наблюдаю, как в мою спальню открывается медленно дверь. Как во всех фильмах ужасов, где сейчас выскочит какой-то призрак и вселится в тебя. Отхожу на шаг, упираясь ягодицами в стол. Молочный туман проникает в спальню, плывя по полу. Шокировано смотрю на него, когда он достигает моих босых ног. Как так? Я ведь была в тапочках. Осматриваю себя, глаза распахиваются ещё шире, когда вижу, что на мне что-то вроде тёмной сорочки, доходящей до икр.

— Аурелия, иди ко мне, — поднимаю голову на голос, зовущий меня от двери. Из темноты. Я не вижу коридора, только мглу, словно там пустота и ничего нет, кроме ночи.

— Нет... оставь меня... прошу тебя... тебя не существует... это моя фантазия, — с мольбой шепчу я, обнимая себя руками, а весь пол уже накрыт белесой пеленой из тумана.

— Аурелия!

Одновременно с этим криком раздаётся громкий стук в стену. Подпрыгиваю на месте, забираясь с ногами на стол. Поджимаю их и утыкаюсь лбом в колени.

— Сон, это все сон. Всего лишь сон. Я должна проснуться. Давай, Лия, просыпайся. Я смогу, это сон... иллюзия... всё будет хорошо... сон, — убеждаю себя, раскачиваясь.

— Аурелия, — тембр голоса меняется на тихий и словно ему больно. Неожиданно кто-то дотрагивается до моих волос, и я чувствую это прикосновение. Холодное, как легкий ветер. Кричу, размахивая руками, и не удерживаю равновесия, с громким криком лечу на пол. Но падаю не на твёрдый пол, а на мягкую и рыхлую землю. Открываю глаза, сжимаю руками мокрую почву. Поднимаю голову, а вокруг меня тёмный лес, вдали в свете луны блестит озеро. Встаю и бегу к нему, но замечаю там несколько фигур и замираю, прячась за деревом.

Вижу, как два человека в каких-то балахонах, скрывающих их лица и фигуры, держат человека, который брыкается и пытается высвободиться из оков. Его лицо тоже не могу разглядеть, оно скрыто чем-то вроде мешка. Они тащат его к пирсу, а вокруг нас в тишине раздаётся страшный скрежет. Груз, он привязан к его ногам. А руки связаны за спиной. Он пытается освободиться, но его тащат и толкают в воду, начинающую бурлить от такого внедрения.

— Нет! Прекратите! — кричу я, выбегая из-за дерева.

Даже не думаю о том, что это опасно. Ужас и бесчеловечность их проступка заставляют меня рвануть туда. Но когда добегаю до пирса, никого уже нет, только пузырьки появляются на воде, рисуя точные круги. Склоняюсь на колени и не знаю, что делать. Бросаю взгляд за плечо, никого нет и кричать о помощи бессмысленно. Ныряю в воду. Ни разу не плавала, даже не умею, а сейчас могу. Двигаю руками и ногами, погружаясь все глубже и глубже. Дыхания не хватает. Распахиваю глаза и открываю рот, в него вливается вода, но не затапливает все тело. Я могу её спокойно выплюнуть. Даже не обращаю на это внимания, что могу не дышать под водой, только одна мысль в голове — спасти человека. Спасти. Плыву ниже и ниже. Крик ужаса должен вырваться из груди, но только открываю рот, выпуская воздух и создавая вокруг себя мелкие пузыри.

Сотни тел колыхаются в воде, словно живые растения, притянутые грузом ко дну. И все как один облачены в мешки на лице. Моя нога дотрагивается до чего-то. Опускаю голову. Один из них. Дёргаюсь в воде, пытаюсь всплыть от страха того, что вижу. Кто-то хватается меня и тянет вниз, притягивает ко дну. Бултыхаюсь и пытаюсь плыть. Не могу. Оно забирает и меня.

— Не-е-ет... помогите, — но даже голоса своего не слышу, только вода вокруг и эти тела, так же как и я брыкаются и боятся за свою жизнь. Они не мертвы! Не мертвы!

Распахиваю глаза и падаю со стула. Снова моя спальня и тишина вокруг меня. Сжимаюсь на полу и плачу, все ещё чувствуя то, что произошло со мной. Господи, как ужасно. Это все из-за рассказов Петру. Другого объяснения нет, но и он там был. Может быть, его сбросили в воду? Может быть, он ещё там? Скорее всего, уже мёртв. Но почему преследует меня? Петру должен знать ответ. Должен, раз сам рассказал мне об этом. И мне следует спросить его. Теперь у него моё спасение от сумасшествия.

Поднимаюсь с пола. Смотрю на часы. Четыре утра. Снова четыре утра и новый день, который проведу в опасении повторения кошмара. Собираюсь на занятия, продумывая план, как бы встретиться с Петру. По пути в школу на автобусе, на занятиях, когда отдаю соглашение о моём участии в походе, думаю. Но не знаю даже, как я могу увидеть его. Решаю, что поеду к школе Стефана. Если он там работает, то подожду его. Приходится пересечь весь город, пересаживаясь на другой автобус. Когда подхожу к воротам, то делаю вид, что иду мимо. Прячусь за деревом и жду. Знаю, что это глупо, но другого выхода у меня нет. Громкие голоса ребят привлекают моё внимание. Я выглядываю из-за дерева, наблюдая, как толпа парней, смеясь, выходит за ворота. Один из них, высокий и темноволосый, что-то говоря своему другу, находит меня глазами. Прячусь снова за деревом, коря себя за этот идиотский интерес. Хоть бы прошёл мимо, а то проблем мне не избежать. Молюсь об этом, прижимая к груди рюкзак.

— Ку-ку, — насмешливый голос раздаётся справа от меня. Кривлюсь и медленно открываю веки, смотря в зелёные глаза парня, того самого парня.

— Кого ждёшь? Свидание? — он обходит дерево и встаёт напротив меня. Как ему не холодно в одной кожаной куртке поверх школьной формы?

— Нет... я... сделай вид, что ты не видел меня, а? — прошу, закусывая губу и нервно теребя висюльки на рюкзаке.

— Расскажешь, кого ждёшь, и я подумаю, — последнее слово он говорит медленно, растягивая гласные, и его глаза опускаются к моему уху. Его лицо принимает удивлённый вид, и рука тянется ко мне.

— Аурелия Браилиану, не так ли? Только ты имеешь тёмные волосы. Что забыла тут? — теперь понимаю, как он узнал меня, прядь выскочила из-под шапочки. Отступаю вбок, заправляя волосы.

— Пожалуйста, не говори никому. Мне нужен профессор Велиш. Очень нужен, это не свидание, не подумай, я... в общем, ты можешь сказать, он тут? — опасливо интересуюсь я, когда парень убирает руку и прячет её в карман брюк.

— Петру? Да, он тут, но у него вечерние занятия, и ждать ты его будешь ещё часа четыре. Замёрзнешь, — с улыбкой отвечает он.

— О, черт, — шепчу, тяжело вздыхая и бросая взгляд на школу, ничем по своему строению не отличающуюся от нашей.

— Он мой брат. Старший брат. Я Лука, — парень протягивает мне руку, а я глупо моргаю, переваривая информацию. Да, есть небольшое сходство, в линии губ и подбородка. Но в остальном они не похожи.

— Брат, — не принимаю это рукопожатие и знакомство, поднимая голову на парня.

— Ага, а ты дикая какая-то, — усмехается он, снова пряча руку в карман.

— Прости. Просто неожиданно, что из всей толпы именно ты заметил меня, да ещё и его брат. Можешь передать ему, что мне надо поговорить с ним? — спрашивая, протискиваюсь между ним и деревом, чтобы выйти на дорогу.

— Ты плохо прячешься. Могу, но вряд ли сделаю, — пожимает он плечами.

— Почему? — удивляюсь я.

— А ты невоспитанная и нарушила правило, которое твоя мамочка и придумала. Ох, влетит же тебе, — ехидно прищуривается он.

— Я не... не невоспитанная! И я... да, нарушила закон. Знаешь, ты тоже не особо-то и приятен, — возмущаюсь, забрасывая рюкзак на плечо. — Пока.

Разворачиваюсь и быстрым шагом иду обратно, проклиная себя за то, что пришла сюда. И вот чем это обернулось.

— Аурелия, подожди, — окликает меня Лука, но я, поджав губы, ещё быстрее иду в сторону остановки.

— Кроме наглости, ты ещё и грубая, — он нагоняет меня, останавливаясь прямо передо мной. Охаю от этого и чуть ли не врезаюсь в него.

— Прекрати оскорблять меня! — зло повышаю я голос. — Дай пройти.

— Не-а, скажешь, зачем тебе мой брат, пропущу, — его губы расплываются в нахальной улыбке.

— Нет, — отрезаю я, шагая вправо. Перекрывает дорогу. Влево. То же самое. Уже раздражённо останавливаюсь, складывая руки на груди. А его это забавляет.

— Ладно, признаю, весёлая ты, Лия. Так ведь тебя называют близкие люди? Ну и я так звать буду.

Я в шоке от его вальяжного тона, от этой наглости по отношению ко мне и, вообще, раздражает он меня жутко.

— Для тебя, госпожа Браилиану, неуч. Жаль, что родители смогли привить только одному сыну вежливость, поучись у него, — ядовито советую я. Его лицо меняется. Губы складываются в одну линию, а глаза наполняются яростью. Первый раз вижу такое. Я даже чувствую, исходящую от него агрессию. Инстинктивно отступаю назад.

— Лука! — раздаётся позади меня громкий знакомый голос, и я облегчённо вздыхаю, когда потемневшие зелёные глаза перестают сверлить меня и переходят за мою спину.

— Держись, Лия. Ты ещё ответишь за свои слова, — низко произносит Лука и разворачивается, быстрым шагом идет по улице.

— Госпожа Браилиану, что вы здесь делаете? Пойдемте за мной, — не успеваю я ответить, как Петру хватает меня за локоть и тащит за школу к парковке. Там он находит свою машину и распахивает дверь для меня. Без слов юркаю в салон и перевожу дух от быстрой ходьбы и встречи с новым знакомым.

— Простите меня, господин Велиш, но мне нужно было с вами встретиться... это очень важно, — быстро шепчу я, когда он садится на водительское кресло и заводит мотор.

— Не здесь. Пока молчите, сидите и молчите. Вы хоть понимаете, чем это может обернуться для вас? Вы с ума сошли? — отчитывая меня, он резко сдаёт назад и вырывается с парковки.

— Наверное, — шепчу я, только сейчас замечая, что он вышел в одной тонкой чёрной рубашке и вязаном жилете. Совершенно голый на этот мороз. Но почему он вышел? Как узнал, что я тут или же не знал и... Не могу окончить предложение в уме, потому что даже придумать за него объяснение не в силах. Но в данный момент это меня волнует меньше всего. Молчу, пока он везёт меня куда-то. Только через несколько кварталов понимаю, что мы едем в ту самую кофейню, где мне стало плохо. Ладно, пусть там, но я узнаю ответы на свои вопросы.

Петру паркуется и выскакивает из машины, открывая мне дверь. Осматривается и кивает мне, разрешая выйти и пройти с ним к дверям. Мы входим в помещение, а тут ничего не изменилось. Колокольчик над нами оповещает о новых посетителях и из задней комнаты выходит Андрей.

— Не сейчас, оставь нас, — резко произносит Петру, и мужчина кивает, снова прячась в комнате.

Снимаю с себя пуховик, шапку и перчатки. Бросаю все на диванчик и сажусь, пока профессор Велиш, ожидая меня, уже сидит и постукивает длинными пальцами по столу.

— А теперь слушаю, что за важное дело превысило здравый рассудок, — первый раз слышу, чтобы он говорил так грозно и даже зло.

— Ещё раз простите, но помните, говорила вам, что, по-моему, схожу с ума? — медленно начинаю я. Хмурится и кивает мне.

— Вчера вы рассказали про озеро... про смерти. И знаю, что это покажется вам бредом, но я слышу... иногда мне снятся сны, в которых вижу непонятные вещи. Я не переутомляюсь, боюсь спать, потому что они очень страшные. Кто-то зовёт меня постоянно, и в церкви... в церкви выключился звук и этот голос... снова он. Но вчера я заснула за ноутбуком, и он пришёл ко мне. Туман, и он дотронулся до меня, первый раз дотронулся. Я упала и очутилась в лесу. А там... — сглатывая, жмурюсь и снова переживаю этот ужас.

— Тише, госпожа Браилиану, все хорошо. Сейчас все хорошо, продолжайте, — он берет мою руку в свою, но не согревает. Потому что замёрз, пока вёз меня, видимо, а я дрожу. Открываю глаза, кивая, и делаю глубокий вдох.

— Человек... кто-то надел на него мешок и сбросил в озеро. А на ногах его был груз. Когда я добежала, никого не было и мне пришлось нырнуть, хотя плавать я не умею. Но и там, в воде... она такая мутная... могла дышать. Открыть глаза и увидеть... боже... их было много... этих людей, плавающих там с такими грузами. Они были живыми, двигались, дёргались и... они живые были. Что это? Что со мной, господин Велиш? Я сумасшедшая, да? — по щекам уже катятся слезы, вырываю руку из его, вытираю лицо. А он смотрит в одну

точку и даже не двигается.

— Так наказывали неверных раньше. Не пользовались тюрьмами, штрафами, а только суд, состоящий из жителей и осуждённый. Всех, до единого признавали виновными. Это было так давно. Очень давно, больше пятисот лет назад. Живых заставляли тонуть в их страхах и сбрасывали в озеро. Не верили в очищение души, считая, что если хотя бы в одной жизни душа имела грех, то и в дальнейшем лукавый не отпустит душу. Таким образом, их запирали в воде, не давая переродиться или же оправдаться, — неожиданно произносит он и переводит на меня странный взгляд. Улыбается, откидывается на спинку диванчика и уже смеётся. Теперь мне не кажется хорошей идеей рассказать ему все, потому что и он сейчас похож на двинутого. Глубоко двинутого человека. Он встаёт и продолжает улыбаться, расхаживая перед столиком.

— Вы видели прошлое. Прошлое, которое похоронили в этой земле. И видимо, кто-то из них просит вас о помощи, госпожа Браилиану. Он знает, что вы можете ему помочь, — говорит Петру, останавливаясь и упираясь руками о стол.

— Но как? Как я могу видеть прошлое? Это же сюрреализм, господин Велиш! И как могу помочь умершему человеку? — изумляюсь я.

— Души бессмертны, они всегда ищут лазейку, чтобы вернуться. И они нашли вас, госпожа Браилиану. Не бойтесь того, кто зовёт вас. Он не может причинить вам зла, — заверяет меня, а я мотаю головой, полностью теряясь в своих мыслях.

— Вернуться? То есть ожившие мертвецы? Или... я ничего не понимаю. Я думала, что с ума схожу, — шепчу я.

— Когда это началось? Когда вы первый раз услышали его голос? — спрашивая, он садится рядом со мной.

— Первый раз слышала его давно, но он был только в голове. Не помню, когда это началось, кажется, что всю жизнь слышала его. А сны... они пришли, когда мне исполнилось восемнадцать и с каждым днём все хуже и хуже. Они обретают оболочку, даже голос живой, сильнее прежнего. Раньше был тоннель, только он... потом не знаю, что это... много воды и стены из камня, сожжённый замок и озеро. Лучше забыть об этом... просто забыть и не обращать внимания. Я не могу никому помочь, это все бред. И если вы считаете иначе, то и вы сумасшедший, такой же, как и я. Простите, — подсакиваю с места, собирая впопыхах свои вещи.

— Стойте! Стойте, госпожа Браилиану... прошу вас, подождите, — он подлетает ко мне и хватается за руку, не давая возможности одеться.

— Нет, пожалуйста, я и так напугана. Мало того, что я другая, так ещё и это... прошу вас, не говорите никому. Я забуду... забуду...

— Вы не должны забывать. Страх не уйдёт, поверьте, он станет сильнее. Он поглотит вас, и не будет возможности сражаться. Вы сами обречёте себя на тьму, которая в том, кто зовет вас. Помогите ему... найдите его, пожалуйста, — быстро шепчет он, сильнее сжимая мою руку, а его глаза блестят безумством. От этого ещё страшнее, чем ранее. Вырываю свою руку и медленно отхожу от мужчины.

— Вы больны, и я больна. Это была ошибка, и если вы хоть кому-то скажите об этом, то я буду опровергать все ваши слова. Моя мама — мэр, и вас изгонят, если вы подойдёте ко мне. Обещаю, что сделаю это. Не приближайтесь больше ко мне, не говорите со мной. Прощайте, — дрожащим голосом произношу и рукой нащупываю ручку двери. Распахиваю её и вылетаю на холодный воздух, срываясь на бег. На ходу натягиваю на себя одежду, прячусь за

домом и сжимаю голову руками, проклиная всех, кто причастен к моему сумасшествию.

— Добрый день, дорогие учащиеся. Напоминаем, что тридцатого октября в городе состоится благотворительная ярмарка в честь наступающего Хэллоуина. Занятий в этот день не будет. Сбор у школы в десять утра, уточните ваши обязательства у старших в ваших классах. Следующее объявление касается учащихся, отправляющихся в завтрашний поход на две ночи и два дня. Список необходимых вещей возьмите в приёмной. Желаем вам хороших выходных, — раздаётся в громкоговорителе по всей школе.

Вздыхаю и перевожу взгляд на подругу, закатывающую глаза и явно расстроенную, что в субботу мы с ней не отправимся в библиотеку.

— Мне надо идти, буду скучать, — на прощание целую Риму в щеку.

— Расскажешь все, ладно? Ох, так здорово. Мальчики, звезды и костёр. Оторвись там по полной, — отвечает она, приобнимая меня за плечи. — Хорошо, что твои... ну эти твои вещи закончились, и ты можешь снова нормально спать.

— Ага, обязательно. Увидимся в церкви. Пока, — произношу и разворачиваюсь, чтобы дойти до приёмной.

Три дня я и, правда, не слышу больше его, как и снов нет. Никаких. Сплю без них, но это вместо того, чтобы принести облегчение, наоборот, изводит меня. До сих пор в голове крутятся слова Петру и его странный взгляд, как и поведение. Уже тысячу раз пожалела о том, что поделилась с ним, как и то, что все же иду в поход. Без появления этого мужчины было проще и легче жить. Ни в интернете, ни в библиотеке я не нашла ни единого подтверждения его словам, как и своим снам.

Но почему он пропал? Почему больше не зовёт меня? Знаю, что это немного глупо и совершенно ненормально думать об этом, когда все закончилось, но думаю, чёрт возьми. Каждый день жду, что вот-вот позовёт и услышу его голос. Ничего. Это невероятно, но я чувствую, словно что-то потеряла. Часть себя и без этой особенности уже я не я. Но должна радоваться. Должна, так почему нет ни грамма облегчения?

Забрав лист с перечнем необходимых вещей и продуктов, которые мы должны взять с собой, я иду к остановке и равнодушно смотрю на дорогу. Ну же... где ты? Хватит думать о нём, хватит. Теперь ты сможешь жить, быть обычной и даже забыть о том, что было. Что это за человеческая черта: когда происходят странности, мы боимся, а когда они исчезают, начинаем искать их?

Не могу не думать, вот не могу и все. Что он хотел от меня? Зачем все это было, раз пропал?

Доехав до дома, я первым делом собираю рюкзак, доставая его с чердака, как и палатку. Там же нахожу мамин спальный мешок. Она когда-то ходила в горы, там встречалась с отцом, и они проводили ночи под звёздным небом. Так делают многие. Сбегают из дома в ночи, чтобы провести эти часы с возлюбленными. Сначала тайно. А когда наступает брачный период, у нас он в восемнадцать, то открыто приходят к родителям и говорят о своих чувствах. Так было раньше, сейчас же молодые женщины выходят замуж позже, пока не выберут самого достойного из всех. И таких вот ночей, проведённых с разными парнями, у них слишком много. Хотя я думаю, что когда ты встречаешь того самого, то больше никого не должно существовать. Выбора нет, потому что он не сравнится ни с кем из мужчин. Он будет особенным. Твоим.

И откуда такие мысли? Понятно, что для меня мама сама выберет кандидата из верхних слоёв нашего народа. Да я и не спешу с этим всем, наверное, для меня рано. Может быть, я не созрела для этого.

Улыбнувшись глупостям и положив последнюю банку с фасолью в рюкзак, затягиваю его и дотаскиваю до дверей. Перебрав несколько фонариков, в карман рюкзака кладу один и рядом батарейки. Вроде все.

Захожу к себе в спальню и закрываю за собой дверь. Уже не страшно, немного одиноко и даже скучно. Переодевшись в пижаму, забираюсь в постель и жду, пока усну. Очень хочу заснуть и увидеть ещё что-то. Глупая. Такая глупая.

Заметив толпу из ребят и девушек, пытаюсь идти быстрее, но рюкзак невероятно тяжёлый, а я проспала. И сейчас, когда первым из всех меня замечает профессор Велищ, недовольно сверля взглядом, хочется исчезнуть или провалиться сквозь землю. Одна из девочек, как потом понимаю, Мария Нефу громко и язвительно комментирует моё появление и, конечно, тому самому парню, что приходится братом Петру и который неприятен мне с первого взгляда.

— Тише, ребята, — грозно останавливает начавшиеся насмешки в мою сторону Петру, поднимая руку с ручкой. — А вот и последняя, мисс Браилиану.

— Доброе утро, простите, автобуса долго не было, — мямлю я, краснея до кончиков ушей, спрятанных под вязаным беретом.

Но он меня уже не слушает, как и остальные бурно аплодирующие и готовые к приключениям. Как-то странно чувствую себя сейчас, практически так и не спала ночью, урывками, все ожидая сна или его голоса. Туман в голове, как и самочувствие, оставляет желать лучшего. Виски неприятно пульсируют, да ещё и воспоминания о последней встрече с Петру дают о себе знать. Хочется спрятаться и не встречаться больше с ним. Стыдно немного и неловко. Но его это совершенно не волнует, он даже не смотрит в мою сторону, оповещая ребят о нашем пути. Замечаю пять ребят, одного из них знаю — Лука Велищ, другой, по-видимому, его друг, они сразу приметили старших девочек и всюю с ними флиртуют. Парень светленький и в очках, переминается с ноги на ногу, постоянно поправляя красный рюкзак за спиной. А в стороне стоят ещё два парня моложе всех нас и по возрасту схожие с самой младшей, Яниной. Я подхожу к Оане и встаю рядом, так как нам приказано разбиться по парам. Уж точно с мальчиками не хочу быть.

— Я с тобой, — шепчу ей.

— Хорошо, только я приехала сюда, чтобы познавать, а не навлечь на семью позор, — грубо отвечает она и поворачивается к профессору, указывающему двигаться за ним по тропинке в горы.

— Да я как-то тоже, — бурчу себе под нос и плетусь за всеми.

М-да, веселее не придумаешь. Впереди раздаются взрывы хохота от ребят постарше и хихиканья девушек, а там, где иду я, гробовое молчание. Мотаю головой, заставляя себя отключиться от этих восприятий и смотреть под ноги, чтобы не упасть и не унижить себя ещё больше, чем опоздание.

Мы поднимаемся в горы, огибая их, затем снова и снова, пока вдалеке не показываются

руины замка. Я ни разу сюда не заходила, мама говорила, что опасно, потому что за замком сразу же обрыв. Он стоит прямо на вершине скалы и его можно едва разглядеть из города. Да если честно, то и не интересовалась даже камнями, покрытыми грязью, упавшей листвой и мхом.

— Ребята, останавливаемся здесь. Разбиваем палатки, а парни помогут мне развести костёр. Далее, наши прекрасные дамы приготовят нам похлёбку и второе, — оповещает всех Петру.

— Черт, — шепчу я, ударяя себя по лбу. Вот чего мне не хватало — палатки, которую впопыхах забыла рядом с дверью. Блин, этот поход может быть ещё хуже?

Хочется расплакаться или уйти. Может быть, вернуться? Когда-нибудь выйду из леса, если не переломаяю ноги и вспомню дорогу обратно. Вот это я попала.

Смотрю на парней, бросающих на землю палатки, то же самое делают и девушки, я медленно отхожу, пока не упираюсь в дерево. Слезы уже наворачиваются на глаза от собственной глупости и несобранности. Всему виной это навязчивое желание услышать его голос! Дура! Законченная дура!

— Госпожа Браилиану, все хорошо? — ко мне подходит Петру. Опуская голову, смотрю на носки своих ботинок.

— Я забыла палатку. Простите, я же говорила, что со мной одни неприятности. Я могу вернуться. Боже, — закрываю лицо руками, потому что снова начинаю краснеть от этой ситуации.

— Ничего страшного. У меня палатка на троих. Мы можем поселить туда вас и мисс Громец, — предлагает он. Поднимаю взгляд на улыбающегося мужчину, и ещё хуже становится, вспоминая свою бурную речь.

— Я... простите меня за то...

— Госпожа Браилиану, я все забыл, как вы и просили. Не волнуйтесь, все бывает и никогда все не получается так, как планировалось, — перебивает он меня и разворачивается к ребятам.

— Итак, мисс Громец и мисс Браилиану будут ночевать в моей палатке. Родители мисс Громец предупредили меня о слабом здоровье, как и у мисс Браилиану, поэтому я отдаю им свою, она утеплена. А мне, надеюсь, вы не против, мисс Громец, одолжить свою? — и, конечно, она соглашается. Как же отказать профессору. Удивлена и благодарна, как он вышел из ситуации, не показав всем, что я бестолочь.

Как же обойтись без ехидных замечаний Луки и хихиканья девушек. Да никак. Но гордо прохожу по опушке и беру в руки палатку Петру, успев прошептать ему «спасибо». Никогда не ставила палатки, как и Янина. Нам не с первого раза удаётся забить колья, и мы даже веселимся, пытаясь водрузить её. Бросив спальные мешки внутрь, достаю провизию и подхожу к костру, который уже успели разжечь парни.

Никто не собирается готовить, как я понимаю. Все занимаются своими делами, Мария и Дана щебечут и спрашивают о чем-то Петру, Оана копается в земле и рассматривает какие-то листочки вместе с парнем в очках, Янина ещё мала, чтобы иметь навыки готовки. А парни смеются и носятся друг за другом. Боже, куда я попала? Остаюсь я, которая и оказывается рядом с костром. Готовлю я не ахти, но суп уж смогу приготовить.

— Давай, помогу? — неожиданно предлагает Лука. Прищуриваясь, держу в руках казан, который нашла среди вещей на поляне.

— Отравы подсыплешь? — язвительно интересуюсь я.

— Нет, просто помогу, — пожимает он плечами. Странно, но от помощи глупо отказываться.

Мы устанавливаем казан на железных палках, которые тоже выдумали сами. Налив туда бульон из пачек, чистим овощи, молча. Иногда поглядываю на сосредоточенного этим занятием Луку, видно, что он это делает если не в первый раз, то точно занимается нечасто готовкой. Но общими усилиями, нам удаётся сварить сносный суп.

— Мы молодцы, — гордо говорит Лука, пробуя похлёбку.

— Это я молодец, а ты только все пачкал, — улыбаюсь, разливая ребятам по одноразовым тарелкам наше варево.

— Наглая ты, не ценишь мою незаменимую помощь, — хмыкает он.

— О, поверь, я оценила, — уже смеюсь, он отвечает мне улыбкой, передавая тарелку Петру, прислушивающемуся к нашему разговору.

— Гадость такая, Браилиану! Соли не хватает! — выкрикивает Мария.

— Если тебе целлюлита мало — посоли, — обиженно отвечаю я, наливая себе тарелку под общий смех, и направляюсь к Янине. Единственная она мне тут нравится. Ладно, Лука тоже оказался неплох, когда молчит и не говорит.

Уже начинает смеркаться, а всего-то начало пятого. Конечно, после обеда из одного супа, мужчины остаются голодными и просто достают банки с овощами, вскрывая их и ложками поедая фасоль и баклажаны в томатном соусе. Мыть тарелки, естественно, не собираемся, мы их просто выбрасываем в мусорный пакет.

Петру сам ставит чайник, наливая воду из пятилитровой бутылки, которую я даже не заметила.

— Я могу помочь? — вежливо предлагая, присаживаюсь рядом с ним на корточки.

— Спасибо, но я хочу заварить настоящий румынский чай с травами. Хоть раз современная молодёжь попробует, что это такое, — с улыбкой отвечает он, бросая на меня взгляд. Раскрывает пакет, где лежат всевозможные листья разных форм. Резкий запах травы ударяет в нос, что я кривлюсь.

— Он будет мягче, госпожа Браилиану. Раньше наши люди пили именно его, чтобы отдохнуть между путешествиями по этой земле. Она была больше, чем сейчас. На походы уходили недели. Чай восстанавливает силы и придаёт бодрости, но, если хотите, у меня есть и обычный чёрный чай, — он указывает на коробочку.

— Я не готова пока пробовать вот это, простите, — закусываю губу, пытаюсь не рассмеяться, наверное, от нервов и того, что до сих пор среди ребят нахожусь не в своей тарелке.

— Тогда держите, — он передаёт мне стакан и пакетик с чаем, наливает туда воды.

— Благодарю, — киваю, возвращаясь на своё место. Пока ребята один за другим получают ароматный и по мне так не особо красивый на вид напиток, я согреваюсь своим чаем.

Все рассаживаются вокруг костра, и ребята начинают рассказывать страшилки про лесных чудовищ и тот самый бред, который показывают во всех фильмах ужасов. Идёт активное обсуждение Фредди Крюгера, туда же добавляется Супермен и Женщина-Кошка. Я не участвую в этом, только смеюсь со всеми на глупости, ловя на себе задумчивый взгляд Петру. Он продолжает смотреть на меня, держа в руках кружку, и мне ничего не остаётся, как перевести свой взгляд на огонь.

Когда разговоры уже переходят на более интимные темы, касающиеся свиданий и

любви, Петру обрывает своего брата и указывает всем на палатки, обещая, что завтра мы пойдём к замку и узнаем множество легенд нашего народа. А я рада такой возможности и самая первая забираюсь в палатку, снимая пуховик и шапку. Остаюсь в тёплых леггинсах и свитере под горло, перчатки тоже решаю оставить. Янина, зевая, укладывается в свой спальный мешок и через несколько минут уже мирно посапывает. Наверное, стоило выпить этот чай, потому что у меня сна нет ни в одном глазу.

Тишина, разрушаемая только потрескиванием огня, становится давящей. Кручусь с бока на бок, и все не так. Раздражает это. Распахиваю рюкзак и сажусь, доставая маленькую книжку с латынью. Подсвечиваю себе фонарём и пытаюсь читать на этом языке. Красивый и забытый. Поднимаю глаза на огонь, виднеющийся сквозь ткань палатки, улыбаюсь чему-то. Он говорит на латыни, зовёт меня на латыни, и я скучаю. Черт, ну как такое может быть возможным-то? Со мной явно что-то не так, ведь я боюсь и одновременно жажду услышать его. Привыкла.

Откладываю книгу и натягиваю на себя пуховик и шапку. Расстёгиваю палатку, не замечая никого больше, кладу в карман фонарик и выбираюсь.

Может быть, немного прогуляться? Поможет заснуть. Да и об этом никто не узнает. В свете луны смотрю на руины замка и двигаюсь к нему. Все же красивое место, хоть и мёртвое. Даже подсвечивать фонариком нет нужды, света от ночного неба и низкой полной луны достаточно. Добираюсь до камней, символизирующих когда-то бывший подъезд к нему. Каково это было жить тут? Длинные платья, приёмы и войны. Стену, оберегавшую замок от врагов, полностью сровняли с землёй, только фундамент остался. Забираясь на камни, иду по ним. Замираю от невероятного вида. Ещё пару шагов и обрыв, а вокруг одна зелень. Внизу должно быть озеро и деревья. Вдыхаю аромат этой ночи, закрывая глаза, улыбаюсь тому, что могу это прочувствовать. Впитать в себя и насладиться только природой.

— *Аурелия*, — вокруг меня появляется такой для меня желанный и опасный голос. Не вздрагиваю больше, продолжаю улыбаться. Вернулся.

— Да, я тут. А где ты? — спрашиваю я шёпотом.

— *Рядом... совсем рядом...* — отвечает он. Открываю глаза, глубоко вздыхая.

— Тебе нужна помощь? — знаю, что выгляжу, как сумасшедшая, разговаривая сама с собой. Хотя сердце начинает биться быстрее, но не от страха, а от желания узнать кто он, и что хочет от меня. Приняла его, как саму себя.

— *Аурелия, иди ко мне*, — словно из этого скалистого оврага раздаётся хрипловатый голос.

Он зовёт меня туда? Хочет, чтобы я умерла? Отступаю на шаг от обрыва и сглатываю.

— Нет, — шепчу, — нет, я жива, а ты мёртв. Нет.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но натываюсь на человека, крепко поймавшего меня в свои руки. Страх сдавливают горло, но даже кричать не могу, мне перекрывают рот ладонью. Поднимаю голову, чтобы увидеть нападавшего, и от удивления уже не двигаюсь. Почему он тут?

— Не кричите, разбудите всех, ладно? — шепчет Петру. Быстро киваю, и он отнимает свою руку от моего рта. Отскакиваю от него, упираясь спиной в камни.

— Что вы тут делаете? — шокировано спрашиваю, бросая опасливый взгляд вбок, в пропасть.

— Я слежу ночью за костром, пошёл собрать ещё хвороста и заметил вас. Нельзя сюда ходить, госпожа Браилиану! Здесь опасно, можете сорваться вниз. Как вы забрались сюда, вообще? — он указывает рукой на ту площадку, на которой мы стоим. Обескуражено распахиваю глаза, смотрю вниз и следом на мужчину. Я так высоко. И, правда, как?

— Не знаю, просто шла. Не спалось, решила прогуляться и как-то поднялась сюда, думала о чем-то. Тут очень красиво, — сама не понимаю, как мне удалось взобраться сюда. Не помню. Только шла и шла.

— Больше так не делайте. Я чуть с ума не сошёл, пока искал вас и не заметил здесь. А насчёт красоты, полностью с вами согласен, госпожа Браилиану. Ведь днём нельзя увидеть эту красоту. Она открыта только в ночи.

— Почему? — удивляясь, бросаю взгляд на лес под нами.

— Туман. Он закрывает все это днём, а ночью рассеивается, давая возможность смотреть на это вечно, — Петру подходит ко мне, смотря на пейзаж. Улыбается ему и вижу, так глубоко вздыхает, что его грудь поднимается и опускается под чёрной курткой.

— А давно разрушен замок? — спрашиваю я.

— Хотите получить информацию раньше, чем остальные? — журит он меня.

— Очень. Расскажите? Обещаю ничем не выдать себя, — издаю смешок.

— Замок был разрушен больше пятисот лет назад. Он не был красивым, какие остались сейчас на земле. Но был крепостью, через которую путешественники могли войти в этот город. Он пропускал их и принимал в свои стены, обещая защищать от бед и горя, от войны и голода. Но была Гражданская война, и люди, которых он так бездумно принял в свои объятия, решили, что им мало. Они хотели власти, хотели править и разрушили весь устой. Им помогли извне, враги нашего народа, оставшиеся впоследствии здесь. На него напали, замуровав людей в нём, — он замолкает, а я подхожу ближе к нему, потому что это невероятно. Не может быть правдой.

— Он горел, а они кричали. Молили о помощи, и рухнула башня в овраг, — произношу я. Петру резко поворачивается ко мне и его глаза распахиваются, являя удивление и что-то ещё, но я не обращаю внимания.

— Откуда? — единственное, что он может вымолвить.

— Видела. Во сне. Я скакала на лошади к нему, а он звал меня. Я пыталась бежать к этому замку. Только сейчас понимаю, почему он кричал мне остановиться. Он предостерегал меня, а я боялась. Боялась, что поймают, а потом... потом этот огонь и запах. Ужасно, — шепчу, закрывая рот рукой, чтобы справиться с накатившими эмоциями.

— Стореть замок полностью не мог, потому что был из камня. Ему помогли стать таким, какой он сейчас, после того, как все люди, находящиеся внутри, сторели. На него напали, чтобы добить тех, кто остался в живых. Чтобы навсегда оставить эти руины, как напоминание нам о том, что жажда власти стала выше, чем человеческое сострадание и желание подарить людям защиту. Это символ великой любви к народу и его ответа своему

правителю, — медленно произносит Петру. Стираю слезы, все же покотившиеся по щекам от этого рассказа.

— Выходит, что в этом месте никогда не было радости? С того самого времени? Озеро, в котором похоронены люди. Эти руины, унёсшие человеческие жизни. Почему? Скажите, почему никто об этом не говорит, даже упоминания об этом замке нигде нет? Почему тут продолжают жить люди и верить в то, чего никогда не было?! Получается, что те, кто живут тут и есть потомки этих извергов? Господи, как ужасно, — закрываю глаза. Не могу поверить, что и я одна из них. Не могу осознать этого. Все сказка, а вот такова была реальность.

— Тех, кто восстал против своего правителя и царской семьи, уже нет в живых. Стены были разрушены, началась паника и новые убийства. Многих изгнали отсюда и остались наши предки, заново выстаивающие стены и уменьшающие город, чтобы в будущем они смогли подавить любое восстание. Но это было в прошлом, и его благополучно забыли. Сейчас, как вы говорите, настоящее, и надо думать о будущем, — его ладонь ложится на мою спину, поглаживая её, помогая мне справиться со слезами и поднять затуманенный от слез взгляд на Петру.

— А почему вы об этом знаете? — спрашиваю я.

— Потому что эту историю в нашей семье рассказывают каждому мальчику, это своего рода традиция, чтобы мы не забывали, как жестоки бывают порой люди.

— Но вы ведь хотели это рассказать нам. И большинство бы пришли домой, передали это своим родителям. Вас же осудят, — непонимающе шепчу я.

— Нет, я расскажу другую историю, полную доблести и любви. Я создам сказку для них, только вам могу рассказать правду. Вы другая, госпожа Браилиану, вы понимаете, как никто другой меня. С вами очень просто говорить, и мне бы хотелось, чтобы вы понимали все. Насколько любовь бывает опасна.

— Но никакой любви тут не было?

— Если вы имеете в виду плотскую любовь. Отчего же, была, — усмехается он, отходя от меня на шаг и даря свой взор лесу.

— Какая? — интересуюсь я, надеясь, что хотя бы тут краски снова заиграют и подавят во мне эту горечь от правды моего народа.

— Город имел иное название, великое, древнее и сильное, как и семья, правящая им. Сакре — священное место, где светило солнце и имела начало широкая румынская душа. Ею правил король и растил своих детей без матери, умершей во время восьмых родов. Он грустил и скучал по ней, не беря больше жён. Он верил, что души наши бессмертны, и он встретится со своей любимой на небе. Его старший сын, наследник и сильный воин, обучающийся с рождения, решил иначе свою судьбу. Он отошёл от мирской жизни и отдал себя служению Богу. Он был священником, его приход всегда был открыт для любого путника и заблудившейся души. Он был полон желаний дарить свои знания людям и молод, но его не волновало это, он пожертвовал свою душу Богу. Он верил в него, восхищался им, и Бог ответил ему тем же. Он одарил его невероятной доброты душой и возможностью снимать боль и страдания с людей. Вэлериу, так его звали, стал чем-то вроде святого в этом городе. К нему приходили просить благословения, ведь его присутствие здесь с божьей помощью помогало пережить чуму. Ни единой смерти, только солнце и радость. Народ боготворил этого человека и безоговорочно верил ему. Но войны продолжали идти на румынской земле и многие жаждали разрушить этот город. Людская зависть и желание власти никого не могли

оставить в покое за пределами этого места. На соседнее селение напали и люди бежали в Сакре, прося убежища и кров. Их приняли, как родных. Среди них была дочь короля, который пал в этой схватке. Она часто приходила молиться в церковь, прося об упокоении душ её родителей, братьев и семьи. Вэлериу хотел помочь ей, снять печаль утраты с её ангельского лица. Она была белокурым ангелом с кристально ясными голубыми глазами, они заморозили его, как и сама девушка, своей искренностью и чистотой. Вэлериу мучился от этого, разрываемый чувством долга, верности Богу и любовью, которая поселилась в его сердце, — Петру замолкает, а я ожидаю продолжения об этом прекрасном чувстве. Бросает на меня взгляд и набирает больше воздуха, чтобы продолжить.

— Месяц его разрывали мысли о девушке. Он боялся поддаться этому греху, но не выдержал. Одна ночь, ставшая для них раем, превратилась в ад для других. Бог отвернулся от него, увидев в этом предательство его подарка, наслав на город страшную чуму. У Вэлериу больше не было сил, чтобы помочь им. Его отец тоже слег под властью этого недуга. А девушка исчезла, испугавшись того, что теперь и здесь начнётся тёмное время. Враги узнали о слабости короля, как и о недовольствах в городе, проникли в него тайно и развернули войну. Вэлериу снова разрывался, ведь девушка появилась и молила его о побеге, чтобы быть с ней. Но он решил, что будет биться до последнего за свой народ. Он поехал в свою разрушенную церковь, чтобы сказать ей об этом. Отказаться и спасти её, чтобы остаться в Сакре, как воин. Но девушки не оказалось, она обманула его, заперев там. Он пытался выбраться оттуда, слыша крики и чувствуя огонь вокруг. Ему удалось сломать двери и поскакать к замку, который уже горел в огне. Он погиб, пытаясь спасти своих братьев и сестёр. Вот вам, госпожа Браилиану, история любви, — поворачивается ко мне.

А я смотрю в темноту леса и плачу от коварства и обмана прекрасного человека, пожертвовавшего всем и не получившего в ответ ничего, кроме смерти. Он скакал к замку, и, возможно, может быть, я и ошибаюсь, но он зовет меня. Только что я могу сделать? Чем помочь ему?

— Боже мой, — шепчу, стирая слезы, но они катятся нескончаемым потоком.

— Почему вы плачете? Это всего лишь легенда, — удивляясь, Петру подходит ко мне.

— Очень жестоко она поступила с ним. И нет больше солнца над нами, одна темнота и мрачность. Это место пропитано кровью людей. Несчастливыми, которые всего лишь хотели любить и быть любимыми, а оказались отвергнутыми. И мы такие, да? Мы тоже несём в себе это? Эту отравленную кровь, сотворившую бесчинства в прошлом, — сухими губами шепчу и плачу. Словно меня предали, словно это была я. Словно я проклята и сейчас несущая на себе бремя этого, придавливающее меня вниз. Туда. К нему.

— Ну, тише, госпожа Браилиану, вы слишком эмоционально восприняли мои слова, — он обнимает меня за плечи. Опускаю голову на его грудь, сотрясаясь в рыданиях.

— Это было прошлое, красивое и великое время, которое заменила современность. Всему приходит конец, даже мрачности. Наступит когда-нибудь время, когда снова будут танцы и песни, когда народ вернёт веру. Стены рухнут вновь, чтобы впустить сюда свет — говорит он, поглаживая меня по спине.

— Зачем они? Почему нас не пускают за них? — всхлипывая, спрашиваю я, поднимая на него голову.

— Чтобы никто больше не навредил юным созданиям и не совратил их души, как это было с нашими предками. Все точно по правилам, отклонения считаются пороком. И вас, и меня бы уже давно изгнали, узнав о нас. Для этого нужны друзья, чтобы не сойти с ума, а

продолжать ждать и верить, что наступит этот день, и мы будем счастливы. Счастливы, как раньше. Верите мне?

— Да, но как же жить теперь, зная правду? Как смотреть на людей, так наслаждающихся этими благами и размеренной жизнью, когда я понимаю, что живём мы на костях невинных?

— Как другие города и поселения. Везде были войны, много павших, много пролитой крови и слез. Мир построен на слезах матерей и отцов. Мир сотворен в слезах и крови и таит в себе множество препятствий к сожалению. И только пройдя их, можно увидеть божью благодать и подарок в виде бессмертия души.

— Я теперь точно не усну, — отступаю от Петру, он отпускает меня, а я обнимаю себя руками.

— Давайте, вы все же выпейте мой некрасивый чай и отдохните, — предлагает он.

— Хорошо. Спасибо, — стираю влагу с лица.

— Теперь нам надо бы спуститься, — задумчиво говорит он.

— Вот сюда, — забираюсь на разрушенную стену и указываю на ровную местность, покрытую листвой. — А оттуда можем спуститься по той стене.

— Давайте, я первый, — предлагает он, взбираясь на стену и прыгая с неё.

— Нет! — кричит он, но я уже прыгаю к нему и замираю, слыша неприятный треск под нами. Испуганно поднимаю голову на Петру.

— Так, не двигайтесь, — он хватает меня за руки, помогая выпрямиться. Задерживаю дыхание, ведь раздаётся скрип и новый треск под нами.

— Боже... мы упадём, — шепчу я, облизывая губы, смотрю в его бегающие по моему лицу глаза.

— Нет, не упадём. Сейчас я пройду обратно и попробую найти другой выход, — он отпускает мои руки, но я крепче хватаюсь в них.

— Нет... я упаду, знаю, что упаду. Он звал меня... звал к себе... это он... — быстро шепчу я, крепче впиваюсь в его руки пальцами в перчатках.

— О-ля-ля, что я вижу, братец. А я-то думал, где же ты? — раздаётся сбоку от нас насмешливый голос, и мы оба поворачиваемся на него. На корточках на стене сидит Лука и ехидно осматривает нас.

— Брат, нам нужна помощь. Позови ребят, и пусть захватят верёвки из моего рюкзака, — резко говорит Петру.

— Ох, ну да, дать вам тут время пообжиматься и выставить меня идиотом. Ещё чего! Нехорошо, Лия, ой как нехорошо. И где же твоё воспитание? Одна с мужчиной, — он выпрямляется, а я сглатываю из-за его слов. О, Господи, дай мне лучше упасть, чем это.

— Слушай! Лука! Мы стоим на гнилых досках, один наш шаг, и они могут сломаться. Я не знаю, что под нами. Мы можем разбиться, поэтому прекращай и выполняй мой приказ, — зло рычит на него Петру.

— А давайте проверим? — прищуривается он.

— Нет! — в один голос кричим мы.

— Пожалуйста, Лука, пойдя позови кого-нибудь. Это правда, я необдуманно указала на это и Петру... то есть господин Велиш прыгнул первый...

— Ой, Лия, прекращай. Твои слезы такие же наигранные, как девственность у Марии. Ну что, рискнём? Раз, — довольно считает он, перебив меня.

— Сделайте что-нибудь, — панически шепчу, дёргая за руку Петру. И от моего движения снова раздаётся скрип, который не слышит Лука, громко произнёсший «два».

— Лука! Идиот! Прекрати! — кричит Петру, пытаясь сделать шаг к нему, но мы словно опускаемся ниже. Жмурюсь от ужаса того, что сейчас произойдёт.

— Три! — кричит Лука и прыгает к нам. Самый сильный треск и из-под ног уходит земля. Кричу, падая вниз.

Тупой удар по спине и голове не даёт дышать. Перед глазами яркие точки и одна темнота, окутавшая разум.

— Лия! Лия! Ну же, давай, открывай глаза, — меня бьют по щекам. Дёргаю головой, в которой тянущей болью отдаётся пульсация в висках и на затылке. Каждая частичка тела тянет и ноет. Издаю стон.

— Молодец, теперь открой глаза... прости, думал, что придумали это... ну бывает же, — узнаю голос Луки. Открывая глаза, моргаю и привыкаю к темноте, пока мне в глаза не бьёт свет. Жмурюсь и пытаюсь удалить от себя такой яркий источник света.

— Вставай, — он протискивает свою руку мне под спину и поднимает меня. Боже, как больно.

— Хорошо, что ты в пуховике. Он защитил тебя от переломов, да и, вообще, от серьёзных повреждений. Как чувствуешь себя? — снова по глазам ударяет свет. Закрываю рукой лицо.

— Нормально, голова болит немного, — сипло отвечаю я.

Лука отводит от меня фонарик. Щурюсь, пытаюсь разглядеть хоть что-то. Слышу кряхтение Петру где-то сбоку.

— Идиот, говорили же тебе. Черт, я, по-моему, ногу вывихнул, — раздаётся голос Петру, и Лука светит на него. Все его волосы в листьях и грязи, он держится за ногу и кривится от яркости света.

— Где мы? — давлю на виски, пытаюсь уменьшить боль в них, как и гудение в голове.

— Не знаю. В яме какой-то. Тут высоко. Мы не поднимемся сами. Пока вы валялись, я хотел осмотреться, но решил, что надо привести вас в чувство. Дело дрянь. Эти недоразвитые вряд ли нам помогут, ещё и положение критическое. Твоя репутация, Лия, может быть полностью погублена, если они найдут нас тут втроём. Им будет неважно, как и почему, а сам факт — ты была наедине с нами. Да ещё и живая, — говорит Лука, а я даже понять не могу, о чём он, вообще. Ведь у меня все болит. Облизываю губы, ощущая на языке солоноватый привкус крови. Передёргивает от этого. Тошнит даже. Растираю виски сильнее.

— Я идти не смогу, — произносит Петру, включая фонарик и осматривая ногу.

— Ну ладно, будем тут сидеть. И неизвестно, как долго, пока они сообразят, где мы. Могут пройти сутки, двое или трое. Умрём от обезвоживания или вернёмся уже изгнанниками, поэтому не скули и, давай, обопрись на меня, — Лука подходит к брату, предлагая ему плечо, и поднимает его.

— Да не так больно, как казалось. Хромать буду, но идти, думаю, смогу, — отвечает Петру.

— Госпожа Браилиану, вы как? Помогите лучше девушке, Лука! — отпихивает от себя парня в мою сторону. Лука цокает и подаёт мне руку. Вкладываю в неё свою. Рывком поднимает меня на ноги, которые покалывает мелкими иголочками на ступнях.

Хватаюсь за его плечи, кривясь от неприятных ощущений.

— Потом пообнимаемся, идёт? Может быть, поцелую тебя, — смеётся Лука.

— Тупой урод. Только подойди ко мне, я тебе врежу, идёт? — зло отвечаю, упираясь в его грудь ладонями и отталкивая от себя. — Из-за тебя все, ты ничем не отличаешься от недоразвитого существа...

— Что? Да я тут привёл тебя в чувство, наглая девица!

— Госпожа Браилиану, Лука, хватит. Надо найти выход. Это замок, и здесь должно быть

полно выходов из него наружу, — прерывает Петру наш спор. Отворачиваюсь от них, нащупывая в кармане фонарик, и включаю его, светя впереди себя.

— Коридор, — указываю пальцем на темноту впереди.

— Отлично, идём, — говоря, Петру дохрамывает до меня.

— Я буду первым, — Лука обходит нас, на что я закатываю глаза. Бесит он меня, урод.

Мы движемся медленно по коридору, затем следующий, а вокруг все пропахло сыростью и гнилью. Закрываю нос рукой, постоянно слежу, как Петру тяжело дышит, но идёт.

— Может быть, немного отдохнём? — тихо спрашиваю его, но он мотает головой, выдавливая из себя улыбку.

— Ну, где вы там, голубки? — от стен отскакивает этот насмешливый голос Луки.

— Да заткнись уже! Задолбал! — возмущаясь, свечу на него фонариком.

— Оу, у нашей тихони есть голос? Bravo, Лия, bravo! — насмехается он, а мне его ударить хочется.

— Лука, прекрати. Это уже совершенно невежливо по отношению к госпоже Браилиану! Закрой рот и иди, — быстро дыша, шипит Петру, облачиваясь рукой о стену.

— Пусть заслужит, — фыркает младший брат и, разворачиваясь, идет вперёд.

— Сейчас... ещё секунду, — киваю на просьбу Петру, и мне так его жаль. Хочется облегчить ему страдания из-за этого паразита. Вот везде, где появится Лука, что-то случится.

— А тут развилка! — кричит Лука из темноты. Петру отталкивается от стены, и мы идём на голос парня, пока не доходим до него. Он показывает нам три коридора, предлагающие выбор.

— Надо решить, куда. Так, если пойдём на север, то упрёмся в озеро, и он может быть затоплен. Если в центральный, то можем выйти прямо в овраг, и разбиться. Остаётся последний, — тяжело дыша, рассуждает Петру.

— А откуда ты знаешь, что там север? Может быть, как раз правый и есть встреча с озером, а вот центральный выведет нас, — указывает рукой на свой выбор Лука.

— *Аурелия*, — задерживаю дыхание, бегая глазами по коридорам.

— Ты тут? Прошу тебя, помоги нам. Подскажи, куда нам идти. Обещаю, что отвечу тебе тем же, — шепчу, обращаясь к невидимому духу, так вовремя появившемуся рядом.

— Это ты на латыни, что ли? — изумляется Лука.

— Закрой рот, — обрывая его, Петру подходит ко мне и кладет руку на плечо. Поворачиваюсь к его вопрошающему лицу.

— *Аурелия, иди ко мне... на голос иди...* — раздаётся отовсюду. Сбрасываю руку мужчины с себя и встаю прямо перед развилкой.

— Позови меня ещё раз, — прошу я, закрывая глаза и пытаюсь прислушаться, откуда он говорит.

— *Аурелия, жду тебя*, — улыбаюсь и киваю.

Поворачиваюсь к смотрящим на меня во все глаза попугчикам и указываю правой рукой на крайний коридор.

— Туда, — говорю я.

— Что тут происходит? С кем ты говоришь, да ещё и на латыни? — спрашивает Лука.

— Он сказал? — следом Петру. Киваю ему.

— Да кто он? Что тут происходит? — повышает голос Лука.

— Идём, значит, туда, — Петру отталкивается от стены и направляется к тому коридору, который забраковал.

— Нет, я не пойду туда, брат. Что за бред? Почему мы должны идти именно туда? Эта девица больная! Она поговорила тут с кем-то, а ты рад угодить ей! Спасение...

— Лука! Живо за мной! Не обсуждается! — рывкает Петру. Парень поджимает губы, а я закусываю губу, чтобы не захихикать.

— Ты, больная, если мы погибнем, то я тебя с того света достану, — шипит Лука, доходя до меня.

— А если спасёмся благодаря мне, то я тебя самолично отправлю туда, — довольно отвечаю я.

— Посмотрим, — хмыкает он и направляется в коридор за братом, а я бросаю взгляд за плечо.

— Спасибо, — шепчу я, входя в тёмное пространство.

Огоньки фонариков тут и там подсвечивают нам путь, а я уже не боюсь. Иду, чтобы спасти себя, а потом... потом сдержу обещание. Узнаю, что он хочет от меня.

— Здесь лестница вниз, она покрыта мхом, — кричит впереди Петру. Ускоряя шаг, подхожу к мужчинам, освещающим фонариками пространство внизу.

— Там вода, — добавляет Лука, поворачиваясь ко мне. — А это значит, что брат был прав и там все затоплено. Ну что, привела нас, умница?

Но я не слушаю его, вспоминая свой сон. Вода и тоннель, по которому иду вперёд.

— Нам вниз, — чётко произношу я, протискиваясь между ними, и ставлю ногу на скользкую ступеньку.

— Госпожа Браилиану...

— Можно уже Аурелия, Петру, — усмехаюсь я, поднимая на него голову.

— Аурелия, это небезопасно, понимаете? Я отвечаю за вас, поэтому пойду первый, чтобы все проверить. Но если что уходите и кричите, зовите на помощь, — он хватает меня за локоть и заставляет подняться обратно, подсвечивая себе фонариком.

— Мог и ты пойти, у него нога болит, самовлюблённая ракушка, — обращаюсь к Луке, который кривится на мои слова и спускается следом.

Последняя я, мне подаёт руку Петру. Прыгаю в воду, ботинки тут же намокают. Но не волнует сейчас это. В моей руке фонарик начинает моргать и тухнет. Ударяю по нему рукой, тщетно. Батарейки закончились. Отбросив его в воду, иду за мужчинами. Дотрагиваюсь рукой до мокрого камня, закрываю глаза и помню. Но сейчас нет ощущения, что идёт за мной. Одна и помню.

— Лия! Где ты? — раздаётся глухой голос Луки. Открываю глаза и торопливо иду к мужчинам. Лука ударяет по своему фонарю, который тоже медленно гаснет, остаётся свет только у Петру.

— Ничего страшного, пошли дальше, — успокаивающе говорит профессор и светит фонарём на тёмный тоннель.

Только звук наших шагов по воде и бурчание Луки слышны вокруг. Боже, какой идиот. Как они могут быть братьями? Один умный, развитый во всём и вежливый, а второй противный.

— Тупик! — кричит Петру. Поднимая голову, вижу, как множество камней перекрыли тоннель.

— Молодец, Лия, просто молодец, — язвительно тянет Лука и даже аплодирует мне.

— Закрой рот, Лука! Ты и меня уже достал! — грозно произносит господин Велищ, замахиваясь на брата. Тот отскакивает назад и опирается о стену, складывая руки на груди.

— Аурелия, попробуйте спросить его, куда дальше? — предлагает мне Петру. Киваю. Концентрируюсь на своих познаниях в латыни и подбираю слова.

— Мы не можем пройти дальше, — шепчу я в пустоту. Секунды таят вокруг меня и никакого ответа. Мотаю головой, Петру рукой показывает продолжать.

— Нам вернуться обратно? Я ошиблась? Подскажи, — уже громче говорю я.

— *Иди... иди ко мне,* — едва различимый голос доносится до меня.

— Куда? — шепча, делаю шаг к камням.

— *Верно... сюда... иди... жду тебя,* — словно сквозь камни, по ту сторону тоннеля раздаётся приглушённый голос.

Поворачиваюсь к мужчинам, облизывая губы. Жарко. Стираю пот со лба и стягиваю шапку, как и перчатки, пряча все в карман.

— Нам надо разобрать их, чтобы пройти. Проход завален, а за ним... не знаю, что за ним. Но он говорит туда, — оповещаю я ожидающих мужчин, указывая на камни.

— Я не собираюсь разбирать их. Она тронутая, больная дура, болтающая сама с собой и я должен что-то делать? Ни черта! Мне ещё энергия пригодится, когда вы тут загнётесь, — неприятно говорит Лука.

Закатываю глаза, Петру кивает мне, подходит к камням и берет один из них, откатывая в сторону. Кривится от боли и мне его становится невероятно жаль, что зло поворачиваюсь к Луке и медленно подхожу к нему.

— Быстро взял и начал разбирать их. Иначе я тебя сейчас придушу. Понял меня? — цежу я, смотря в раздражённое лицо парня. Действительно готова ему врезать за его поведение.

— Ещё чего...

— Живо! Начал помогать нам, — хватаю его за локоть и с силой толкаю к камням. Грудь от ярости на него вздымается чаще, ещё немного и запущу в его голову этим камнем.

— Лука, прекрати так себя вести, — устало говорит Петру.

— Я не собираюсь помогать ей! Она убить нас хочет, говорит тут с кем-то, да ещё и... не буду! — возмущается Лука.

Даже в темноте чувствую, как воздух вокруг нас накаляется.

— Если бы я хотела тебя убить, то оставила бы там. А говорю я с тем, кто пытается помочь мне. Я слышу его очень давно, видела сны, как иду по такому же тоннелю, как рушился замок, как людей бросали в озеро. Принимай меня за больную и сумасшедшую, но я хочу жить, а ты иди обратно и делай, что хочешь, — слышу свой уверенный голос и смотрю на спину парня. Он медленно оборачивается, осматривая меня, а затем неожиданно кивает, подхватывая камень, и оттаскивает его в сторону.

Большинство мелких камней оставляют для меня. Помогаю им, как могу, хотя моей силы не хватает. Потею страшно, руки болят, как и ноги уже дрожат усталости, но упрямо продолжаю.

— Аурелия, заберитесь наверх, мы подстрахуем вас и снимите оттуда камни, — просит меня Петру. Киваю, ставя ногу на выступ, и подтягиваюсь на руках. Но нога скользит, и я падаю прямо на мужчину, издающих крик подо мной.

— Простите, — виновато говорю, поднимаясь на ноги и сбрасывая с себя пуховик. Закатываю рукава свитера и снова пытаюсь подняться. Удаётся. Хотя равновесие держать сложно. Сбрасываю камни, которые оттаскивают мужчины. Ещё и ещё. Вытираю лицо и снова. Кажется, что до бесконечности там их много. Но неожиданно, оттолкнув один из камней, в нос ударяет отвратительный запах. Кашляю и отворачиваюсь. Глаза даже от

едкости этого аромата заслезилась. Моргаю и просовываю руку, где пусто.

— Есть! Там проход! Петру, подайте мне фонарь, — кричу, поворачиваясь к мужчинам.

— Лука, передай ей.

Парень поднимается ко мне и вкладывает в мою руку фонарь. Пытаюсь разглядеть через маленькое отверстие, что там есть. Но ничего не вижу, обзор закрывает фонарь.

— Надо ещё снять, — обращаюсь к Луке. Он кивает и хватается камни, швыряя их вниз. Петру только успеваешь отскакивать. Теперь места достаточно, чтобы пролезть туда.

Свечу фонарём и вижу такой же тоннель.

— Брат, тут есть проход. Я пойду первый, а ты поднимайся, — громко говорит Лука и пробирается в него. Следом раздаётся громкий всплеск и его отборная ругань. Хихикаю, что получил все же.

— Так тебе и надо! — весело комментирую я.

— Иди ты! — отвечает он.

— Не обращайтесь на него внимания, Аурелия. Подросток, что с него возьмёшь, — говорит Петру, кое-как забираясь ко мне.

— Но он очень неприятный, — кривлюсь я.

— Есть такое. Сейчас я пойду и помогу вам. Хорошо?

— Хорошо.

Подсвечиваю фонарём дорогу мужчине, пока он просовывает ноги и цепляется за камни. Раздаётся всплеск и стон уже обоих.

— Придурок! Больно же! Ты раздавил меня! Садись на диету! Кабан! — слышу крик Луки.

Жмурюсь от желания расхохотаться в голос, когда свечу на мужчин, барахтающихся в воде. Петру встаёт, поднимая на меня голову.

— Бросайте фонарь и спускайтесь. Я поймаю вас, — он протягивает руки. Киваю ему, в точности следуя его словам. Фонарь он передаёт Луке и вижу его руки. Ладно, надо.

Спускаю ноги и, закрыв глаза, прыгаю прямо в руки к Петру, качнувшегося под моим весом, но поймавшего меня. Открываю глаза и улыбаюсь ему.

— Спасибо, — шепчу, чувствуя, как от смущения и такого близкого ощущения силы мужчины, краснею.

— Совершенно не за что, Аурелия, — отвечает вежливо он, продолжая держать свои руки на моей талии.

— Seriously, Петру? Потом выразишь своё восхищение её уму и храбрости, а также другому бреду! — возмущается Лука. Петру отпускает меня, ударяя Луку по затылку. Да, так его. Ещё бы.

— Пошли, — говорит Петру, забирая из рук Луки фонарь и освещая нам путь.

Снова этот тоннель, по которому мы идём, кажется, что очень долго. Он не кончается, просто конца ему нет.

— Черт, не могу больше, — Петру останавливается и облакачивается о стену, подгибая ногу.

— Давайте, я пойду вперёд. А Лука поможет вам? — предлагаю я, он кивает, подзывая головой брата, и передаёт мне фонарь.

Убедившись, что мелкий засранец поможет Петру, поворачиваюсь и иду вперёд. Пришлось подняться по лестнице, а запах стал ещё ярче, что затошнило от него.

— Фу, как воняет, — недовольно бурчит Лука. Неженка, блин. Оставляю его замечание

без комментариев, ожидая, когда они поднимутся ко мне. Свечу себе под ноги, где вижу песок. Сухой песок, да и стало жарче. Хочется пить, недостаток воды сказывается, облизываю губы, смотря, как Лука сбрасывает куртку и джемпер, оставаясь в футболке. Петру тоже бросает свою верхнюю одежду на землю, закатывая рукава свитера.

— Идём? — спрашиваю их. Кивают. Мы продолжаем свой путь, а я уже и сама не знаю, куда мы придём. Шагать с каждой минутой сложнее из-за духоты.

— Стой, Лия, посвети сюда, — зовёт меня Лука. Оборачиваюсь и подсвечиваю фонарём, куда он указывает. На стене в железном обруче висит старинный факел. Я такие только в книжках видела.

— Надо попробовать зажечь его, вдруг ещё годен. К тому же сэкономим батарейки, — говорит Петру, допрыгивая до него и снимая со стены.

— А чем...

— Лука, дай спички, — перебивает меня Петру, смотря на брата.

— С чего ты решил, что у меня они есть? — язвительно спрашивает Лука.

— А ты косяк, чем закуривал? Или сочинишь мне сказку про ночную прогулку под звёздами? И, конечно, ты у нас ботаник, изучающий растения в своём шкафу, — так же отвечает Петру. Я удивлённо приподнимаю брови.

— Я...

— О, давай уже ты дашь мне спички. А обсудим твоё поведение позже, как вернёмся домой, и посмотрим на урожай среди твоих панталон, — останавливает возмущения Петру. Лука поджигает губы и недовольно достаёт из переднего кармана коробок спичек, передавая брату. А мне хочется в голос смеяться над тем, что поставил его на место. Да!

— Мокрые. Ладно, попробуем. Держи, — Петру вкладывает в руки брата факел и открывает коробок. Вижу, как дрожат его руки, наверное, из-за травмы ноги и боли, которую он испытывает.

— Давайте, я, — предлагая, подхожу к нему. Кивает мне, благодаря одним только взглядом. Откидывает голову, опираясь о стену. Открываю коробок, где вижу всего несколько спичек. Цокаю на это и беру одну, но она не зажигается, ломается.

— Безрукая ты, Лия, — фыркает Лука, забирая из моих рук коробок, и бросает мне факел.

Держись, не ударь его им. Закусываю губу, чтобы не дать воли эмоциям. Хрюкаю от смеха, когда и у него ломается спичка. Как и ещё пять. Злитесь, закрывая глаза на секунду, и вынимает последнюю. Дует на коробок, чтобы высушить. Вздыхает и щёлкает спичкой. Слабый огонёк загорается. Я даже задерживаю дыхание, когда он подносит спичку к факелу. Но он не горит, а спичка догорает. Сердце бешено стучит, а рука, держащая рукоятку, потеет от усилий. И, наконец-то, разгорается. Облегчённый вдох мой и Луки сливается, пока мы наблюдаем, как огонь становится ярче. Отвожу руку. И так жарко, а от него ещё больше.

— Идём, нельзя терять время, — Петру отталкивается от стены и его обхватывает за талию Лука, помогая двигаться.

Да, от факела намного больше проку. Держу его в руке, пока мы идём вперёд. Замечаю, что по стенам расположены ещё факелы. Остались тут, погребённые после разрушения? А когда-то тут ходили люди, жили и любили, пока их не предали и не сожгли заживо. И никто не знает об этом. А мы видим, ведь это историческая находка. Такого рода факелы были очень давно. Хотя я не историк, но все же...

— Лия! Стой! — громкий оклик Луки заставляет меня резко затормозить. Замирая,

смотрю, как под ногами обрывается проход, и песок летит вниз. Отступаю, поднимая голову. Не верю своим глазам. Поднимаю факел, освещаю то, что предстает перед нами.

Удивление. Непонимание. Шок. Единственные эмоции, которые могу поймать и задышаться от увиденного.

— Боже мой, — шепчу я, поднимая над головой факел, чтобы осветить больше. Такого не может быть, просто не может быть.

Перед нами лежит покрытый песком, грязью и мхом замурованный город. Настоящий город с разрушенным колодцем по центру, с поломанными домами, с обломками деревянных балок, валяющихся тут и там. Но моё внимание приковывает другое здание. Прищуриваюсь, чтобы лучше рассмотреть то, что изначально предполагала только игрой света. Но нет. Кажется, что шокированной больше быть нельзя, но мне это удаётся, ведь вдали расположено здание с крестом на двери. Им забили её, даже в темноте и при тусклом свете это бросается в глаза с такого расстояния. Вода капает сверху, издавая неприятный отголосок от стен. Не менее отвратительный запах живёт тут. Мёртвый. Затхлый и одинокий.

— Сакре, — доносится до меня ошеломлённый шёпот Петру.

— Не верю своим глазам... невозможно, — добавляет Лука, подходя ко мне.

Поворачиваюсь к мужчинам, жадно осматривающим это место. Земля вокруг нас, но как этот город остался под нынешним? Или мы ушли куда-то дальше? В разрушенных домах остались только стены, а окна и двери выбиты. Рука болит от тяжелого факела. Опускаю её, освещая местность вокруг нас.

— Тут лестница, правда, тоже разрушенная, но спуститься можно, — говорю я, указывая мужчинам сбоку от себя на каменную кладку, покрытую землёй и какими-то кусками дерева.

— Давайте спускаться, — соглашается Лука, обхватывая крепче брата. И мне снова идти первой. Каждый шаг даётся с трудом от усталости и жары, которая поселилась тут. Волосы прилипают к лицу, но стараюсь не показать своей слабости. Спускаюсь, держась за грязную стену, пока не дохожу до низа. Поднимаю факел, чтобы мужчинам было видно, куда ступать. До сих пор не могу поверить, что это реально. Все это настоящее, а не моя больная фантазия. И он привёл меня сюда. Зачем?

— Надо осмотреться, — Лука усаживает Петру на ступеньку и подходит ко мне.

— Разделимся, мы пойдём по домам, а ты загляни в церковь. Только снять надо это безобразие с двери, — перехватывает у меня факел и уже широким шагом направляется туда.

— Подожди, — бегу за ним. — А вдруг нельзя? И с чего ты решил, что это церковь? Не просто так же забили дверь.

— А крест над дверью тебе ни о чём не говорит, Лия? Ты что, историю в школе прогуливаешь? — изумляется он, оборачиваясь ко мне. Только открываю рот и тут же захлопываю его. Умник, блин.

— Ладно, пусть церковь, я как-то пока в шоке. Но не для веселья дверь забили, Лука! Вдруг там вода? — бурчу я, раздражённо взмахивая рукой.

— Вот и узнаем, — усмехается он, вкладывая мне в руку факел и осматривая большой деревянный крест.

Сглатываю от неприятного ощущения опасности, что-то подсказывает лучше этого не делать. Но спорить нет сил, и только наблюдаю, как он пытается оторвать крест от двери.

— Петру, помоги мне. Надо найти что-то твёрдое, основательно они его туда вбили! — кричит Лука, поворачиваясь к брату.

Тяжёлый вдох последнего и шуршание его шагов. Лука уходит от двери, тоже занимаясь поиском орудия для взламывания. Поднимая факел, ищу, возможно, окно или же другой

способ войти туда. Но ничего. Не единого стекла, только грязное дерево. Почему она не сожжена и не разрушена, как остальные дома? Боже, город! Старый город, который находится под слоем земли. Как? Как это существует тут, и никто об этом не знает? Или знают, только не афишируют это?

— Лия, отойди на три шага назад и держи огонь выше своей головы, — говорит, даже приказывает мне Лука. Цокаю на это и отхожу, пока они вместе с Петру просовывают какую-то палку между крестом и дверью.

— Надави сильнее, — бросает Петру брату. Раздаётся громкий треск и грохот. Мужчины отскакивают, и Петру летит на землю. Перед моими ногами, подняв пыль, лежит крест. Лука быстро хватает его и оттаскивает в сторону.

— Поднимайся и пошли, — Лука подаёт руку брату, поднимая его, кривящегося от боли в ноге.

— Нет... я с вами... не останусь тут одна, — испуганно шепчу, подходя к ним.

— Так, Лия...

— Иди, Лука, я сейчас, — Петру обрывает зло брата, толкая его к ближайшему дому.

— Я не могу, правда, не могу, это... боже, я в шоке, если честно. Ничего не понимаю, и сильно устала, — быстро говорю, смотря в грязное лицо мужчины.

— Понимаю, Аурелия, я вас полностью понимаю. Но он привёл вас сюда, значит, где-то есть выход. Он показал вам прошлое, а теперь подтвердил свои слова реальной находкой. Понимаете? Надо осмотреть все. И быстро. Кислорода очень мало и если мы не найдём выхода, то умрём от удушья. Поэтому нам надо разделиться, один я мало, что смогу. Вы хрупки и не сможете держать меня. Я пойду с Лукой, а вы здесь в безопасности. Бояться нечего, ведь он, вы сами сказали, защищал вас. Значит, в этом месте вам ничего не угрожает. Да, это страшно увидеть все своими глазами. Но я верю в вашу храбрость и силу, — заверяет меня он.

Мотаю головой, шумно дыша, и облизываю губы. Не могу остаться одна. Не могу, для меня это слишком. Слишком странно и боязно. Его слова все же возымели надо мной невероятную силу, поэтому киваю. Не хочу показаться маленькой перед этим мужчиной. Глупо.

— Фонарик, — передаю ему его вещь, и Петру улыбается мне, кивая и немного сжимая моё плечо в безмолвной поддержке.

— Если что, кричите. Мы тоже рядом, — напоследок говорит он, отпрыгивая от меня, и окликает брата. Находит отклик в доме, куда тот ушёл и прыгает туда.

Поворачиваюсь к двери, делая глубокий вдох. Легко сказать, что я храбрая, когда это не так. Меня трясёт от страха и от желания проснуться. Пусть это окажется сном, просто сном, который стал вот таким красочным, продолжительным и опасным.

Ещё один вдох и закрываю на секунду глаза, пытаюсь утихомирить быстро стучащее сердце. Рука, которой держу факел, дрожит. Открываю глаза и хватаюсь за деревянную ручку, чтобы потянуть дверь на себя. Не поддается. Упираюсь ногами и тяну, одной рукой сложно, но изо всех сил стараюсь открыть дверь. Характерный треск и скрип заполняют мой слух, отбрасывает назад, даже присаживаюсь, дабы удержат огонь над собой. Удаётся. Не успеваю я даже подумать об этом, как невероятная вонь, иного слова подобрать невозможно, словно цунами накрывает меня. Кривлюсь, рвотные позывы сотрясают тело. Закрываю нос рукой, пытаюсь перебить тошноту и головокружение от этого запаха. Его не описать, словно там протухли все овощи и мясо одновременно.

Привыкнуть тяжело к этому смраду, поэтому продолжаю зажимать нос пальцами, поднимаюсь на ноги и подсвечиваю себе факелом. Делаю шаг внутрь когда-то бывшей церкви. Ничего особенного, все из дерева, но оно не тронуту. Ни одного окна и витража, ни росписей, как в нашей. Не блестит крест, он деревянный вдали. По бокам от меня обычные лавки. Замираю, когда вижу что-то, лежащее на одной из них. Подхожу ближе, отнимая руку от носа, и тянусь к этому. Ткань, подхватываю пальцами, стряхивая столетнюю пыль и грязь. Белый женский платок, ставший со временем непонятного серо-коричневого цвета, где можно разглядеть инициалы: Р. Л. Это была чья-то вещь, и она осталась тут. Сжимаю в руке и по инерции кладу в задний карман леггинс.

Делаю ещё шаг. Не верю своим глазам. Подхожу ближе, поднося руку с факелом к... Господи, скелет. Настоящий человеческий скелет, скрюченный на лавке. Открываю рот в беззвучном крике, а по щекам катятся слезы. Поворачиваюсь и другой ряд такой же. Ещё один скелет. Закрываю глаза, сдавливая рот рукой. Опускаюсь на колени и сотрясаюсь в рыданиях, которые раздирают моё сердце в клочья от бесчеловечности. Их заживо тут похоронили. Они были живыми и умирали мучительно долго. Не могу ничего разглядеть больше, взгляд помутнен и хочется выть от жестокости. Варвары, а не люди. Как так можно? О, Господи, прямо в церкви замуровали. Забили крестом и не оставили кислорода. Мотаю головой, запуская пальцы в волосы, и падаю на ягодицы. Не могу сдержать слез, не могу сдержать крика, разорвавшего тяжёлый воздух и вернувшегося в мою грудь с невероятной силой.

Не могу остановиться, плачу и смотрю на пол. Деревянная куколка, а там поношенный башмак, разорванный годами носки. Мне плохо, настолько ужасно внутри и больно. Невероятно больно за этих людей, так жестоко встретивших своё окончание жизни. Никогда бы не подумала, что умею настолько глубоко чувствовать прошлое. Никогда бы не подумала. Город, в котором я живу, скрывает в земле такую бесчеловечную жестокость. А мы радуемся наверху, когда должны преклонить колени перед вечной утратой.

Как-то пусто внутри от выплаканных слез, от увиденного, и от пережитого ими, что спроецировала на себя. Сухо на губах. В сердце. Хлюпаю носом, вытирая его рукой, и смотрю на землю. Мой взгляд привлекает что-то блестящее под слоем земли. Тянусь рукой, поднося ближе факел. Цепляю пальцем и поднимаю тонкую серебристую цепочку с крестом и распятым Иисусом. Сжимаю в руках и закрываю глаза, молча пронося через себя невидимые потоки собранных здесь душ.

Прячу напоминание об этом в задний карман леггинс и поднимаюсь на ноги, решая, что не буду больше смотреть на то, что по бокам. Иначе сама умру от стыда и тяжести вины за тех, кто это сделал. Поднимаю руку, освещая деревянный большой крест с распятым Христом. Краска совсем сошла, да и некоторых частей не хватает. Как будто по нему били, пытались изуродовать его лицо.

Только вряд ли есть выход, раз эти люди не смогли спастись. Мне тут делать нечего. Но все же опускаю руку с факелом ниже, чтобы осмотреть что-то наподобие каменного выступа. Поднимаюсь на ступеньку к нему и кладу руку на поверхность. Тёплая. Не холодная, как должна быть, а излучает тепло. Странно.

— *Аурелия*, — раздаётся прямо рядом с ухом знакомый хриплый голос. От неожиданности и подавленности вздрагиваю, оборачиваясь назад. Но никого.

— Ты был одним из тех, кого тут похоронили? — с болью в голосе спрашиваю я.

— *Ниже... ниже...* — словно и ему больно отвечает он.

— Куда ниже? Надо найти лестницу? — непонимающе шепчу, спускаясь обратно.

— *Здесь... ближе... рядом...* — его слова отдаются эхом вокруг.

— Прости, я не смогу... я... мне сложно тут быть... прости, — шепчу я, отходя назад. А глаза снова покрываются туманом из слез и вины за то, что не смогу помочь. Он мёртв. Окончательно мёртв и ничем не вылечить эту болезнь.

— *Аурелия... Аурелия... нет... верни меня... обещала... держи слово... найди меня... я здесь...* — громко и даже обиженно говорит он.

Может быть, он хочет, чтобы похоронила его кости, как следует? С отпеваниями и в земле? Я дотронуться до них боюсь. Мне и так дышать сложно, а ещё и собирать кости.

— *Ближе... иди ко мне... ближе...* — просит он. Киваю и делаю шаг. Должна перебороть своё отвращение и страх, ведь он заслужил должного упокоения.

Но я снова стою перед каменным выступом.

— *Ниже,* — подсказывает он. Странно, но как будто рядом. Прямо лицом к лицу. Опускаюсь на корточки, освещая грязный пол факелом. Ничего, кроме, уже увиденного. Но костей нет. Глубоко вздыхаю и поворачиваюсь к камню.

— Прости... — не успеваю я договорить, потому что под слоем пыли разглядываю какие-то полоски на этом камне.

Придвигаюсь ближе, вставая на колени на ступеньке. Стираю рукой пыль, затем ещё и ещё. Это латынь.

— Богом поцелованный и предавший его. На смерть обречённый и тьмой поглощённый. Любовь променявший на облик чужой. Покойся под камнем в могиле святой, — читаю я надпись на том языке, который слышала от него.

— Вэлериу Сакре. Одна тысяча триста пятьдесят первый год от Рождества Христова, — хмурюсь, стирая ещё ниже цифры.

— Одна тысяча триста семидесятый, — в уме подсчитываю дату и понимаю, что ему было всего девятнадцать, когда он умер. И ведь это конец. Должен быть конец, но ниже стоит снова дата смерти и тире, а дальше ничего.

Дотрагиваюсь до высеченных на камне букв, и так сильно бьёт по голове осознание, что это могила. Этот выступ, напоминающий длинный стол — могила того самого священника, обманутого возлюбленной и погибшего, когда пытался спасти свою семью.

Глаза распахиваются шире, пока эти мысли медленно проносятся в голове.

— Вэлериу, — повторяю я его имя и догадки, которые были сделаны мной ранее, теперь подтверждаются чётко. Он там. Он звал меня сюда, чтобы я... для чего? Что он хочет от меня?

— *Аурелия, ты пришла. Верни меня,* — раскатисто проносится его голос. От камня. Оттуда и поэтому такое эхо.

Слишком много потрясений, я не умею это контролировать, не знаю, как справиться с этим, оттого в следующий момент вскакиваю на ноги и медленно отхожу от каменного гроба.

— *Аурелия, нет... нет... останься... рядом,* — воет его голос вокруг меня. И в этом была права, он хочет, чтобы и я была похоронена тут заживо... тут нет выхода. Никакого выхода, он привёл меня в тупик. Он привёл туда, где мне сложно дышать, где лежит он и где по его замыслу должна лечь я. Но почему я? Что я сделала ему?

Вылетая из церкви, подбегаю к колодцу.

— Петру! Лука! Скорее! Нам надо уходить! Быстрее! — кричу, освещая вход в церковь,

опасаясь, что теперь не даст убежать отсюда, сейчас что-то сделает. Но что может сделать призрак? Ничего! А я не собираюсь погибать из-за прошлого!

— *Не оставляй меня, Аурелия, я умру навсегда... тогда заберу тебя с собой... обещаю!* — последнее слово кричит он и сильнейшая волна воздуха вылетает из церкви, сбивая меня с ног. Факел отлетает в сторону, а я, сделав кувырок прямо в воздухе, лечу в колодец. Замурованная, а он полон воды... сон...

— Нет! Петру! Помогите! — кричу я, хватаясь за разрушенный камень, ногами пытаюсь найти выступ, но мокро, слишком мокро, и покрыто чем-то скользким. Пальцы скользят по камню. Вот и все... он сдержит слово, а я глупая поверила ему. Ещё пару секунд и могу проститься с этой жизнью. Пару секунд разве хватит, чтобы вспомнить все? Нет. Только отчего-то страх пропадает, а внутри наступает спокойствие и желание отпустить камень. Пальцы расслабляются и скользят, как и я полечу сейчас вниз.

— Прощай, Вэлериу, — шепчу я.

— *He-e-e-em!* — громкий крик вокруг меня и свобода... прекрасно.

— Держу! — хватают меня за руку, вишу на ней, царапая ногтями мокрый камень другой.

— Давай, Лия, помоги мне, — голос Луки, упираюсь ногами в камень, но они скользят.

— Руку! Аурелия, руку! — поднимаю голову и вижу Петру протягивающего свою, цепляюсь в неё, и они тащат меня обратно.

Падаю вместе с ними на землю и рвано дышу, начиная плакать.

— Лия, что случилось? Как ты там оказалась? — меня подхватывает за талию Лука и поднимает, а я не могу вымолвить ни слова, только плачу, упираясь лбом в его плечо.

— Аурелия, тише, ну что вы, — меня по спине поглаживает Петру.

— Хватит реветь. Вот поэтому ненавижу девок, постоянно нюни распускают, — раздражённо произносит Лука, отрывая мои руки от себя и отталкивая меня. Урод.

— Хоть факел не потух, уже спасибо. Зачем выбросила его и решила поплавать? — ехидно продолжает он, подходя к огню и поднимая его.

— Это он... он тут, Петру, тут... там, — дрожащей рукой указываю на церковь, поворачиваясь к мужчине, облокотившемуся о колодец.

— Кто? — удивлённо спрашивает он.

— Вэлериу Сакре... там он... в могиле... и скелеты там... много так... дети, — шепчу я и снова по щекам кататься слезы.

— Что ты сейчас сказала? — подходит к нам Лука, освещая моё лицо. — Повтори! Повтори, что сейчас сказала! Вэлериу? Ты назвала его имя?

— Да-да, он. Там он, он звал меня, только не понимаю зачем, — всхлипываю, немного успокаиваясь.

Все ожидала, но не смех парня, запустившего руку в волосы. А он смеётся, да так задорно, что я отступаю от него, бросая ошеломлённый взгляд на задумчивого Петру.

— А вы что-то нашли? — спрашиваю его, перебивая смех Луки.

— Нет, ничего, нет выхода. И кислорода мало, — вздыхает глубоко Петру, концентрируя взгляд на мне.

— Тут нет выхода, он заманил нас сюда, чтобы я умерла тут... поэтому звал, я так думаю. Надо возвращаться, надо идти обратно, — обхожу Петру, но он хватает меня за руку, останавливая.

— Нет. Мы никуда не пойдём, — раздаётся громкий голос Луки, и он перекрывает мне путь. Его глаза блестят в огне, что-то страшное и пугающее в этом мерцании. Вырываю свою руку из хватки старшего брата, отступая назад.

— Почему? Мы умрём здесь, если не уйдём, — медленно произношу, а краем глаза ищу что-нибудь тяжёлое. Чувствую, что что-то не так сейчас. Они переглядываются, и Петру встаёт на ноги, делая ко мне шаг. Не хромает. Не кривится от боли. Только сжимает челюсть, что скулы выделяются резче.

— Идите обратно в церковь, Аурелия. Вы обещали. Обещали помочь ему, ответить тем же, если он подскажет путь. А он выполнил свою часть, — не узнаю в этом стальном голосе мягкий тембр Петру.

— Что? Как вы... вы знаете латынь. Вы... он и вы... что вы хотите от меня? — делаю ещё два шага, и позади уже вход в церковь.

— Знаю, как и Лука, как и Вэлериу. Это наш язык. Настоящий язык нашего народа, а вы одна из нас, Аурелия. Пришло время выполнять обещания. Вы нужны ему, вернитесь и отодвиньте плиту, — они наступают на меня, а я бегаю глазами по пространству позади них. Ловушка, это была ловушка.

— Нет... пожалуйста... я не хочу умереть там. Я ведь... я... вы не можете так со мной поступить. Кто вы? — кричу я, а грудь переполняет паника и страх за свою жизнь.

— Умереть или выжить теперь зависит только от тебя, Лия. У тебя мало времени, кислород заканчивается. И если ты не пойдёшь туда, не выполнишь все, что мы хотим, то умрёшь рядом с ним. Достойный обмен, — неприятно смеётся Лука, протягивая мне факел.

— Чего вы хотите? — надрывисто спрашиваю я, перенимая в руки факел.

— Отодвинь плиту и скажи, что ты видишь. А дальше...

— А почему вы не можете пойти туда и отодвинуть? — перебивая его, смотрю попеременно то на Петру, то на Луку.

— Только женщина может войти в эту церковь. Мужчин сюда не пускают. А вы, Аурелия, единственная из нас, кто имеет доступ к нему. Идите, — он толкает меня в грудь, что оступаю и вхожу в тёмное пространство.

Ладно, только до сих пор не понимаю, для чего было это все? Это был спектакль с повреждённой ногой Петру, с непониманием, где мы находимся, и кто тут лежит. Неприятное чувство предательства растекается внутри, но я иду к каменному гробу, осматривая, куда можно положить факел. Нахожу, словно сделанный для него, металлический выступ и устанавливаю его.

— Попробуй сдвинуть, — от двери говорит Лука.

— Сам возьми и попробуй, — бурчу я себе под нос, вытирая мокрый лоб и упираясь руками в плиту. Но она тяжёлая, у меня не получается. Словно приросла.

— Сильнее, Лия! Черт бы тебя побрал, хилая девица! — орет Лука. Сжимаю губы и выпрямляюсь.

— Я решила умереть, — чётко произношу, складывая руки на груди. Лука дёргается, но тут же отступает назад. Не солгал, сказав, что не может войти. Но почему?

— Аурелия, прошу вас, попробуйте ещё раз. Вы не понимаете, насколько это важно и для вас. Его похоронили живым, как и людей, преклоняющихся перед ним здесь. Так разве он не достоин, чтобы его кости перезахоронили? Не достоин другой жизни, чем эта? Неужели вас не трогает ни капли, и вы настолько эгоистичны, что не можете помочь мёртвому невинному человеку, который взывает к вашей порядочности? — обличительно произносит Петру. И ведь бьёт по самым болезненным точкам во мне. Жмурюсь, желая пересилить ненависть сейчас к Луке.

— Лия!

— Закрой рот, Лука! Закрой свой рот и уйди отсюда! Ты делаешь только хуже! Она единственная, кто может помочь нам! Уйди! — яростно кричит на брата Петру, толкая того от двери.

— Ещё чего! Давай, неженка, собери силы и отодвинь эту чёртову плиту!

— Пошёл вон отсюда! — толкает Петру его снова.

— Хватит! — зажимаю уши руками и шумно выдыхаю. Тишина наступает моментально, отнимаю руки от ушей и поворачиваюсь к каменному гробу.

Упираюсь руками в неё, а ногами в пол и толкаю. Прикладываю все силы, но у меня их, правда, мало. Толкаю снова и снова, пытая от стараний. Поддаётся, немного поддаётся.

— Ещё... давайте, Аурелия, ещё, — тихий голос Петру достигает меня. Вытираю мокрое лицо от пота и по новой. Толкаю, но она не двигается. Толкаю, что есть мочи и немного открывается тёмное пространство под ним. Неприятный запах спирта и чего-то, напоминающее ладан, ударяет в нос. Отскакиваю от каменного гроба, кашляю и вытираю заслезившиеся глаза.

— Что там? — спрашивает Лука уже обеспокоено.

— Не знаю, но воняет жутко, — передёргивает всю. Делаю глубокие вдохи, чтобы удалить из носа этот неприятный запах.

Подхожу снова к плите, но отворачиваюсь, только бы не дышать этим. Толкаю её, и уже легче идёт, ну не особо легко, но и не так сложно, как в самом начале. Ладони царапает грубый камень, и они кровоточат немного. Щиплет, но продолжаю толкать, закрывая глаза и издавая громкий крик. Вместе с ним плита падает с шумным грохотом, поднимая вокруг меня пыль. Кашляю от неё, как и от запаха, теперь пропитавшего воздух, которым дышу. Опускаюсь на ступеньку, облачиваясь о камень, и шумно дышу. Трудно это делать, губы уже покрылись корочкой, смачиваю их. Так сухо во рту, а ноги и руки дрожат от усилий.

— Кислород заканчивается, — слышу голос Петру и поднимаю голову на мужчин, стоящих за пределами церкви.

— Значит, ей надо быть немного живее, а не как мёртвой амёбе, непригодной ни для чего. И даже похлёбка была ужасной, а ведь женщина, — недовольно отвечает ему Лука. А мне обидно, знаете ли. Я пыхчу, оказавшись с двумя сумасшедшими, практически умираю, а он обсуждает мою стряпню.

— Аурелия, посмотрите, что вы там видите? — громко просит меня Петру. Но я не двигаюсь, переваривая их слова.

— Лия! Я тебя придушу! Живо подними задницу и скажи нам, что ты видишь! — кричит Лука.

Выставляю руку вперёд, показывая ему средний палец. Поднимая голову, вижу, как оба лица мужчин вытянулись от удивления. Да я сама удивлена не меньше, но обижена и раздражена, устала и хочу домой.

— Пошёл к черту, урод, — зло цежу, выставляя вторую руку, показывая то же самое, что и другой.

— Ах ты, сука такая! Только рискни выйти отсюда...

— Лука! — Петру толкает брата, мотая головой и шепча что-то.

— Аурелия, — поворачивается ко мне, но я не убираю руки. — Прошу вас, пожалуйста, посмотрите. Не слушайте его, он... Лука, он, когда нервничает, всегда такой. Прошу вас, госпожа Браилиану, прошу, — произносит он меня, складывая руки, словно в молитве. Руки безвольно падают, когда даже на таком расстоянии вижу, как смотрит на меня с печалью.

— Если он хоть что-то ещё скажет, то мне плевать, умру я или нет, — ставлю условие, и Петру быстро кивает. А Лука поджимает губы, злобно глядя на меня.

Поднимаюсь на ноги и поворачиваюсь к каменному гробу.

— Матерь Божья, — голос дрожит, шепчу.

— Что? Что там? — кричит Лука. Но я не могу больше говорить, только смотрю на воду, в которой на дне покоится усопшее тело. Белоснежные длинные волосы, словно снег, плавают вокруг серого лица. Острые скулы, практически нет носа, тёмные круги под глазами и кожа повторяет изгиб черепа.

Невероятной силы рвотный позыв вырывается из моего тела. Отскакиваю, и меня

начинает рвать, плачу и изливаю на пол все, что было съедено и во рту остаётся горечь. Горло дерёт, вытираю губы рукой.

— Аурелия, что там? — медленно спрашивает Петру. Поворачиваюсь в их сторону, а перед глазами это ужасное лицо.

— Человек... человек... — шепча, ползу по полу и добираюсь до выхода.

— Выпустите... прошу... выпустите меня, — молю я, хватаясь за плечи Петру, но он перекрывает мне путь, толкая в грудь. Лечу обратно и плачу, вставая и смотря на этих мужчин, измучивших меня.

— Аурелия, что вы ещё видели, кроме человека? — Петру присаживается на корточки. — Если скажете, то мы выпустим вас.

— Вода, но пахнет она ужасно, как спирт и церковный запах... масло... — зубы стучат друга о друга, пока произношу это.

— Забальзамировали. Отлично, значит, есть возможность. Так, Лия, слушай внимательно. Вернись и скажи, что там ещё, кроме этого раствора, — требовательно говорит Лука.

— Нет... вы обещали, — смотрю на Петру с мольбой, но он мотает головой, выпрямляясь в полный рост.

— Идите и скажите, а дальше, мы подумаем, — усмехается, складывая руки на груди.

Уроды. Ненавижу их, поворачиваюсь к гробу и поднимаюсь на ноги. Немного шатает, голова кружится, что приходится схватиться за скамью, дабы не упасть.

— Лия, у тебя мало кислорода. Огонь сжигает его, как и твоё дыхание. Быстрее, — в спину летят слова Луки.

Мне всё равно, пот уже пропитал полностью свитер. Открываю глаза, перед которыми скачут яркие отблески от факела. Отталкиваюсь от скамьи и подхожу к гробу.

Пытаюсь не смотреть на его лицо. Глубоко дышу, только бы не вырвать ещё раз. Неприятный горький ком застревает в горле.

— Ну? — нетерпеливо кричит Лука.

— Что-то похожее на цепи, ими обмотано его тело. На нём бинты и в руках... Господи, какие ногти длинные...

— Не отвлекайтесь, Аурелия, — перебивает меня Петру.

— Крест в них, серебряный крест с камнями. Красными. О, Господи, там змея! — кричу я, отпрыгивая от гроба и падая на скамью, подо мной раздаётся хруст. Издаю испуганный крик, понимая, что это чей-то скелет. Отпрыгиваю и падаю на колени, пытаюсь дышать. Рвано. Быстро. Мотаю головой, через тело проносится дрожь отвращения.

— Рубины и его крест, которому он поклонялся. Отлично, просто великолепно, брат! Наконец-то! — слышу смех Луки. Поворачиваюсь в их сторону. Придурок.

— А сейчас, Аурелия, вам нужно вычерпать воду, снять с него цепи и отбросить крест. А дальше, думаю, он вам все подскажет. Помните, у вас мало времени, — наблюдаю, как рука Петру тянется к двери, а мужчины отступают, и он закрывает её.

— Нет... нет, — хриплю я, понимая, что на самом деле тут моя смерть. Страх пропитывает каждую косточку моего тела, парализуя его. Не могу двинуться, оставаясь среди мёртвых.

— Пожалуйста, выпустите меня, — добираюсь кое-как до двери, ударяя по ней ладонью.

Пинаю ногой, слабо, очень слабо, но не дают выйти отсюда, держат.

— Аурелия, не сопротивляйтесь. У вас нет выхода отсюда, как только выполнить все, что мы хотим, — глухой голос Петру пробивается через дверь.

— Уроды! — кричу я, ударяя по ней уже кулаком. — Ничего не буду делать! За что?!

— Тогда умирай, — смеётся Лука. — Твоё спасение за его жизнь. Вернёшь его, поможем отсюда выйти. Нет, так будь похоронена рядом с тем, кого уничтожила.

— О чём ты говоришь? Я ничего не делала! Большой урод! Я не делала! — возмущаюсь, в последний раз ударяя по двери.

Но никто больше не отвечает мне. Облокачиваясь о дверь, смотрю на гроб, из которого появляется змея, шипя и сползая по камню. Кричу и забираюсь с ногами на скамью, дрожа наблюдаю, как она скрывается в углу и находит спасение. А я тут, среди них. Спускаюсь и сажусь на лавку, закрывая мокрое лицо руками. Кислорода очень мало, чувствую, что его не хватает. Сухой воздух срывается с губ.

Внутри меня обида разрывает сердце от такого ответа на мою наивность. Я ничего не понимаю, не могу смириться, только беззвучно плачу от бессилия в данной ситуации. Жалко себя. Да, мне себя очень жалко, и поцарапанную кожу жалко, и силы свои жалко. Судорожно всхлипываю, поднимая голову и вытирая мокрые глаза.

Тишина и потрескивание факела. Смерть так и летает тут. И ведь тоже замурована, как они. И умру так же, как они. Только вот... глупая вера в людей остаётся внутри. Поднимаюсь на ноги. Пересилить отвращение очень сложно, настраиваясь, ищу в себе уверенность, что поступаю правильно. Ничего опасного тут нет, а только за дверью. Плетусь к гробу и смотрю затуманенным взглядом на ужасное лицо под этим раствором. Оно просто непередаваемо отвратительно. Эти скулы серого цвета и практически нет губ, сухие плечи, где видна каждая косточка.

— Кто тебя так? За что? — шепчу я, переводя взгляд на крест, потому что снова рвотные позывы поднимаются из недр желудка. Нет ответа, только мрачная тишина.

И чем же мне вычерпать воду? Поворачиваюсь к лавкам, скользя по ним бессмысленным взглядом, пока он не останавливается на черепе, валяющимся на полу. Нет, ни за что! Нет!

Обессиленно вздыхаю и снова смотрю на него. Единственная тара, которую можно найти. Как противно. Подхожу к черепу, тянусь к нему рукой. Передёргивает от отвращения, когда пальцы касаются тёмной кости. Сглатываю новую порцию тошноты, беру череп в руку. Встаю и подхожу к телу. Зачерпываю воду, а ладонь так нещадно щиплет от спирта. Кривлюсь и выливаю воду прямо на пол. Перекладываю череп в другую руку и дую на ладонь, чтобы прекратить эту боль. Но не отпускает, и вряд ли отпустит. Зачерпываю другой рукой и то же самое. Раны разъедает спирт. Меняю руку, и снова раствор льется на пол. Ещё и ещё, пока вода не убывает наполовину. Упираюсь руками о камень и закрываю глаза, тяжело дыша, впитываю в себя воздух.

Вот к чему приводят прогулки под луной. К забальзамированному телу столетней давности и тайнам народа. Ни за что. Больше никогда не заговорю с мужчинами. Зло они. Истинное зло.

Глубокий вздох и снова принимаюсь за работу. Тело полностью опускается на дно, как и волосы теперь лежат грязным веером вокруг трупа. Но вычерпать всю её нет возможности, я не могу протиснуть свою тару между ногами, обмотанными грязными бинтами, и стеной гроба. Ладно, хоть так. Кладу череп на пол и закрываю глаза на секунду, чтобы теперь дотронуться до тонких пальцев, держащих крест.

Открыв глаза, тянусь к его рукам и тут же убираю их. Ужасные тонкие пальцы, облегающие кости с чёрно-серыми длинными и острыми ногтями. Передёргивает снова, но делаю решительный вдох и касаюсь креста.

— *Аурелия*, — раздаётся его голос. Резко перевожу взгляд на уродливое лицо, совсем не девятнадцатилетнего юноши. Хмурюсь. Его губы безмолвны.

— Что ещё ты хочешь? Я и так... делаю все, что могу, — шепчу я.

— *Останься*, — говорит он.

— Умереть рядом с тобой? — усмехаюсь я.

— *Живи вечно, Аурелия. Вечно*, — произносит он.

— Спасибо, — фыркаю, возвращая свой взгляд на крест в его руках. Хватаюсь за низ, пытаюсь вытянуть из его рук. Не получается, теперь за верхнюю часть. Тяну, упираясь ногами в пол, но он словно крепко удерживает его.

— Отпусти ты, — зло цежу я и тащу крест на себя. Его руки раскрываются, и я от силы своей тяги отступаю, падая назад. Стону от боли в копчике. Отбрасываю от себя крест, и опираюсь о ступеньку, поднимаясь на ноги.

Теперь цепь, но у меня уже нет сил, совсем никаких. Облизываю губы, собирая по крупичкам то, что во мне осталось. Не знаю даже, зачем я это делаю. Не понимаю больше ничего, в голове такой туман. Осматриваю тело, чтобы найти начало цепи, но не вижу. Ничего не вижу, моргаю, зрение теряет свою резкость. Только мутное виденье. Жмурюсь так сильно, до боли. Открываю глаза и пытаюсь дышать. Нечем. Уже совершенно нечем.

Руки опускаются к телу и ощупывают его. Гадко. Отвратительно, но не вызывает больше тошноту. Разум бьётся за спасение. Моё спасение. Зачем я тут? Почему? Не помню. Нахожу пальцами кончик и тяну из-под тела, перебрасываю его, ударяя об стену. Протискиваю руки под ним и тащу на себя. Кажется, я это делаю бесконечно долго. Она такая тяжёлая, а ладони болят. Спина ноет, ноги дрожат от усилий.

— Не могу больше, — шепчу я, опускаясь на колени перед гробом. Закрываю глаза, прижимаюсь лбом к камню.

— *Аурелия, у тебя огромная сила. Пользуйся ей, не дай себе погибнуть*, — тихий голос, его голос, раздаётся в голове.

— Нет её... не могу... мне плохо, — кусаю сухие губы и, приоткрывая глаза, смотрю на слова, высеченные на камне.

— *Я знаю. Чувствую, что смерть ядом отравляет твоё тело. Поднимись и спаси нас обоих из этого ада. Ты под моей защитой, Аурелия. Ты моя*, — почему-то улыбаюсь от этих слов. Сошла с ума, наверное.

— Обещаешь, что заберёшь меня отсюда? — шепчу я.

— *Обещаю, я не нарушаю своих слов*, — чётко отвечает он. Замечаю, что его голос приобретает силу, становится громче и звонче.

Киваю невидимому собеседнику и подтягиваюсь на руках. Нагибаюсь над гробом, пальцами ища там, где остановилась. Цепь становится просто неподъемной. Пот покрывает лицо и все тело, но делаю глубокой вдох и вытаскиваю массивную цепь из гроба. Звон,

слишком громкий, раздаётся по всему пространству.

Падаю на пол, прижимаясь спиной к камню. Дыхание, не моё, где-то рядом. Странное и холодное.

— *Кровь... мне необходима твоя кровь, Аурелия. Дай мне её,* — требует голос.

— Кровь? — переспрашиваю я.

— *Кровь. Твоя кровь и все закончится,* — нетерпеливо повторяет он.

В голове какие-то обрывки из непонятных картинок. Что за кровь? Кому она нужна? Не понимаю ничего. Перед глазами все плывёт.

— *Кровь! Аурелия! Кровь!* — крик врывается в моё создание, заполняя тело. Ползу к скелету, не могу думать, руки сами тянутся к ребру и отламывают его. Кошунство. Смотрю на это с ужасом и страхом, а сердце внутри меня замедляет свой ход. Ползу обратно, поднимаясь на ноги.

— Нет... пожалуйста... нет, — шепчу я, наблюдая, как моя рука, безвольная и кем-то движимая, тянется к запястью и с силой надавливает на него. Жмурюсь от невыносимой боли, окутывающей сознание. На моей белоснежной коже появляется густая и практически тёмная кровь. Так много её, а кость разрезает плоть. Стону и не могу даже двинуться.

Кто-то удерживает мои руки, разрезая запястья. Отбрасываю кость и переворачиваю руку. Кровь капает прямо в его рот, окрашивая белые губы в тёмный цвет. Она скатывается по его лицу. Мои ноги уже не могут стоять, но продолжаю быть в вертикальном положении. Кажется, что теряю сознание. Умираю, дышать не могу. Быстро хватаю ртом горячий воздух. Сил совсем не остаётся, скатываюсь по камню, а рука так висит в воздухе над гробом.

Глаза закрываются, теряю связь с этим миром.

— *Прекрасна,* — последнее, что я слышу в этой жизни. Ведь она оканчивается, медленным потоком вытекая из меня. Становится темно так резко. Вздых облегчения и мглы, приятно окутавшая сознание.

Сознание медленно возвращается ко мне. Пищание где-то очень близко неприятно играет на натянутых струнах в голове. Во рту сильно пересохло. И пахнёт чем-то странным. Станным и знакомым. Пытаюсь двинуть рукой, чувствую, как указательный палец что-то сдавливают. Моё глубокое дыхание и пиканье. Затылок тянет, пока картинки с ужасными воспоминаниями, перекрывая друг друга, проносятся перед глазами.

Вэлериу... кровь... змея... кости. С губ срывает обессиленный стон.

— Родная моя, доченька, проснулась, — такой неожиданный и любимый голос раздаётся надо мной.

Приоткрываю глаза, по которым ударяет яркий свет. Жмурюсь, облизывая губы. Так тяжело. Дышать тоже сложно, как будто в горле осколки. Снова пытаюсь открыть глаза, концентрируя мутный взгляд на женском лице.

— Мама, — шепчу, и она улыбается мне.

— Ты меня так напугала, доченька. Мне Иона позвонила, и я прилетела первым же рейсом. Милая моя, — приподнимаясь, она целует меня в щеку и гладит по волосам.

Привыкаю к свету, который оказывается не таким ярким, каков показался мне поначалу. Даже тусклый от лампы по правой стороне. Не могу вспомнить, как я оказалась в этой комнате с белым потолком и этим пищащим монитором рядом.

— Где я? — спрашиваю, поворачивая голову вбок, и смотрю на зелёный экран, где бегают ломаная линия.

— В госпитале, Лия. Ты помнишь хоть что-то? — обеспокоено произносит она.

Многое помню, все помню, но сейчас так тяжело говорить, что мотаю слабо головой, кривясь на неприятную выпуклость на затылке.

— Упали... ночь... — шепчу, сглатывая горький привкус, скопившийся во рту.

— Вы упали в яму. Наутро ребята не придали значения, списав это на то, что вы пошли искать хворост для костра. Но к вечеру вся группа вернулась, и забили тревогу. Вас отправились искать всем городом, столько гадостей говорили, — мама закрывает глаза от воспоминаний, а я корю себя, что доверилась не тем.

— Нашли вас. Вы были все без сознания. Когда вас подняли, то привезли сюда. Мужчинам досталось меньше твоего, родная. У тебя сильнейшее обезвоживание, ты была на грани смерти. Сотрясение, раны на руках, видимо, схватилась за деревянные обломки, когда падала. Ужасно, что я могла потерять тебя. Как ты могла так бездумно пойти туда? Почему там были братья Велиш? Только они? — уже яростно вопрошает она.

А я хватаюсь только за единственное слово «без сознания». Это был сон? Все, что со мной произошло, была всего лишь моя иллюзия? О, Господи, спасибо. Никакого Вэлериу Сакре не было там, как и тела, как и всего, что придумала себе под воздействием рассказов Петру.

— Не помню, мама. Прости. По-моему, не спалось мне, и ты знаешь, как я люблю природу. Решила прогуляться вроде, забрела не туда. А дальше помню только, как пытались мне помочь профессор Велиш и Лука. Треск и боль, — беззастенчиво лгу я, ведь даже сейчас иного выхода нет. Если узнают, что Лука специально прыгнул, а я была там наедине с Петру — конец нашей спокойной жизни. Изгнанники.

— Да, профессор рассказал, что пошёл за тобой, как надзиратель и ответственный за

вас. Слышал твой крик, разбудил брата, чтобы не было огласки, и они пытались вытащить тебя, но не удалось. Все сорвались вниз. Господи, почему ты не уберёг мою девочку? — причитая, мама берет мою руку в свои и целует внешнюю сторону.

— Как они? — спрашиваю я.

— У профессора Велиш вывих голеностопа, ушиб плечевого сустава. У Луки сотрясение мозга и сильный шок. Но их уже выписали, только ты сутки была без сознания.

— Спать хочу, — признаюсь ей, но снова лгу. Мне требуется остаться одной. Требуется привести мысли в нормальное состояние.

— Конечно, Лия, конечно. Сейчас позову Иону, чтобы она проверила тебя и отдыхай. Я приеду утром, если будет лучше, то отправишься домой. Не люблю сама больницы, и, думаю, смогу не хуже заботиться о тебе дома, — она встаёт со стула, наклоняется, целуя меня в лоб. Выдавливая улыбку, наблюдая, как мама в элегантном брючном костюме идёт к двери.

— Мам, — зову я её. Оборачивается. — Я рада, что ты вернулась, скучала очень.

— Я тоже, теперь ни за что не оставлю свою девочку одну. Люблю тебя, родная, — мягко улыбается она, закрывая за собой дверь.

Опускаю уголки губ и, поворачивая голову, смотрю в потолок. Сон был таким долгим, что поверила в него. Поверила во все. Немного приподнимаюсь, но все тело болит. Буквально каждая кость и мышца. Осматриваю свои руки, обработанные зелёной. И не вижу того самого пореза, глубокого и смертельного для меня. Усмехаюсь, радуясь тому, что все это моя больная фантазия. Сыграла со мной такую злую и страшную шутку. Но ведь рассказ Петру был... не хочу думать об этом. Это прошлое, пусть неприятное и жестокое, но прошлое ведь и его оставлю там.

Дверь снова распахивается и входит бабушка, начиная тут же отчитывать меня за любопытство и проверять моё самочувствие. Вкалывает мне обезболивающее и оповещает, что сейчас мне принесут поесть.

Невероятное облегчение в груди и наслаждаюсь вкусом пищи, обычным бульоном и гренками. Но это невероятно вкусно, после обезвоживания. Слабость одолевает, проваливаюсь в сон.

Раздаётся стук в дверь, откладываю книгу, принесённую мамой, что я взяла в библиотеке. Слава Богу, сегодня к вечеру меня отпустят, и завтра я успею на ярмарку в честь Хэллоуина.

— Да, — отвечая, смотрю на дверь. Она распахивается, и входит Лука, нервно улыбаясь, и держит в руках какую-то коробочку.

— Привет. Сбежал с уроков, решил проведать тебя, — тихо говорит он, подходя к койке. Удивлена этому посещению и только могу выдавить из себя улыбку, ведь воспоминания сна ещё живы. Хотя это всё было бредом больного человека. Меня.

— Привет, — медленно отвечаю я.

— Это тебе, — робко протягивает мне коробочку, — там выпечка от Андрея. Подумал, что тебе понравится. Ну... Петру сказал, что нравится тебе это, вот и... короче, держи.

— Спасибо большое, — чувствую, ещё тёплые вкусы внутри и даже слюна от желания попробовать собирается во рту. Откладывая, ставлю коробочку на книгу.

— А ты как? — спрашивая, поднимаю на него голову.

— Можно? — он указывает на постель, и я киваю. Садится, свешивая одну ногу.

— Я нормально, даже тошноты нет. Петру хромает, но тоже жив и приносит свои извинения, как и я. Не должен был так необдуманно поступать, но... в общем... был не в себе, — произносит он, как вижу, тщательно подбирая слова.

— Бывает, главное, что все обошлось. А что говорят в городе? Ну... про нас... нас ведь было трое, — интересуюсь я, чтобы получить информацию, которую мама не желала рассказывать.

— Ничего хорошего, Лия. Придумывают разное, но авторитет брата и твоей мамы ещё имеет вес. Придётся тебе сносить насмешки какое-то время, от этого не убежать. А так все заняты предстоящим праздником, — виновато произносит он.

— Понятно, — опускаю голову, переваривая информацию.

— Ну ладно, я пошёл, а то брат не будет долго прикрывать меня. Передаёт тебе самые искренние пожелания скорейшего выздоровления, — парень поднимается, но успеваю схватить его за руку.

— Скажи, Лука, а ты знаешь о Сакре? — неожиданно даже для самой себя спрашиваю я.

— О Сакре? Это Греция или что? — хмурится он.

— Петру... то есть профессор Велиш тебе ничего не говорил? — уточняю я. Отрицательно мотает головой.

— Прости, — отпускаю его руку.

— До встречи, береги себя, — бросает он, быстро выходя из палаты.

Падая на подушку, корю себя за этот вопрос. Никакой он не страшный и даже не опасный, как в моём сне. Обычный парень, принёсший мне вкусный подарок, который полюбился мне. Сегодня, даже крайне любезный и вызывает улыбку на губах.

Не могу отказать себе в дегустации выпечки, уплетаю все до последнего кусочка и улыбаюсь. Здорово лежать тут, все прошло, ни голосов, ни снов. А слухи переживу, ведь и, правда, между нами нет никаких отношений и быть не может. Я бы хоть что-то чувствовала, а сейчас не единого отголоска влюблённости. Наконец-то, жизнь встаёт на свои места. А о рассказах Петру я забуду, мы живые, незачем ворошить прошлое и воскрешать измученные души.

Уже в сумерках мама приезжает за мной, привозя свежую одежду. Рада уехать из госпиталя и вернуться домой. Все же родные стены помогают, хотя я не больна. Головная боль прошла, только шишка на затылке напоминает о случившемся.

— А это что? — спрашивая, снимаю пальто и указываю на чёрный мусорный пакет.

— Твоя одежда, она вся грязная и пуховик испорчен, как и ботинки. Я заказала тебе все новое и это уже привезли. Разложила у тебя в спальне и, конечно, новый айпод, как ты и просила. Он у тебя в спальне на столе, — объясняет мама.

— Я просила айфон, — смеюсь, а мама охает.

— Прости, я так замоталась. Перепутала все это. И зачем тебе айфон, если мы не пользуемся сотовой связью? — удивляется она.

— Не знаю, захотелось. А что ты ещё привезла? — прохожу на кухню, чтобы поставить чайник.

— Много вкусного. Финики, бананы, клубнику, пирожные. Все для моей красавицы, наслаждайся. А мне нужно уехать в мэрию, у нас позднее собрание, — говоря она, подходит к холодильнику и демонстрирует мне то, о чём рассказала.

— Здорово! Спасибо, мама, — радостно подсакиваю и обнимаю её.

— Не за что, родная, не за что. Пока есть возможность, ешь эти деликатесы, — улавливаю печаль в её голосе и поднимаю голову, продолжая её обнимать.

— Возможность? Что-то случилось? Из-за меня тебя снимут с поста? — испуганно шепчу я.

— Нет, мой пост принадлежит мне. Никто и никогда не заберёт у меня его. Я имела в виду то, что не знаю, когда выеду снова. Теперь сильно боюсь оставлять тебя, скоро вернётся Иона. Поругалась с ней, что она не досмотрела...

— Мама, никто не виноват, кроме меня. Это я пошла к замку и забралась туда, куда не следует. Я готова отвечать за этот проступок, даже готова быть под домашним арестом, — перебиваю её. Отрывает мои руки от себя, отворачивается от меня, обнимая себя руками.

— Что ты, Лия, я не собираюсь тебя сажать под домашний арест. Ты любознательна, как и я была в твоём возрасте. Это нормально. Жажда новых знаний и любование природой всегда были моими пороками. Передались и тебе, — грустно произносит она. — Но мне пора, скоро вернусь, не скучай и примерь то, что я тебе купила. Потом расскажешь. И за мусором заедут, отдай все, если Иона не приедет раньше. Ладно?

— Обязательно, — отвечаю уже хлопнувшей двери.

Ладно, оставить ненужные и давящие мысли, открыть холодильник и достать клубнику. Боже, как вкусно. Не помню, когда я ела её в последний раз. У нас она не растёт, только яблоки. Сколько её ни сажали, постоянно погибает. А тут такая сочная, невероятно сладкая и только моя. Беру с собой контейнер с клубникой, отламываю банан и радостно иду к себе.

Остановившись, бросаю взгляд на пакет. Ставлю на пол свою ношу и подхожу к нему, развязывая его. Заглядываю внутрь, и неприятный запах плесени поднимается оттуда. Неудивительно, что его завязала мама. Пуховик, как она и сказала, полностью в грязи и разорванный. Бросаю его на пол, достаю когда-то бывший белоснежным свитер. Он тоже весь в грязи и пыли. Но если я была в одежде, когда упала, как он мог испачкаться? Испачкаться так же, как и в моем сне. Дотрагиваюсь пальцем до тёмных пятен, ставших темно-бордовыми. Кровь.

Сердце начинает биться быстрее, когда бросаю свитер на пол и достаю до сих пор влажные утеплённые леггинсы. Я клала в задний карман платок и цепочку. Осматриваю штаны, но ничего нет. Ботинки. Последние, лежащие на дне. Все в разводах и чем-то зеленоватым, покрытые той же грязью, что и вещи. Ладно, ботинки испачкать могла. Но как быть со свитером? Почему он в таком состоянии?

Сядь на пол, смотрю на вещи, кручу ботинки в руках. Переворачиваю их, только бы занять руки. Это был сон, только сон. И, возможно, когда меня вытаскивали, то раздели и испачкали ткань. Да все может быть и хватит уже желать этого кошмара.

Мотаю головой, быстро убирая все обратно. Завязываю пакет, вставая на ноги. Но мой взгляд привлекает тонкая цепочка, валяющаяся на полу, прямо под моими сапогами. Отступаю, не веря этому. Глаза распахиваются шире, наклоняюсь, поднимая с пола серебряную подвеску креста на цепочке.

— Вэлериу, — шепчу я.

Осознание реальности, произошедшей со мной, сильно ударяют по затылку. Голова наполняется шумом, а дыхания не найти. Это был не сон. Меня обманули. Обманули, ведь в моих руках вещица одного из замурованных тел. Но зачем?

Слышу подъезжающий автомобиль, фары светят в окна, а я стою и сжимаю в кулаке цепочку. Наверное, инстинкт, возможно, что-то другое заставляет меня реагировать быстро. Срываюсь с места, подхватывая фрукты с пола, и несусь к себе в спальню. Бросаю еду на постель и беру первую попавшуюся книгу со стола. Падаю на кровать, наскоро включая лампу на тумбочке. Прячу цепочку под подушку и раскрываю контейнер с клубникой.

— Привет, я дома, — дверь в мою спальню открывается. Иона заглядывает ко мне. Натягивая улыбку, беру клубнику.

— Привет, хорошо. А у меня тут пикник, — наигранно радостно указываю на фрукты.

— Это нужно. Долго не читай, побереги здоровье. Я буду у себя, — улыбается она, закрывая за собой дверь.

Прислушиваюсь к её удаляющимся шагам и только после этого начинаю восстанавливать дыхание, которое даже задержала, пока играла этот спектакль. Бросаю клубнику обратно, захлопываю книгу и достаю цепочку, рассматривая её.

Как? Как такое возможно? Выходит, что все это правда. Переворачиваю руку ладонью вверх, пытаюсь найти хоть какое-то подтверждение разреза. Но ничего, только уже мелкие царапины, покрытые корочкой. И Сакре существует, где-то внизу, но он есть. Могила. Вэлериу Сакре... спиртовой раствор... Лука и Петру, закрывшие меня там. Но почему тогда я оказалась снова на месте падения? Донести меня было бы очень сложно, и они говорили, что не могут войти в церковь. Как? Как, чёрт возьми? И где платок? Мама нашла? Ведь кто-то раздевал меня... Иона? Что от меня скрывают или не хотят обнародовать это, чтобы не усугубить моё положение?

Не знаю. Ничего уже не знаю и не понимаю. Но уверена в одном, что это было. Не мог сон принести мне обезвоживание, а им нет. У меня не было кислорода там, поэтому я так долго приходила в сознание. И не помню, чтобы были мои перчатки и шапка. Они были в пуховике, а в пакете их нет. Почему?

Виски начинает давить от мыслей. Подскакиваю с постели, меряя шагами спальню. Я должна узнать правду: было или нет. И что конкретно было там, возможно, часть — это моя фантазия. Но церковь и скелеты были. Цепочка оттуда.

А если попытаться найти о городе в интернете? Хватаюсь за эту идею, открываю ноутбук. Вбиваю в поисковике Сакре. Но выдаёт только церковь во Франции. Предложения о путешествии, описания, но ничего о старом городе, похороненном под землёй тут. Конечно, так открыто будет в интернете об ужасах, которые творили наши предки. И, конечно, всё будет проще простого, чтобы узнать, коим боком я отношусь к этому. Почему именно я слышала Вэлериу? Никто иной, а я. И кровь... вот это уж невероятно и слишком. Ведь, если забыть страх, не придавать значения бешеному стуку сердца и фантастическому варианту мысли, то кровь пьют неживые существа. Совсем неживые. Зомби.оборотни. Вампиры. С ней проводят оккультные церемонии.

— Ты совсем сошла с ума, — шепчу, закрывая браузер. Вампиры. Не может быть. Я, как никто иной, знаю, что на земле румын никогда не было Дракулы. Всё выдумки, буквально каждое слово. И не понимаю, отчего Влада Цепеша выставляют клыкастым уродом, когда при нём на нашей земле не было воровства, преступлений против народа. Он всего лишь защищал своих людей... защищал, как умел. А ему приклеили ярлык вампира. Поэтому в

этих существ я не верю, как и во всех остальных, кроме ведьм. А точнее, сипух, как называют их у нас в народе. Конечно, в нашем городе их нет. Но я верю в то, что существуют люди, обладающие энергетической силой намного выше, чем у обычного человека. И они обращают её или во благо, или против людей. Но не более.

Встаю со стула, снова начав расхаживать по комнате. Как? Господи, как это объяснить? Я не найду одна ответ, поэтому придётся вытащить его у тех, кто был рядом. Лука и Петру знают, многое знают, но молчат и тоже скрыли от меня это. Почему он пришёл сегодня? Убедиться, что я ничего не сказала маме? Или эти булочки были отравлены?

— И куда тебя понесло, Лия? Если бы они были отравлены, то сейчас ты бы не носилась, как ужаленная в задницу, — уже сама с собой говорю. Точно сошла с ума. Сейчас я ничего не сделаю, ночь на дворе. А где живут братья, не знаю, и узнать не у кого. Выход один — ехать к школе и ждать там их. Я освобождена от занятий на эту неделю.

Да, так и буду действовать. Подхожу к постели и сажусь на неё, обдумывая свой план. Уплетаю всю клубнику, а затем и банан.

Почему снов нет? Он умер? Что было после? Почему не зовёт меня? Где он сейчас?

Хватит думать о нём, он мумия. Я могла все это придумать. Могла ли я? Эти мысли постоянно крутятся в голове. Слышу, как вернулась мама. Притворилась спящей, когда она вошла ко мне выключить лампу и забрать мусор, поцеловала в лоб и вышла. Но я раскрыла глаза, продолжая думать. Дом затих, значит, все спят. А я не могу. Не могу!

Звук шин привлекает мой слух. Поднимаюсь с кровати и подхожу к окну, немного отодвигая штору. Из автомобиля, припаркованного у нашего дома, выходит Дорина Бэсти. Одна из совета и имеющая такой же цвет волос, как у нас с мамой. Чёрный. Она быстрым шагом доходит до нашей двери. Бросаю взгляд на часы. Начало первого ночи. Что она тут делает так поздно?

Это не моё дело. Не должно быть моим, но, вспомнив печаль в мамином голосе и её слова, предполагаю, что всё же какая-то проблема есть. И от меня её она скрывает. Теперь мной ведёт желание узнать, в какую переделку я затянула маму. Уверена, что дело именно во мне.

На цыпочках подхожу к двери и осторожно открываю её. Слышу, как мама встречает Дорину.

— Какого черта ты приехала? Я же сказала, разберусь, — шипит мама на неё.

— Когда? Времени нет, Констанца, — так же отвечает ей женщина.

— Есть, ещё есть. Я жду остальных, вызвала сегодня наших женщин. Они придут в Хэллоуин.

— Отлично, помощь нам не повредит. Она спит?

— Да, отдыхает. Девочка сильно ударила головой...

— Мне плевать на это, Констанца, меня это не волнует. Она была там — вот, что я знаю.

И ты не углядела.

— Не трогай мою дочь, Дора, не смей даже упоминать о ней перед остальными. Я как-нибудь решу это. Он снова в цепях, — зло произносит мама.

— Ей восемнадцать, дорогая моя. И пришло её время, тем более кандидат уже есть. Это будет такой крах для них. Последняя, кто может продолжить наш род. Её время пришло.

— Нет! — повышает голос мама. — Нет, я сказала. Ещё очень рано, очень... прошу тебя, Дора, ты же помнишь, что было с твоей дочерью. Я боюсь потерять её, а вдруг это конец? Так я лучше дам ей возможность дожить эту жизнь такой, какая она есть.

— Только посмей, — цедит Дорина, — я помню прекрасно, как моя малышка пожертвовала собой, ради блага нашего народа, и он забрал её. А твою не тронул. Она ему подарила возможность уничтожить нас, так не смей даже упоминать о моей крошке, которая покоится там.

— Она ничего не помнит. Ничего. Если и было...

— Было? Ты сама видела, в каком он состоянии. Вэлериу вернулся и это означает, что другие тоже придут к нему. Он призовет их, и все закончится. Наш уклад, наша жизнь, наше спокойствие. Они спрятались, их мало, но сила возрастет, если он полностью очнется. И это может сделать только твоя глупая дочь! Ты должна была рассказать ей все раньше! Должна была следить за ней!

— Ты знаешь, где я была, Дора. А вы чем занимались, пока меня не было? Вы должны были тоже оберегать её! А я прилетела и увидела её в крови! И он не вернулся, всего лишь потребуется больше силы, чтобы убить его окончательно. В Хэллоуин мы это сделаем. Нас много, а он один.

— А как же братья Велиш? Они тоже там были и, скорее всего, в курсе.

— Нет, Иона их проверила. Они были без сознания, попали не в то место и не в то время, только у дочери были раны.

— Но одна бы она не смогла. Как? Кто-то в городе из них. Иначе она бы никогда не нашла его. Он враг, он обречен нас на жизнь во тьме и за стенами. Если ты не отдашь нам Аурелию для обряда, то и её мы признаем врагом. А ты знаешь, что мы с ними делаем. Хотела ему помочь, так пусть покоится рядом с ним. Как это было с моей дочерью!

— Она не хотела! Она ни с кем не встречается даже. И я слежу за каждым её шагом. Обряд вы можете провести только при моём присутствии и с разрешения Ионы. А она, как и я, против этого. Поэтому не угрожай мне, Дора, и проваливай из моего дома. Завтра ночью я спущусь к нему, чтобы залить раствор и найти змею. Я лично убью его, а потом, мы все забудем об этом. А город представим для наших жителей, как великую находку, священное место, держащее нас ближе к нему. Тебе все ясно?

— Хорошо, но если пойдёт что-то не так, то ты отдашь нам Аурелию.

— Согласна.

— Прекрасно и смотри лучше за дочерью. Она не должна помешать нам уничтожить его.

— Уж не волнуйся, у меня послушная дочь, в отличие от твоей. Ведь именно твоя дочь первая спустилась туда, первая решила увидеть его своими глазами и пала под чары тьмы. И была убита им лишь потому, что ты слишком болтлива и жаждала власти. А я умнее тебя, Дора, старше тебя и это мой город. Доброй ночи, — дверь распахивается, а затем громко захлопывается.

— Сука, — шипит мама. Медленно закрываю свою дверь и на ватных ногах подхожу к кровати, юркая под одеяло.

Что это все значит? Какой обряд? Почему они его так ненавидят? Убьют в Хэллоуин. И мама, как и остальные женщины, знают о тайне Сакре. Обо всём знают. Она сказала, что была там и знает, что я солгала. Или же действительно верит, что ничего не помню. Выходит, не сон точно. Я была там и видела Вэлериу. Я размотала цепь и вычерпала жидкость. Но раны от пореза нет, вот это остаётся под вопросом.

Как они спускаются туда, если проход мы разгребали? Значит, есть другой ход. Какой? И кто он такой, этот Вэлериу? Мама пойдёт туда завтра, а если я прослежу за ней? Попытаюсь это сделать? Но я хотела встретиться с Лукой и Петру. Ладно, это может подождать. Для

начала я должна знать, как добраться до него другим способом.

Слишком много информации в голове. Оказывается, у Дорины была дочь, которая тоже видела его и влюбилась в эту мумию? Такое бывает? Почему она мертва? Почему он не убил меня, как её?

Дверь в мою спальню открывается. Закрываю глаза, стараясь утихомирить сердце. Скорее всего, мама подходит к моей кровати и садится сбоку.

— О, милая, зачем же ты пошла к нему? — шепчет она. Сжимаю губы, только бы не выдать себя и не потребовать правды обо всём.

— Если пойдёт что-то не так, то я тебя спрячу от них. Мы уедем через океан или же придумаю что-то другое. Но не отдам тебя им. Ему не отдам. Хотя если бы ты слилась с ним, то мы бы имели такую силу, что никому не снилась. А дети? О чём я говорю, он убьёт тебя, как и остальных. Я это делаю только ради тебя, родная моя. Единственная моя наследница, — кровать дёргается. Встаёт с неё. Не уходит. Стоит надо мной, а я от усилий принять самый спокойный вид даже потом покрываюсь. Наконец-то, раздаются шаги и дверь закрывается.

Лежу ещё так, чтобы быть уверенной, что одна. Через некоторое время открывая глаза, смотрю в темноту. Вот теперь я уверена — докопаюсь до правды. Но в груди у меня такое неприятное давящее чувство, что дышать сложно.

Что ещё от меня скрывают? Видимо, очень много. И это не просто город за стеной. Они прячут тут Вэлериу Сакре от кого-то. От других. Но кто они? Почему она упомянула о слиянии с ним? Что это означает? Дети? Какие дети, когда я сама недавно на горшок научилась ходить?

Я узнаю и тогда решу, что буду делать дальше.

— Доброе утро, — с улыбкой говорю я маме, сидящей за кухонным столом и читающей какие-то бумаги.

— Доброе, доченька. Завтрак готов, — она поднимает голову и встаёт, отвечая мне ласковым взглядом.

— Супер, — радостно произношу я, садясь за стол. Она отходит к плите, где уже стоит готовая каша, и пока накладывает мне, мою улыбку стирает с лица.

Не спала всю ночь, составляя списки вопросов, ответов и вариантов, куда пойти в первую очередь. Теперь не чувствую, что я в безопасности. Раз мама решила спрятать меня, то это очень плохо. Да ещё и история с дочерью Дорины не даёт покоя. Никогда не слышала об этом, да и о её смерти бы сказали, были бы поминки и город бы хранил траур сутки, как по каждому усопшему. И ведь она не на много старше мамы, даже могу сказать, что они одного возраста. Сколько же было девочке, когда она спустилась туда? В доме до сих пор темно, хотя на улице уже расцвело, но тучи, тяжёлые и тёмные, сгустились над городом. А вокруг тишина. Грядёт что-то жуткое и невероятно опасное. Словно всё затаилось перед этим днём. Завтрашним днём.

— Ты сегодня могла выспаться и отдохнуть, поваляться в постели до обеда, — ставит передо мной тарелку.

— Я уже выспалась и отдохнула, — снова играю радость на лице, поднимая голову на неё, и беру ложку в руки. Нет аппетита, только одно желание — уйти из дома.

— Какие планы? Пойдёшь вечером на ярмарку? — интересуется она, наливая мне чай.

— Сейчас хочу съездить в библиотеку, поменять книги, а то эти прочла уже. Потом заехать к Риме, поболтать немного и, думаю, от неё пойду на ярмарку. А ты? — перечисляю я лишь часть планов, жуя овсянку.

— Я могу отвезти тебя в библиотеку, а потом к Риме. Планировала с тобой провести день, но молодёжь, понимаю, — смеётся она. Как ты можешь быть такой хорошей актрисой, ведь и ты боишься?

— Прости, давай, на ярмарку вместе пойдём? — предлагаю я.

— Нет, что ты, веселитесь. А я проведу вечер с Ионой, может быть, тоже поеду помочь и проследить за всем на ярмарке. Но обещаю, что мешать не буду, — продолжает улыбаться, а я запиваю чаем вставший ком в горле.

— Ладно, завтракай. Я соберусь пока в город, — встаёт и выходит из кухни, оставляя меня одну.

Ковыряюсь ложкой в каше, не хочу это есть. Встаю и достаю из холодильника коробку, где лежат всевозможные пирожные. Кладу на тарелочку одно, возвращаюсь на место.

Она будет за мной следить, поэтому действовать надо осторожно. Ещё на Хэллоуин костюм подобрать, талон так и не использован, а для этого мне нужна Рима. Если она пойдёт взять напрокат для меня вещи, то это останется втайне, и никто ничего не заподозрит. А обо мне тут же доложат матери или же она сама увидит. Да и лишний раз светиться в городе не хочу, после всего, что случилось.

Доедаю пирожное и выбрасываю кашу в урну, кладу тарелки и чашку с приборами в посудомоечную машину. Иду к себе в спальню и складываю в рюкзак книги, в задний карман джинс прячу крестик, так надёжнее. Возможно, ещё обыскивать мою комнату будут.

Выбираю несколько талонов, вдруг решу зайти куда-то ещё.

Мама уже ожидает меня у дверей, киваю ей, надевая новое пальто. Натягиваю шапку и прячу косу, заправляя волосы. Мы садимся в машину и направляемся в центр. В салоне витает напряжённая тишина, а у меня в голове полно вопросов. Тысячи их засели внутри меня. Так и подмывает спросить, потребовать честного ответа, но сдерживаюсь, сцепляю зубы.

— Тебе помочь? — предлагает мама, когда мы паркуемся у библиотеки.

— Нет, не в первый раз же. Все хорошо, — заверяю я её. Вот не хватало мне этого, ведь планы у меня совершенно иные.

Мама кивает, а я захлопываю дверцу и быстрым шагом вхожу в тихую библиотеку. Вешаю одежду на крючок и сдаю книги, говоря, что выберу новые. Женщина как-то странно смотрит на меня, скорее всего, из-за случившегося. Но отмахиваюсь от этого восприятия, направляясь к стеллажам. Вхожу в отдел любовных романов, но прохожу его, огибаю и ищу глазами историю. Множество книг о разных странах. Не то, все не то. Румыния. Культура и обряды. Мировая история. Черт, но должно же быть хоть где-то о нашем городе.

Кусая губы, пробегаю пальцами по книгам. Ничего нет, совсем ничего. Обхожу стеллаж. Научная литература. Химия. Биология. Какие-то папки с выписками из химических лабораторий. Ну как так?

Следующее — иностранная литература. Французский. Немецкий. Русский. Португальский. А то мы его изучаем. Хмыкаю. Латынь. Тут уже медленнее читаю названия. «История возникновения языка». «Ромео и Джульетта» даже есть. «Собрание стихов». «Носители языка».

— *Аурелия*, — раздаётся уже практически забытый голос. Вздрагиваю и цепляю пальцами последнюю книгу. Она падает на пол, как мне кажется, очень громко.

— Вэлериу, — шепчу я, нагибаюсь и поднимаю книгу.

— *Найди меня... иди ко мне*, — требовательно проносится в голове.

— Сама решу, что мне делать, — фыркаю, мотая головой, чтобы стряхнуть с себя неведомо откуда появившееся желание последовать этому зову.

— *Аурелия!* — уже громче, словно кричит.

— Хватит, сначала я разберусь с тем, что видела. И кто ты есть, а потом подумаю. Понял? — зло цежу я, обращаясь к воздуху.

— *Ты нужна мне*, — тише произносит. Даже дыхание его слышу.

— А ты мне нет. Оставь меня, у меня есть важные дела, а времени нет. Дай мне самой решить, что я хочу, — жмурюсь, шепча слова на латыни. Открываю глаза и ничего.

— Спасибо, — произношу и решаю поставить книгу обратно. Толкаю её, а она не встаёт на место. Что-то мешает ей. Вытаскиваю и шарю рукой, подхватывая пальцами находку. Тяну на себя. Сдуваю пыль.

«Эллиаде. Рождение города». Написано на латыни. Ставлю быстро другую книгу обратно и открываю страницы, потрепанные временем.

Листаю их, пытаюсь выхватить из букв хоть какое-то упоминание о Сакре. Но ничего нет. По новой. С самого начала, уже медленнее. Руки немного дрожат от волнения, пока вожу пальцем по предложениям. Дата рождения, старейшины, быт и условия возникновения. Не то, это я знаю. Зло перелистываю книгу на самую последнюю страницу. Какой-то рисунок.

— Но мало кому известно, что наш прекрасный город построен на разрушенном поселении предков. Доблестные граждане не потеряли веру в нашу силу и решили возвести

величественную Эллиаде. Ниже вы можете увидеть, насколько наш город похож на предыдущий. Хвала и благодарность людям, так любящим румынскую землю и чистую кровь, — тихо читаю я на латыни.

Карта. Ура! Церковь, где же церковь? Дома... замок... озеро... вот. Крест. Но как понять, где сейчас она? Бросаю взгляд, осматриваясь вокруг, и резко дёргаю страницу, вырывая её из книги. Складываю лист и прячу в карман джинс. Убираю книгу обратно к стенке шкафа и закрываю другой книгой. Чуть ли не бегу к романам и хватаю первый попавшийся. Подхожу к библиотекарю и оформляю. Такое чувство, что совершила кражу или же что-то похуже. Как преступница, второпях набрасываю пальто, натягиваю шапку и вешаю на плечо рюкзак.

— Я всё, — говорю, садясь в машину. Мама откладывает бумаги на заднее сиденье и заводит мотор.

— Что выбрала? — интересуется она.

— Эм, новый роман, — пожимаю плечами. А внутри все трясётся от желания скорее оказаться дома и найти это место, где находится Вэлериу.

— Роман, — задумчиво произносит она, сворачивая в сторону дома подруги. — А что ты думаешь о любви, родная?

— Любви? — переспрашиваю я.

— Да, любви, браке, детях? — бросает на меня взгляд, возвращая его к дороге.

— Как-то даже не думала об этом. А что? — медленно отвечаю я.

— Я в твоём возрасте уже встретила твоего отца. Год мы встречались, а потом поженились, и я забеременела тобой, — с улыбкой произносит она.

— Мне ещё рано. И ты знаешь ведь, что я... кажется, не моё это. А ты любила его, да? — поворачиваюсь к ней. Издаёт тяжёлый вздох.

— Нет, не любила я твоего отца. Была влюблена в другого мужчину, но он... как бы тебе сказать...

— Был женат? — подсказываю я.

— Нет, он был свободен. Но не того уровня, который был у меня и у тебя. Он слишком был амбициозен и... хотел, чтобы я ушла с ним за стену. А я не могла, поэтому решила, что мне необходимо забыть о нём и встретила твоего отца. Он любил меня, а потом бросил нас. Исчез, просто исчез и ничего не объяснил. Я до сих пор не знаю почему, — грустно рассказывает мама.

— А где тот мужчина сейчас?

— Далеко... очень далеко, его нет в живых. Он погиб, так мне сказали. Ввязался в драку и его застрелили за пределами города. Глупо и печально, что его жизнь закончилась вот так. Поэтому я так ценю эти стены, защищающие наших детей от злости и жестокости. Понимаешь, Лия? — она останавливает машину и поворачивается ко мне.

— А тут разве нет жестокости? Всегда люди были так же счастливы, как и сейчас? — корю себя за то, что высказала это. Выдаю ведь себя, но ничего не могу поделать с желанием узнать правду. Смотрю в настороженные синие глаза матери и жду её ответа.

— Везде есть жестокость, доченька. Но иногда она во благо, а за стеной никто не подумает о тебе, там каждый сам за себя. А у нас, мы защищаем друг друга. Мы опережаем чьи-то желания и мысли навредить нашему народу. Это большая семья, которая должна продолжать существовать, — уверяет она меня.

— Я не верю, что жестокость может быть во благо, мам. Жестокость нельзя оправдать, как и бесчеловечность. Никто не имеет права отнимать чью-то жизнь, если не он её давал.

И, вообще, зачем мы говорим об этом, мама? Что-то происходит, ты пытаешься предупредить меня? — даю ей возможность открыть мне правду. Но она изгибает губы в грустной улыбке и поворачивается к рулю.

— Просто хочу, чтобы ты знала, как я люблю тебя. Обещаю тебе защищать тебя, и всё будет хорошо. Постоянно думаю о том, что тебе пришлось пережить, лежа в этой яме. Мы приняли решение полностью разрушить замок, чтобы больше никто не угодил в такую ловушку. Народ обеспокоен этим, а молодёжь, наоборот, пытается проникнуть туда и посмотреть на то, что внутри. Это небезопасно. Сейчас там дежурят, отслеживая все попытки забраться на камни. А теперь иди, развлекайся с Римой и передавай ей привет. Вечером встретимся на ярмарке, — улыбается она. Киваю, но в голове застревают её слова, словно самое настоящее предупреждение не ходить туда, во избежание проблем.

Значит, мне придётся проследить за ней. У меня должны быть варианты, а потом я решу, что хочу. Хотя не знаю, сколько во мне силы противостоять против всех и вновь увидеть мумию, в которую превращён Вэлериу.

Сегодня в школе нет занятий, ребята с десяти утра помогали собирать палатки, и Рима оказалась дома, когда я постучалась. Конечно, она засыпала меня вопросами, на которые я пыталась отвечать односложно.

— Жалко, что нельзя немного накрасить глаза, ведь сегодня будет так много мальчиков, — мечтательно произносит она.

— Рима, у меня есть к тебе просьба, — медленно произношу я, садясь к ней ближе на постель.

— Какая? Неужели, правда? Ты и Лука Велиш? Или ты и профессор Велиш? — её глаза светятся от выдумки.

— Нет, такого нет. Но это очень личная просьба, и я бы хотела, чтобы она осталась между нами. Хорошо? — серьёзно спрашиваю её. Подруга кивает.

— Ты можешь для меня арендовать в магазине костюм брачующейся. Знаешь же его? — продолжаю я.

— Но это самый распространённый костюм, Лия! Он скучный! Мы ведь хотели быть кем-то яркими, к примеру, Бритни Спирс или Мадонной, — обиженно тянет она.

— Прощу тебя, милая, прошу. Я хочу побыть хоть раз блондинкой, а не чёрненькой. Ведь Хэллоуин должен приносить радость, а меня всегда все узнают. Я дам тебе свой талон, благо там нет имён, — пытаюсь придать голосу писклявые и разочарованные ноты. Удаётся и подруга берет меня за руку, немного сжимая.

— Конечно, завтра с утра возьму и привезу тебе...

— Нет, я сама приеду к тебе. Никто не должен знать, какой костюм я выбрала. Хочу удивить маму и остальных, — уже радостней. Молодец, Лия.

— Без проблем, а теперь ещё расскажи про Луку. Он такой красавчик, Мария только и рассказывала всем подряд, что он положил на неё глаз, и скоро будут звенеть свадебные колокола, — переводит тему Рима.

Закатываю глаза, начиная по новой придумывать сказку про то, как ничего не было.

Кажется, что весь город собрался на центральной площади. Яркие огни и палатки с разными сладостями: кукурузой, сахарной ватой, выпечкой, — тут и там. За это мы не платим деньги. Тут нет выгоды, а лишь веселье и желание накормить каждого. Палатка с тиром, где можно выиграть мягкие игрушки, даже поставили комнату смеха. Традиция из года в год. Если в других странах Хэллоуин — это праздник нечисти, то у нас он символизирует чистую ночь, когда в твоих руках есть возможность быть, кем угодно и развлекаться до утра, сколько бы тебе ни было лет.

А сейчас раздаются песни и национальная музыка, огонь светится вокруг площади. Смех наполняет воздух. Улыбаюсь этому ощущению забытой радости. Наблюдаю, как дым от огня поднимается к ночному небу, и вдыхаю вкуснейший аромат бургеров. И да, сегодня можно попробовать хот-доги и бургеры в трёх палатках, как и поужинать мясом на углях и печёной картошкой. Большая семья вышла, чтобы устроить октябрьский пикник в ночи.

— Держи, смотри, сколько кетчупа и соуса достала, — меня пихает в бок Рима, тряся перед носом хот-догом. Её рот весь измазан заправкой, я показываю ей на это и забираю угощение.

— Спасибо. Как же это вкусно, — откусываю, и хочется есть это вечно. Невероятный вкус плохой и запретной еды во рту приносит неопишуемый восторг и желание лопнуть от наслаждения.

— Ага, а потом за бургерами. Я там, кстати, Луку в очереди видела, — подруга подмигивает мне. А у меня кусок поперёк горла встаёт. Откашливаюсь, бьёт меня по спине, удивляясь такой реакции.

— Ты чего?

— Прекрати выставлять все, как будто между нами что-то есть, — откашлявшись, раздражённо говорю я.

— Ладно-ладно, а ещё твою маму видела. Она в палатке с ватрушками, помогает, — ищу глазами это место и вижу подтверждение слов подруги. Мама замечает меня, поднимая руку и приветствуя меня. Киваю и выдавливаю улыбку, как-то и есть уже не хочется. Выбрасываю еду, теперь ища глазами Луку. Надо поговорить с ним, это ведь удача встретить его тут.

— Лия! Зачем ты это сделала? — указывает на бак с мусором подруга.

— Хочу оставить место для бургера и сладостей. Пошли, — тяну её за рукав, ища палатку с этим деликатесом.

Длинная очередь из ребят, и ни одного взрослого. Лука выше, чем остальные ребята, но таких ещё пятеро. Один из парней оборачивается и узнаю в нём того самого, что мне нужен. Впиваюсь в него взглядом, заставляя посмотреть на меня, найти в толпе. Удивительно, но он поднимает голову и смотрит точно в мои глаза. Головой показываю вбок, чтобы отошёл. Отвечает что-то своим друзьям и кивает, но уже мне.

— Рима, возьми мне, хорошо? В туалет хочу, — прошу я подругу и, не слыша её ответа, уже иду в толпу, теряясь среди людей. Не знаю, сможет ли Лука найти меня, но уверенно направляюсь к комнате смеха. Лучше, чтобы меня видели, тогда не будет нелепых слухов, которые шепчут тут и там, когда я прохожу.

Остановливаюсь, занимая очередь.

— Привет, Лия, можно с тобой? — облегчённо вздыхаю, слыша радостный голос Луки

слева от меня.

— Привет, конечно, — киваю, нарочито громко отвечая ему. Он становится рядом со мной, и я придвигаюсь к нему.

— Я все помню. Буквально все. И тебя, и Петру, и то, как вы заперли меня в церкви. Вэлериу Сакре и его погребение. Мумию и то, что под нами разрушенный город, — быстро шепчу я.

— Не понимаю, о чём ты говоришь. Ты была без сознания, как и мы. Наверное, во сне привиделось. Вот это фантазия у тебя, — отвечает он так же.

— Не понимаешь, ладно. Тогда поймёшь, когда я расскажу об этом маме и кто был со мной. А ещё покажу, что я сделала и где была, — поднимаю на него голову. Прищуривается, блестя яростью в зелёных глазах.

— Я убью тебя, только раскрой свой поганый рот, — шипит он.

— Хороший вечер, да? Как ты себя чувствуешь? — отодвигаясь от него, подхожу к контролёру, осматривающему нас.

— Да уже нормально. А твоя голова прошла? Вот это надо было так упасть? Но хоть разнообразие в жизни, — смеётся он, а глаза остаются такими же острыми и злыми.

— Это точно. Ура, мы следующие. Столько лет обхожу эту комнату, а веселья хочется ведь, — улыбаюсь контролёру, пропускающему нас.

Мы входим в комнату с зеркалами. Он хватает меня за локоть, таща за собой.

— Больно, отпусти, — шиплю, пытаюсь оторвать его пальцы.

— Рот закрой. Я не Петру, сюсюкать с тобой не буду, — фыркает он, быстро проходя весь путь до конца, и мы выходим в ночь, оказываясь за этим сооружением. Поворачивает меня к себе, отпуская.

— Что ты хочешь? — цедит сквозь зубы.

— Правду. Всю правду. Завтра в обеденное время я готова с тобой и Петру встретиться в том кафе у Андрея. За мной следят, как и за вами. Поэтому сделайте все крайне осторожно, — требовательно шепчу я.

Думает, бегая глазами по моему лицу.

— Хорошо. Завтра в два дня там и только попробуй раскрыть свой рот...

— Да задолбал ты со своими угрозами. Ничего мне не сделаешь, потому что я нужна Вэлериу, — перебиваю его, видя подтверждение своих слов, когда он отходит от меня и кривится.

— Ещё одно. Мне нужна помощь сегодня. Ты на машине? — спрашиваю я.

— Я не собираюсь...

— Собираешься, ещё как собираешься. Теперь я ставлю условия, Лука, и ещё раз спрашиваю: ты на машине? — вновь перебиваю, и мне это чертовски нравится. Эта власть в моих воспоминаниях, в знаниях и услышанном. Я могу их контролировать, полностью подчинить себе.

— Да. На машине брата, — цокает он языком.

— Хорошо, будь на виду. Следи за мной, не отходи ни на шаг. Вход, через который проходили мы, закрыт и там дежурят. Поэтому сегодня я узнаю, где есть другой. И если будете хорошими мальчиками, возможно, расскажу, — довольно тяну я.

— Слушай ты, девица, — резко хватает меня за руку, но я уверенно поднимаю голову, встречая его яростно полыхающий взгляд.

— Руки убрал от меня, урод. Я все сказала, до встречи, — отталкиваю его со всей силы,

что он отступает назад и ударяется спиной о дверь. Разворачиваюсь и иду искать Риму, чтобы поест, а одновременно следить за матерью.

Подруга уже уплетает за столиком свою порцию картошки и бургера, указывая на мою. Сажусь рядом, благодарю её. Нахожу глазами маму, о чем-то болтает с жителями и смеётся от их фраз. Жую свой ужин, а внутри меня трясётся все от нетерпения и страха.

— А Лука смотрит на тебя, — говорит Рима, указывая за мою спину. Молодец, все правильно делает.

— Плевать, — передёргиваю плечами, отодвигая от себя еду.

— Может быть, в тир? — предлагает она.

— Ты иди, а я подойду к маме, — отвечая, встаю и направляюсь к родительнице. Она замечает меня, прощаясь с жителями и желая им хорошего вечера.

— Развлекаешься? — спрашивает она.

— Ага, но уже устала. Когда ты домой поедешь? — интересуюсь я.

— У меня дела. Тебя может подвести кто-то, я сейчас...

— А ну ладно, я тогда ещё погуляю, и папа Римы меня отвезёт, — перебиваю её. — А ты тут ещё долго? Может быть, постреляем?

— Уже ухожу, родная. И ты не задерживайся, у тебя сотрясение, помни о своём здоровье, — произносит она.

— Хорошо, до завтра, — улыбаюсь ей и, разворачиваясь, иду прямо на Луку. Он стоит в окружении парней со своей школы. Показываю ему идти за мной. Бросаю взгляд за спину, проверяя, кто следит сейчас за мной. Никого не вижу и продолжаю идти к деревьям, пытаюсь потеряться там. Прячусь за одним. Лука проходит недалеко от меня.

— Садись в машину и поезжай прямо, остановись через метров двадцать и погаси фары. Жди меня, — шепчу я. Останавливается, кивком показывая, что услышал.

Наблюдаю, один ли идёт к парковке? Смотрит ли кто-то за ним? Но не вижу никого. Он садится в машину и проезжает мимо меня. Наблюдаю, как глушит мотор, и тогда бегу к автомобилю. Распахиваю дверцу и забираюсь внутрь.

— А теперь объясни, какого черта ты творишь? — кричит он.

— Закройся. Сейчас выедет чёрный Мерседес. Нам нужно ехать за ним, но только так, чтобы нас никто не видел и не понял, что мы следим. Все ясно? — спокойно говорю я, бросая взгляд назад.

— Не говори мне, что мы будем следить за твоей матерью. У неё единственный Мерседес в городе!

— Не говорю, ты сам обо всём догадался, — пожимаю плечами, все так же смотрю на парковку.

Это единственный выезд отсюда, она должна проехать мимо нас.

— Ты же понимаешь, что нарушаешь правила? — ехидно спрашивает он.

— А, может быть, я решила быть плохой? — в той же манере отвечаю ему.

— Тогда бы я сказал, добро пожаловать к нам, — смеётся он. Придурок.

— Едет, — шепчу я, опускаясь на сиденье и прячась, чтобы уж точно никто не заметил меня.

— Не включай фары, — добавляю я.

— Не дурак, понял, — фыркает он.

Мимо нас проезжает машина, и Лука заводит мотор. Выбираюсь из своего укрытия, следя за движением. Дышу глубже, а сердце так стучит. Боже, мне влетит, если она узнает

все. Будет ещё хуже. Может, не надо? Оставить все, как есть? Нет! Аурелия, соберись и продолжай. Ты сама должна узнать, что тут происходит. Сама сделать выводы, основываясь на собственном опыте и том, что увидишь. Никак иначе.

— Она направляется к церкви, — недоуменно произносит Лука.

— А то я не вижу. Значит, вход там, — шепчу я. — Остановись здесь.

— Но до неё ещё идти! — возмущается он.

— Добегу. А ты жди меня тут, развернись и жди. Будь готов, — бросаю, выбираясь из машины.

Вот теперь пришло время нарушать все правила и законы, предавать всех, кроме себя.

Бегу до церкви, прячась за деревом. Наблюдаю, как мама выходит из машины и направляется к зданию. Перебегаю дорогу, прячусь за Мерседесом. Стучится в центральную дверь. Открывает ей пастор и оглядывается, что-то говоря ей. Теперь надо как-то зайти туда. Тихо. Но возможно ли открыть массивные двери незаметно? Не знаю. Подхожу к ним, кусая губы. Пытаюсь прислушаться к тому, что там происходит. Ничего не слышу. Как можно осторожней нажимаю на ручку и тяну на себя дверь.

— Готово? — спрашивает мама.

— Да, госпожа, как вы и просили. Раствор и распятие, — отвечает ей пастор.

— Отлично. Пошли за мной, мне нужна помощь.

— Нет... простите, но туда я не пойду. Оттуда постоянно слышен шум и...

— Закрой рот! Живо за мной! — перебивает его криком мама.

Раздаются шаги, и я, прищурившись, смотрю в приоткрытую дверь. Они идут по проходу и обходят его. Пастор на что-то щелкает, и огромный золотой крест отодвигается вперёд, а затем вбок.

Поэтому его голос был так ярок тут. Он внизу. Церковь под старой церковью! Идеально для того, чтобы спрятать того, кто больше не верит в Бога!

Пастор хватает бидон и передаёт матери мешок, наверное, с распятием. Они входят в тёмное пространство, оставляя его открытым. Сглатываю от страха и нервного напряжения, оглядываюсь, проверяя, чтобы никого не было. Протискиваюсь в двери и закрываю их. Быстрым шагом подхожу к кресту. Осматриваю его, но кнопка или на что он нажимал сейчас перекрыта, и я не найду её. Ладно, надо идти.

Вхожу в тёмный коридор. Слышу впереди шаги и пыхтение пастора. Замираю. Стук сердца оглушает меня, прижимаю руки к груди, чтобы утихомирить чувства. Они только мешают сейчас. Все стихает, и тогда я двигаюсь по проходу. В темноте сложно разглядеть что-то, но иду я уже прилично, постоянно держась за стену. Неожиданно нога оступается, падая куда-то. Сжимаю губы, чтобы не закричать и хватаюсь за какой-то выступ. Перила. Значит, тут лестница. Стараюсь аккуратно спускаться, постоянно крепко держась за металлическую палку сбоку. Ноги уже болят от постоянного спуска, но иду. А так темно вокруг. Никаких голосов. Ничего.

Когда же окончится лестница? Тусклый свет внизу. Уже медленнее спускаюсь, вставая на плоскую поверхность. Вот и проход. Выкопанный коридор, подсвечивающийся факелами, как были там. Быстро иду по нему, постоянно оглядываясь.

— Стой тут и жди меня, — слышу громкий мамин голос впереди.

[Купить полную версию книги](#)